

Анатолий Головкин

Деревенские НЭПМАНЫ

Тверь 2019

Анатолий Головкин

**Деревенские
нэпманы**

Тверь 2019

УДК 39(470.22)

ББК 63.3(2)

Г61

Г61 **Головкин А.Н.** Деревенские нэпманы. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2019. – 280 с.

ISBN 978-5-94789-900-9

«В книге «Деревенские нэпманы» автор на примере волостей, в которых проживали русские и карелы, повествует о коротком периоде проведения новой экономической политики (НЭП) в 1921–1928 годах, о деревенских нэпманах, которых советская власть отнесла к классу кулаков с последующим их раскулачиванием и коллективизацией крестьянских хозяйств.

В противовес созданному советской властью и годами пропагандируемому термину «кулачество», автор вводит понятие «деревенские нэпманы» с указанием их признаков, в отличие от кулаков-ростовщиков.

На обложке: «С верой к достойному будущему». Фотография Тайто Салми (город Лапеенранта, Финляндия), Тверская Карелия, 1998 год».

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-94789-900-9

© А.Н. Головкин, 2019

© Макет ООО «Издательство «Триада», 2019

Введение

В предыдущих книгах о тверских карелах я писал об истории и жизни карел на основе материалов, полученных из архивных источников, документов, воспоминаний очевидцев и других первоисточников. Пытался осветить многие факты, начиная от рождения карельской нации в IX веке на Карельском перешейке и Приладожье и до начала XXI века уже на тверской земле. История карельских деревень Тверской губернии и их жителей неразрывно связана с русским населением, с которым они проживали рядом, своими деревнями, или совместно с ними в одной деревне.

Но остались неизученными еще «белые пятна» в истории тверских карел, одно из них – короткий период их жизни, так же, как и русского населения, во время объявленной советской властью новой экономической политики (НЭП) в 1921–1928 годах, последующего за ней раскулачивания и коллективизации крестьянских хозяйств в 1929–1932 годах. О коллективизации и раскулачивании крестьян карельских деревень в 1931–1932 годах я писал в книге «История одного колхоза».

Обучаясь в школе и институте, о времени НЭПа мы могли судить лишь по плакатам с критикой советского *городского* буржуя. На тех же плакатах мы видели крестьянина за работой: он пашет плугом или сохой землю, бросает из лукошка в нее зерна или молотит цепом хлеб нового урожая. Но тогда не было, и до сих пор нет понятия «деревенский нэпман», было и есть другое насаждаемое нам понятие – «кулак».

Задача кулака-ростовщика – заработать деньги путем скупки и перепродажи хлеба, скота и сельскохозяйственных продуктов на выгодных для себя условиях, то есть путем спекуляции, или выдачи ссуды под большие проценты, то есть в рост.

Главная задача *деревенского нэпмана*, как любого другого крестьянина, была – прокормить, одеть и обуять свою семью, при возможности дать образование детям. Деревенские нэпманы часто безвозмездно помогали бедным семьям продуктами питания, использованием молотилками, сеялками и другими сельскохозяйственными машинами, лошадьми для пахоты, сева и уборки урожая. Они хорошо уживались со своими соседями, понимая, что в деревне все на виду, каждый житель все знает о жизни других.

Благодаря трудолюбию, знаниям, опыту и предприимчивости хозяйственных крестьян, после Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 года, Гражданской войны, нищеты и разрухи поднималось сельское хозяйство, ремесла и торговля в деревне. Зажиточные крестьяне составляли конкуренцию коммуна, потребительской кооперации и неповоротливым государственным структурам, невольно заставляя их работать более активно.

Чем дальше я исследовал тему деревенских нэпманов, тем больше вопросов у меня возникало. Основной вопрос заключается в том, каким способом крестьянами в деревне было приобретено богатство – напряженным трудом или ростовщичеством и спекуляцией?

Почему, провозглашая лозунг «Земля – крестьянам!» и тем самым приблизив к себе крестьян, которые и обеспечили на местах победу советской власти, большевики сразу же, одним из первых своих декретов, изъяли у них из собственности землю, установив государственную монополию на нее?

Почему советская власть, провозглашая и всячески поддерживая государственную и коллективную собственность, через четыре года после Октябрьской революции все-таки провозгласила новую экономическую политику (НЭП) и вновь вернулась к частной собственности?

И самый главный вопрос: как так оказалось, что врагами советской власти стали те, кто кормил и одевал эту самую власть?

Ответы на эти вопросы заключаются в политике коммунистов, когда возникло сильнейшее противоречие между объективным экономическим ростом сельского хозяйства и политической программой большевиков **на коллективизацию деревни и раскулачивание зажиточных крестьян**. Партия большевиков поставила перед собой задачу построения социализма, экономической основой которого, по их идеологии, являлась только общественная собственность на средства производства, исключая всякую частную собственность на них.

Одновременно советская власть, вопреки вековым традициям и обычаям, после Октябрьской революции 1917 года резко отказалась от местного самоуправления в деревне. Она добивалась выхода крестьян из деревенских общин, искусственно расслаивая деревенских жителей на бедняков, середняков и кулаков. Большевики добивались изменения управления в деревне с помощью вооруженной силы, декретов и предписаний, отучая крестьян от общинной самостоятельности, и

попирая права, данные им в ходе крестьянских реформ второй половины XIX века и начала XX века.

Сразу после Октябрьской революции 1917 года большевики, захватив власть, установили государственную монополию на хлеб, *превратив его в оружие классовой борьбы*. Они запретили крестьянам самим продавать хлеб, а рабочим и другим гражданам страны – его покупать. Были созданы вооруженные продовольственные и заградительные отряды из рабочих, матросов и солдат, которые силой забирали у крестьян все «излишки» хлеба, порою обрекая их самих на голодную смерть.

Проводя продразверстку, продовольственные отряды из городов одновременно устанавливали советскую власть на местах, сажая в руководство сельскими и волостными советами представителей деревенской бедноты. После принятия декрета «О земле» во многих деревнях усилились стихийные захваты и переделы земли, а также помещичьего, монастырского и церковного имущества.

Созданным в июне 1918 года комитетам деревенской бедноты (комбедам) поручалось проводить отчуждение земель и имущества. Комбеды делили помещичьи, церковные, монастырские земли и оставшееся после грабежей имущество бывших хозяев, а также земли хуторян, зажиточных крестьянских семей и их отруба. Одновременно комбеды, вместе с продовольственными отрядами, изымали у богатых крестьян так называемые «излишки» хлеба.

Период времени насильственной реквизиции хлеба с 1918-го по 1921 годы, получил название «военного коммунизма». **Насильственная продразверстка** вызвала недовольство крестьян советской властью. Массовые крестьянские волнения прокатились по всей стране, особенно активно выступали против продразверстки, и вообще против советской власти, крестьяне Дона, Кубани, Поволжья, Сибири, Тамбовской губернии и Украины. Против коммунистов поднялись матросы Кронштадта, которые в большинстве своем были выходцами из крестьян и выражали интересы крестьянства.

Любую революцию всегда сопровождают разрушения, хаос, бедность, доходящая до нищеты, грабежи, разбои и другие преступные проявления. Все эти негативные явления в России усугубились потерями в Первой мировой войне, а позднее – в Гражданской войне. По некоторым данным, человеческие потери, вместе с эмиграцией, в общей сложности за годы войны составили около 16 млн человек.

После окончания Гражданской войны советская страна лежала в руинах, производство товаров промышленности и продуктов сельского хозяйства резко упало.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 года была провозглашена новая экономическая политика (НЭП), которая продолжалась чуть более 7 лет до октября 1928 года. Главной целью НЭПа было снятие социальной напряженности в стране, предотвращение дальнейшей разрухи в промышленности и сельском хозяйстве.

С того времени *продразверстка была заменена натуральным продовольственным налогом, который крестьяне вносили различными видами продукции, установленными отдельными декретами советской власти. Позднее натуральный продовольственный налог был заменен единым сельскохозяйственным налогом, который выплачивался в денежном выражении.*

В период проведения в СССР новой экономической политики были претворены в жизнь ее основные элементы:

- продразверстка заменена натуральным продовольственным налогом, затем – единым сельскохозяйственным налогом;
- мелкие и некоторые средние национализированные предприятия вновь были переданы от государства в частные руки;
- разрешена частная торговля излишками сельскохозяйственной продукции и кустарными изделиями;
- в октябре 1922 года новым Земельным кодексом было закреплено право выхода крестьян из сельской общины. Разрешена в ограниченном виде передача земли в аренду и применение наемного труда в сельскохозяйственном производстве;
- отменена трудовая повинность;
- проведена денежная реформа с введением твердой денежной единицы – золотого червонца. Кроме него в обращение были выпущены казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей, чеканились разменные серебряные и медные монеты.

Вводя новую экономическую политику (НЭП), руководители коммунистической партии и советское правительство ставили задачу развития промышленности в стране за счет деревни. Они взвинтили цены на изделия неразвитой еще промышленности и одновременно резко снизили цены на продукцию сельского хозяйства, умышленно образовав так называемые «ножницы цен». Советское руководство видело задачу не в том, чтобы брать с крестьянина меньше, чем брали

при капитализме, а в том, чтобы брать с них еще больше. Развитие частной собственности во время НЭПа, по мнению коммунистов, являлось отступлением от идей социализма, на что они были вынуждены пойти.

Спекуляция, обогащение, мошенничество, праздный образ жизни во времена НЭПа бурно расцвели в городах. В этой книге речь пойдет о деревне, где подобные явления наблюдались редко, а разумных, трудолюбивых, умелых зажиточных крестьян отнесли к «кулакам», объявив их «классовыми врагами пролетариата и советской власти».

Дав возможность крестьянам некоторое время в годы НЭПа вести частную торговлю, сдавать землю в аренду и нанимать рабочую силу, обогащаться за счет увеличения поголовья скота и площади посевов, за счет развития ремесел и промыслов, советская власть впоследствии изумительно поступила с самыми трудолюбивыми хозяевами, направив многих из них в лагеря или ссылку на Урал, в Сибирь, Казахстан и на Север.

Советские писатели в своих статьях и книгах сообщали читателям о нравственном разложении кулаков, об эксплуатации кулаками бедняков, но они не сумели или не хотели отличать немногочисленного деревенского «кулака-миroeда», кулака-ростовщика от значительной массы середняков и зажиточных крестьян.

Они называли работу раскулаченных крестьян, проводимую в ужасных условиях на строительстве Беломорканала, «подвигом чести и славы, подвигом доблести и геройства, обычным в советской стране». А массовую гибель ни в чем неповинных людей от голода и стужи – системой «перековки» людей, которую «впервые так смело и в таком широком объеме применили при строительстве Беломорканала».

В постсоветской литературе по-прежнему пишут, что главной ценностью советских нэпманов было богатство. Что сначала на лесоповал отправляли нэпманов, а за ними кулаков и середняков. Как бы не так! Надо бы различать городских нэпманов, кулаков и зажиточных крестьян. Городских нэпманов массово не направляли на лесоповал, их судили суды в индивидуальном порядке и за конкретные преступления, а не президиумы сельских советов и тройки райисполкомов массово, как это было в отношении крестьян. Большинство городских нэпманов были устроены работать в торговых и снабженческих советских организациях, а вот деревенских нэпманов выселили из своих мест и направили на лесоповал.

Почему в городе мелкий торговец, мелкий промышленник и ремесленник – это «нэпманы», а в деревне – «кулаки»? К кулакам порою относили даже тех крестьян, которых голод и лишения привели к занятиям торговлей или ремеслами.

Эти постсоветские авторы не смогли или не захотели отличить зажиточного крестьянина-хлебороба или крестьянина-ремесленника от кулака-ростовщика, лично не занимавшегося сельским хозяйством, постоянно эксплуатировавшего чужой труд или дававшего крестьянам хлеб в долг под большие проценты. В продолжение идеологии, поддерживаемой в свое время советскими писателями, некоторые постсоветские авторы так и не поняли разницы между городскими нэпманами, наживавшими богатство на обмане и спекуляции, и зажиточными крестьянами, имевшими достаток за счет своего тяжелого ежедневного труда.

Кто-нибудь из этих писателей пробовал вспахать лошадью с плугом хоть одну сотку земли, а тем более – сохой?

О жизни крестьян может более достоверно написать тот, кто жил в деревне, месил сапогами грязь, кто работал в поле, кто пахал землю плугом. Основные технологии земледелия и ремесел, вместе с инструментами, орудиями и сельскохозяйственными машинами были перенесены из 1920-х годов в 1950–1960-е годы. Проживая в деревне, я имел возможность все это наблюдать, запоминать, чтобы через 55–60 лет описать в книге.

В этой книге я хотел показать, что именно крестьяне, занятые сельским хозяйством, деревенские ремесленники, торговцы, владельцы мелких промышленных предприятий и сельскохозяйственных машин накормили после Первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны голодную страну и давали тогда необходимые для сельской жизни промышленные товары на своих мелких предприятиях.

Достоверность мыслей и фактов, изложенных в этой книге, основана на материалах декретов и других нормативных актов высших органов советской власти, стенографических отчетов съездов и конференций коммунистической партии большевиков, а также на архивных документах, хранящихся в Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ).

Чтобы не утонуть в массиве информации из архивных документов и материалов, я написал о временах НЭПа на примере жизни русского

и карельского населения Бежецкой и Сулежской волостей Бежецкого уезда Тверской губернии. Жизнь крестьян в других волостях и уездах Тверской губернии, да и в других центральных губерниях РСФСР, проходила подобным образом, о чем наглядно свидетельствуют сводки ОГПУ и другие документы.

К каждому параграфу привожу высказывания руководителей Советского государства, коммунистической партии и видных деятелей на партийных съездах, конференциях, в письменных трудах о продразверстке, НЭПе и коллективизации, а также цитаты из документов.

Глава I

От продразверстки к единому сельхозналогу

Продразверстка (1918–1921 годы)

*Ради бога, хлеба, хлеба
и хлеба! Иначе Питер
может околеть. Ради бога.*

В.И. Ленин

Сразу же после Октябрьской революции, в конце ноября 1917 года, советская власть стала создавать вооруженные отряды для реквизиции хлеба у крестьян. В ноябре-декабре 1917 года крестьяне еще могли свободно продавать хлеб на рынках и базарах по ценам, утвержденным Временным правительством 25 марта 1917 года, хотя самого того правительства уже не существовало. Так продолжалось до создания вооруженных продовольственных и заградительных отрядов, которые действовали на праве силы, так как какой-либо правовой базы для их деятельности еще не существовало.

Первые продовольственные отряды, по указанию главы Советского государства В.И. Ленина, были образованы из матросов Кронштадта по 5–10 человек в отряде. Каждому отряду были приданы по 10 питерских рабочих, по мере формирования отрядов они направлялись в губернии для изъятия хлеба у крестьян. Матросам было дано указание, что если не удастся получить хлеб путем убеждения, он должен быть реквизирован силой.

1917 год. К 20 ноября 1917 года в составе продовольственных отрядов в разные губернии направили свыше 7 тысяч матросов и питерских рабочих. Во главе каждого отряда был поставлен комиссар, назначаемый Петроградским комитетом большевистской партии.

С 8 декабря 1917 года продовольственные отряды были переподчинены от Петроградского военно-революционного комитета Народному комиссариату продовольствия. Ситуация с хлебом в стране была критическая. В январе 1918 года в Петроград ежедневно поступало

по 13 вагонов с хлебом из 30 вагонов, необходимых при самой низкой потребности по 250 граммов на едока в день.

15 января 1918 года В.И. Ленин телеграфировал в Харьков направленным туда народным комиссарам В.А. Антонову-Овсенко и Г.К. Орджоникидзе: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба! Иначе Питер может околоть. Ради бога» [1].

24 декабря 1917 года ВЦИК и Народный комиссариат продовольствия РСФСР направил письма во все губернии с поручением местным органам власти об организации продовольственных комиссий при советах. На комиссии возлагалась задача осуществления контроля над всеми местными продовольственными организациями, включив в них своих представителей в качестве равноправных членов [2].

1918 год. 22 июля 1918 года Совнарком РСФСР принял декрет «О спекуляции», по которому виновные в сбыте, скупке или хранении с целью сбыта продуктов питания подвергались наказанию не ниже 10 лет лишения свободы, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества [3].

Твердые цены на хлеб, которые первоначально предлагала крестьянам советская власть, были такими мизерными, ниже свободных рыночных цен в 15–20 раз, что деревне они были явно невыгодны. Крестьяне прятали хлеб в ямы, но не продавали его государству по твердым закупочным ценам. В обмен же на хлеб и продукты питания рабочие ничего не могли предложить крестьянам из промышленных товаров, так как фабрики и заводы стояли. Положение с хлебом особенно обострилось весной 1918 года, когда наиболее богатые хлебные губернии находились в руках белой гвардии. На имя наркома продовольствия А.Д. Цюрупы, во ВЦИК и Совнарком из многих городов поступали сообщения о крайней нужде в хлебе.

Борьба за хлеб превращалась в борьбу за сохранение советской власти, которая решила забирать хлеб у крестьян силой. В мае 1918 года начался массовый поход вооруженных продовольственных отрядов из рабочих в деревню, и создание там своих вооруженных отрядов из бедноты для изъятия у крестьян хлеба.

Выступая 9 мая 1918 года на заседании ВЦИК, Нарком продовольствия А.Д. Цюрупа докладывал: «Нами организуются продовольственные отряды, в задачи которых входит отбирание у задерживающих и не отдающих хлеб кулаков и богатеев. Эти продовольственные отря-

ды посылаются не только в целях взятия и реквизиции хлеба, но и в целях, что появление их должно показать населению, что хлеб будет взят силой. Появление отрядов должно стимулировать и побуждать к сдаче хлеба не только в тех местностях, где эти отряды появились, но и в ближайших местностях».

Продразверстка была введена уже официально, на государственном уровне. Декретом, утвержденным ВЦИК 13 мая 1918 года, Наркомату продовольствия предоставлялось право *применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отобранию излишков хлеба или иных продовольственных продуктов*. Все местные продовольственные органы были выведены из-под контроля губернских советов и подчинены непосредственно Народному комиссариату продовольствия.

Расчеты советской власти на то, что крестьяне, имевшие излишки хлеба, добровольно будут передавать его государству по твердым установленным ценам и на основе товарообмена, не оправдались. В результате передела земельных участков в 1918–1919 годах, многие зажиточные крестьяне отличались от бедноты только сытостью членов семей, но уже не имели таких излишков хлеба, какие были у них до революции.

29 мая 1918 года Совнарком обратился с воззванием к рабочим и беднейшим крестьянам: «Скорее формируйте вооруженные отряды из выдержанных и стойких рабочих и крестьян, не поддающихся никаким соблазнам и вполне дисциплинированных».

11 июня 1918 года ВЦИК утвердил декрет о создании «комитетов бедноты». Было вполне очевидно, что собственными силами деревенская беднота не сможет собрать хлеб у других крестьян, поэтому в помощь ей из городов продолжали подходить вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. Они должны были наладить в деревне работу комитетов бедноты и оказать им содействие в изъятии хлебных запасов у крестьян.

Вооруженный отряд рабочих, солдат и матросов, прибыв в деревню, созывал сход деревенской бедноты и бывших фронтовиков. Из них избирался комитет бедноты, которому поручалось пройтись по деревне и изымать огнестрельное оружие. Этим оружием вооружали членов комитета бедноты, батраков и малоимущих граждан. Всем этим вооруженным людям давали инструкцию, какими способами проводить реквизицию хлеба у односельчан.

Очевидцы подтверждали тот факт, что без помощи прибывшего из города вооруженного отряда местные бедняки не смогли бы сами создавать комитеты бедноты и укреплять советскую власть на местах. Вооруженные отряды изгоняли из сельских, волостных и уездных советов всех, кого они считали меньшевиками, эсерами, кулаками, деревенской буржуазией, а на их место сажали представителей бедноты.

Советская власть делала ставку на батрацких сыновей, записывая их в комсомол, в комитеты бедноты и продовольственные отряды. Им поручалось узнавать, у кого, где и сколько припрятано хлеба, составлять списки бедняков, середняков и кулаков. Нередко именно грамотных комсомольцев ставили председателями и секретарями сельсоветов.

Советское государство установило монополию на хлеб, никто не имел права продавать его, а только должен был отдавать государству по твердым закупочным ценам, которые были значительно ниже рыночных цен. Против крестьян, пытавшихся провезти хлеб на рынок, в составе продармии сформировали специальные заградительные отряды. Жители городов десятками тысяч устремились в деревню за хлебом, обменивая его на товары или покупая за деньги по невероятно высоким ценам. Но в пути заградительные отряды признавали их спекулянтами и мешочниками, и весь хлеб, доставшийся горожанам непомерными усилиями, отбирали.

3 августа 1918 года Совнарком РСФСР утвердил «Положение о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах», действовавших на железнодорожном транспорте и водных путях. Этим отрядам предписывалось проводить осмотр провозимого пассажирами багажа и грузов. Право осмотра распространялось на пассажирские, служебные вагоны и паровозы. Осмотру подвергался весь груз и весь ручной багаж пассажиров. В случае крайней необходимости поезд или пароход могли быть задержаны на время до одного часа.

Было разрешено одному пассажиру провозить продовольственных продуктов не более 20 фунтов (9 кг. – А.Г.), из них масла до 2 фунтов (900 г. – А.Г.), мясных продуктов до 5 фунтов (2 кг 270 г. – А.Г.). В набор продуктов ни в коем случае и ни в каком количестве не могли входить мука и зерно.

Все излишки свыше общей нормы в 20 фунтов подлежали реквизиции. На реквизированные продукты начальник отряда выписывал квитанцию с указанием количества реквизируемых продуктов. Орга-

ны, принявшие продукты, должны были оплачивать по квитанциям стоимость их по твердой установленной цене. Но обесцененные деньги никакой роли для голодных людей не играли.

В связи с уборкой нового урожая 1918 года политическим комиссарам продовольственных отрядов была выдана подробная инструкция по проведению продразверстки. Нередко комиссарами продовольственных отрядов были рано повзрослевшие мальчишки 18–20 лет – грамотные молодые рабочие или недоучившиеся студенты, вступившие в партию большевиков. Среди них было немало латышей, евреев и поляков. Молодые коммунисты в возрасте 25–26 лет считались уже зрелыми людьми и занимали должности председателей волисполкомов, уездных исполкомов, а то и губернских исполнительных комитетов.

В направленной во все губернии депеше народного комиссара продовольствия В.П. Милютина указывалось, что заградительный отряд должен иметь не менее 75 бойцов и 2–3 пулемета. Прибыв в деревню, политический комиссар отряда предлагал избрать комитет бедноты, а населению – сдать оружие, часть которого отряд оставлял себе. Продовольственные агенты переписывали запасы хлеба во всех хозяйствах, оставляя часть его семье на пропитание и семена.

Отобранная у крестьян часть излишков хлеба передавалась созданному местному комитету бедноты, другая часть вывозилась на ссыпные пункты и склады. Для дальнейшего наблюдения распоряжений по реквизиции хлеба в деревне оставались 1–2 инструктора и 15–20 бойцов отряда, остальные переходили в соседнюю деревню, где действовали подобным образом, как и в предыдущей деревне.

Излишки хлеба принимались от населения по твердым установленным ценам, у скрывающих хлеб крестьян он отбирался бесплатно. Неомолоченный хлеб обмолачивался на месте путем мобилизации у крестьян молотилок и привлечения к обмолоту бедняков. Для гужевого вывоза хлеба мобилизовались лошади и крестьяне за плату по нормам комитета продовольствия.

Противодействующие хлебной монополии мешочники и растратчики хлеба арестовывались и отправлялись в губернскую комиссию по борьбе с контрреволюцией. После извлечения излишков хлеба отряд покидал деревню и сообщал в губернский продовольственный комитет, сколько хлеба отчислено беднякам и сколько сдано на ссыпные пункты [4].

Одновременно 3 августа 1918 года Совнарком РСФСР издал декрет «Об уборочных и уборочно-реквизиционных отрядах», основными задачами которых были:

- уборка озимых хлебов с полей бывших помещичьих экономий;
- уборка хлебов в прифронтовых местностях;
- уборка хлебов с полей заведомых кулаков и богатеев;
- содействие своевременной уборке всех хлебов вообще и ссыпка всех излишков в государственные склады.

Собранный этими отрядами хлеб распределялся в первую очередь бедняцким слоям местного деревенского населения. Эта часть хлеба не подлежала вывозу и оставалась на месте. Остальной хлеб подлежал немедленной и безусловной сдаче в сыпные пункты. Члены уборочных отрядов вознаграждались довольствием натурой, денежным вознаграждением и особой премией за успешное и быстрое окончание работ по уборке и ссыпке хлеба.

Таким образом, декретом Совнаркома РСФСР от 3 августа 1918 года к заготовке хлеба в деревне привлекались рабочие городов, которым было предоставлено право организовывать продовольственные отряды вместе с деревенскими бедняками. Эти продовольственные отряды направлялись в поездки в хлебные губернии для приобретения по твердым ценам и реквизиции у кулаков хлеба. Половина заготовленного хлеба направлялась в пославшую отряд губернию, другую половину хлеба оставляли на месте заготовок и передавали в распоряжение Народного комиссариата продовольствия.

При попытке со стороны рабочих отрядов покупать хлеб выше твердых цен или уклониться от контроля продовольственных органов весь заготовленный хлеб у отряда отбирался. Начальник и члены отряда, уличенные в нарушении закона, передавались в распоряжение ближайшей ЧК. Одновременно добровольцы-рабочие, отправляющиеся в продовольственные отряды, сохраняли за собой места на фабриках и заводах, наравне с теми, кто отправлялся на фронт [5].

Борьба советской власти с крестьянством за хлеб привела к тому, что в Петрограде за август 1918 года в течение 10 дней хлеб не выдавали совсем, рабочие в те дни не получили ни ломтя хлеба. Рабочие писали в центральные органы, что хлебопекарни закрыты, приюты и детские столовые закрыты, взрослые и дети бродили по улицам за подающим, как тени, проклиная тех, кто хлеб избрал оружием политической борьбы.

Произведя реквизицию хлеба у крестьян, вооруженные отряды рабочих половину его отправляли своим предприятиям, часть передавали деревенской бедноте, другую часть – государству, направляя хлеб на сыпные пункты. Членам вооруженных продовольственных отрядов раздавали памятку, в которой писали: «Учитывая отсталость деревни, нужно путем бесед, речей на собраниях, сходах, путем устного и печатного слова помочь деревенской бедноте освободиться от векового влияния ее врагов: кулаков-мироедов, богатеев, жиреющих на народном недоедании и горе, и тех жрецов-служителей православной и другой церкви».

Декретом Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1918 года рабочим продовольственных отрядов было предоставлено право, кроме хлеба, закупать у крестьян по твердым государственным ценам: молоко, сметану, творог, овощи, живую и битую дичь, грибы, плоды, мед. Из них 25% передавалось органам Наркомата продовольствия, а 75% продуктов оставались в распоряжении рабочих продовольственных отрядов.

Крестьяне категорически отказывались сдавать хлеб продовольственным отрядам по твердым закупочным ценам, хотели продавать его по вольным ценам. Они заявляли рабочим, что продадут хлеб по той цене, которую сами установят. В ответ на эти заявления продовольственные отряды проверяли порою повально все домохозяйства, чтобы отыскать хлеб, который крестьяне закапывали в землю, прятали в лесу, скирдах сена и соломы и других местах.

Продотряды при обысках проверяли чердаки, подвалы, скирды сена и соломы, металлическим прутом прощупывали землю в огородах в поисках ям и тайников. Забирали зерно, муку, картофель и мясо, а позднее – «излишки» других продуктов, выращенных в огороде и на подворье. Уходили одни продотряды, а через некоторое время появлялись другие, проверяя, не много ли зерна хозяин оставил для прокормления семьи и для посева.

Нередко представители деревенской бедноты прямо указывали вооруженным отрядам, кем и где спрятан хлеб. Зажиточные крестьяне с оружием в руках защищали его, не отдавая продовольственным отрядам. Во многих губерниях вспыхивали вооруженные крестьянские мятежи, во время которых они убивали рабочих из продотрядов и представителей комитетов бедноты, выдавших информацию о спрятанном хлебе.

1919 год. Декретом от 11 января 1919 года Совнарком РСФСР вновь на государственном уровне обязал крестьян продавать государству продовольственные излишки по твердым государственным ценам, *продолжая проведение продовольственной разверстки*. Это означало, что государство вооруженной силой продолжало изымать у крестьян весь собранный хлеб, оставляя домохозяйству ровно столько, сколько нужно было для прокормления семьи, чтобы не умереть с голоду, и посева. Вооруженные продовольственные отряды на деревенских сходах провозглашали лозунг: «Все излишки государству, ни одного фунта частнику».

Были установлены твердые задания по сдаче хлеба по губерниям, которые распределяли их по уездам, волостям, деревням и крестьянским хозяйствам. На душу населения в крестьянских хозяйствах власть требовала оставлять по 12–14 пудов хлеба на едока, остальной хлеб признавать излишками и изымать. Предписывалось производить максимальное обложение кулачества, умеренное – середняков, беднота от продразверстки освобождалась. К концу 1919 года кроме хлеба, мяса и картофеля государственному обложению стали подлежать все остальные виды сельскохозяйственной продукции.

В мае 1919 года все вооруженные продовольственные отряды были подчинены структуре ВЧК с использованием их по своему конкретному назначению. В инструкции продотрядам указывалось, что прибыв в селение, отряд созывает сход, на котором политический комиссар объясняет населению все значение хлебной монополии, особенно указывая, что сдавшие свои излишки зерна крестьяне получают товары. В случае умышленного нежелания сдать излишки зерна, отряд приступает к решительным мерам, а именно: выбирает несколько домохозяев, особенно упорствующих, производят у них тщательный обыск во всем хозяйстве, и конфискует весь хлеб до последнего зерна.

Члены продовольственных отрядов позднее вспоминали, что излишки хлеба приходилось искать в разных местах: в двойных перегородках амбаров, в ямах, в лесных землянках. О спрятанном хлебе всегда кто-то из крестьян знал и сообщал об этом продотряду. Без помощи таких крестьян продотряды не смогли бы конфисковать так много хлеба. Одни крестьяне приходили к выводу, что лучше отдать часть хлеба, чем лишиться всего урожая. Другие с оружием в руках защищали себя и свои семьи от государственного грабежа и голодной смерти. Среди них было больше середняков, чем зажиточных крес-

тян, объявляемых советской властью кулаками. Крестьяне и рабочие задавали вопрос представителям советской власти: не лучше ли было власти снять заградительные отряды и позволить крестьянам продавать хлеб, а рабочим – покупать его или обменивать на другие товары?

Трудно теперь определить, сколько хлеба сгнило в земляных ямах и лесных землянках у тех хозяев, которые эмигрировали или были убиты вооруженными представителями власти, и не досталось ни рабочим, ни крестьянским семьям. Если даже и находили хлеб через год в земле, то в еду он был уже непригодным – протухшим и горьким.

В телеграмме, направленной 15 июля 1919 года В.И. Лениным и А.Д. Цюрупой представителям советской власти в губерниях, сообщалось, что в Петрограде рабочим выдается паек в 3/4 фунта (или 340 г) хлеба на 2 дня. Москва 10 дней вообще не получает хлеба. Многие промышленные города, фабрики и заводы давно не выдают хлеба рабочим.

Среди рабочих происходили массовые волнения, многие из них бросали работу и ехали в деревню за хлебом. Совнарком РСФСР разрешил предприятиям, фабрикам и заводам производить в деревне самостоятельные заготовки хлеба в период с 1 июля по 15 августа 1919 года. Для этого формировались специальные вооруженные продовольственные отряды рабочих. Заготовленный, а точнее, конфискованный у крестьян хлеб продотряды направляли на свои фабрики и заводы.

Эти вновь созданные рабочие продотряды после 15 августа оставались в деревне до конца 1919 года, забирая у крестьян хлеб уже для нужд государства, а не конкретных фабрик и заводов. Продотряды выставляли в крупных селениях заставы и ночные дозоры, перехватывали мешочников, выясняли у них, у кого был куплен хлеб. Шли с обыском к крестьянину, продавшему хлеб, и реквизировали у него весь оставшийся хлеб до зернышка.

С 1 ноября 1919 года по совместному постановлению Наркомпрода и Наркомпочтеля все не выданные по назначению и невостребованные в течение установленного срока хранения продовольственные посылки, отправителю не возвращались. Они передавались для детского питания без всякого возмещения стоимости посылок отправителям. Тем самым советская власть перекрыла еще один канал направления продуктов питания родственникам из деревни в город.

На Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 года отмечалось, что в том году у крестьянства взято хлеба в три раза больше, чем в 1918 году. В.И. Ленин в своем выступлении говорил, что коммунисты научились применять разверстку, то есть научились заставлять крестьян отдавать государству хлеб по твердой цене.

VII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1919 года, высказался за распространение метода разверстки и на другие виды продуктов кроме хлеба и зернофуража [6].

1920 год. Со времени заготовительной кампании 1919/1920 года продразверстка была распространена, кроме хлеба, на картофель и мясо, а к концу 1920 года – почти на все сельскохозяйственные продукты. В связи с этим увеличилось число продовольственных отрядов со 122 в 1918 году до 1039 отрядов в 1920 году, из них 689 централизованных продовольственных отрядов и 350 губернских отрядов. Кроме продовольствия продразверстка распространялась и на сельскохозяйственное сырье.

За 1918–1920 годы продовольственные отряды заготовили, конфисковали у крестьян, всего (млн пудов) [7]:

Наименование продукта	1918 год	1919 год	1920 год
Хлеб и зернофураж	107,9	212,5	367
Мясо	3,3	4,7	23,6
Масло коровье	0,7	0,1	1,3
Лен	–	5,5	2,0
Пенька	–	2,1	1,1
Кожы, млн штук	–	5,4	1,6

Продовольствие у крестьян изымалось фактически бесплатно, так как денежные знаки, которые предлагались в качестве оплаты по твердым ценам, были полностью обесценены. Например, за пуд зерна в счет продразверстки по Тверской губернии предлагали твердую цену 17 рублей 75 копеек, а на рынке пуд зерна стоил 1200 рублей и выше. Рыночные цены были очень высокими, так, осенью 1920 года пуд картофеля стоил 1200 рублей, пуд моркови – 5400 рублей, пуд капусты – 5000 рублей, лука – 6600 рублей и так далее.

Промышленные товары взамен изымаемого зерна государство предложить не могло в связи с падением промышленного производства. Так, за 8 месяцев 1919 года в деревню было направлено всего по

3 аршина ткани на одного человека (2,1 метра. – А.Г.), по одной паре обуви на 50 человек, по 450 г сахара на человека.

Зачастую при определении размера продразверстки исходили не из фактических излишков продовольствия у крестьян, а из потребностей в продовольствии городского населения и Красной Армии. Поэтому на местах изымались не только «излишки», но и весь семенной фонд, и продукты, необходимые для пропитания крестьянской семьи.

1921 год. На 1920–1921 годы, когда советская власть объявила продразверстку на всей территории РСФСР, число продотрядов увеличили в 2,5 раза, а их участников – в 3 раза в сравнении с 1919 годом. В продотряды, кроме рабочих и крестьян-бедняков, включали казаков, солдат Красной Армии, пробывших на фронтах не менее 1,5–2 лет, успевших зарекомендовать себя сторонниками советской власти, получивших знаки отличия или ранения. Несмотря на все усилия продотрядов, из плана в 423 млн пудов хлеба за 1920–1921 годы было заготовлено по продразверстке около 259 млн пудов, или 61,2% к плану.

Продразверстка разрушила экономические связи между городом и деревней, привела к продовольственному кризису и массовому голоду 1921–1922 годов. Она была одной из главных причин глубокого экономического, политического и социального кризиса весной 1921 года.

Ситуация с хлебом в 1921 году усугубилась в связи с засухой и неурожаем, повлекшим голод в Поволжье, Крыму, на Северном Кавказе и Украине. Эти территории были полностью освобождены от налогов, им предоставлялось продовольствие, собранное в других губерниях, в которых производили сбор хлеба в помощь голодающим. Для этого был образован специальный комитет помощи голодающим (Помгол) во главе с М.И. Калининым.

* * *

Когда-то я прочитал рассказ того времени под названием «Соль», автор И.Э. Бабель. Суть его в том, что красноармейцы из заградительного отряда посадили в свой вагон женщину с грудным ребенком, чтобы она смогла добраться домой. В пути они заметили, что ребенок почему-то не плачет, его мать не кормит, пеленки не меняет. Выяснилось, что женщина везла соль в узле, сделанном в виде куклы, завернутой одеялом. Красноармейцы, называя себя бойцами революции, соль

отобрали, а женщину на ходу поезда выбросили под откос, а потом убили ее выстрелом из винтовки, стреляя прямо из вагона. Женщина везла соль, запрещенную декретом советской власти. Человеческая жизнь была оценена в 5–6 килограммов соли.

Этот рассказ потряс меня до глубины души. Работая в прокуратуре, видя смерть сплошь и рядом, перенеся около полутысячи криминальных и некриминальных трупов, я долгое время не мог успокоиться после прочтения этого рассказа.

Проведение продразверстки в тверской деревне

*Появление продотрядов
в деревне должно показать,
что хлеб будет взят силой.*

А.Д. Цюрупа

Установленная советской властью система продразверстки, по которой крестьяне были обязаны отдавать государству все имевшиеся излишки, а на деле не только их, но и часть необходимого самому крестьянину хлеба, приводила к тому, что крестьяне сокращали площади посевов, уменьшали поголовье скота. Бывшие помещичьи земли, которые занимали значительную площадь, вообще не обрабатывались, поросли бурьяном и сорняками.

10 августа 1918 года в письме наркома продовольствия были указаны твердые цены по Тверской губернии за реквизируемые излишки хлеба. Цены были указаны в копейках за пуд: рожь – 1775 коп., пшеница – 2225 коп., овес – 1650 коп. Указанные твердые цены вводились для всего хлеба урожая 1918 года и прошлых лет, сданного в период с 10 августа по 1 декабря 1918 года, при влажности 15% и сорности в 3%. За хлеб, сданный после 1 декабря, цены понижались на 25% и более. Увеличение влажности и сорности хлеба также понижали его цену.

В телеграмме от 26 августа 1918 года указывалось, что при посеве зерновых культур сеялкой норма оставленных на посев семян понижалась на 25%, при посеве сеялкой или не всей площади у крестьян изымались излишки хлеба, оставленного на семена [8].

В переводе на рубли один пуд ржи государство закупало по 17 рублей 75 копеек, в то время как на рынке один пуд ржаной муки весной

1919 года стоил от 4500 рублей до 7000 рублей выпущенных в марте того года советских денежных знаков.

Крестьяне Тверской губернии проявляли недовольство действиями советской власти в связи с продразверсткой, мобилизацией их самих, и рабочего скота (лошадей) на вывозку отобранного хлеба. Местами вспыхивали крестьянские бунты, на их подавление направлялись карательные отряды, случались неисследованные чрезвычайные происшествия.

По какой-то невыясненной причине 23 октября 1918 года в одном километре от станции Сонково на Рыбинской железной дороге в 6-м часу вечера произошел взрыв поезда. Тверская ЧК сообщала в Москву, что в его составе было 39 вагонов со снарядами, взрывчаткой, порохом, фугасными бомбами и другим оружием. Поезд отправлялся из Сонкова в Рыбинск, его сопровождали шесть бойцов. Взрывы снарядов продолжались с 6 часов вечера до 4 часов ночи. Паровоз и платформы были отброшены за мост через ручей возле станции Сонково. Железнодорожный путь разрушен на протяжении 3/4 версты.

В окрестных деревнях на расстоянии более одной версты были выбиты стекла и рамы, загорелся кирпичный завод и другие здания в поселке Сонково. Окрестный лес и деревни были усеяны осколками снарядов и железа. На место происшествия был мобилизован весь штат железной дороги от Рыбинска до Медведева, присланы рабочие отряды из Бежецка, Кашина, Красного Холма и Рыбинска. Число убитых и раненых не установлено, раненые поездом направлены в больницу города Кашина.

Тогда некому было расследовать подобные дела, так как специалистов не хватало, председатели уездных ЧК часто менялись. В период с 1 августа по 12 сентября 1918 года председателем Бежецкой уездной чрезвычайной комиссии был выходец из крестьян деревни Березино Мотолошской волости П. Федоров, его сменил Залескевич.

Председатель Бежецкой чрезвычайной комиссии Залескевич в своем докладе 30 октября 1918 года сообщал, что все товары и продукты, реквизируемые и конфискуемые у граждан, записывали в товарные книги и сдавали в отдел снабжения по твердым ценам, а оружие передавали в военный комиссариат.

К тому времени из разных волостей уезда было арестовано около 50 кулаков по заявлениям, что у них есть оружие. После того как из волости в комиссию доставляли арестованных кулаков, на второй же день деревенские комитеты бедноты высылали поручителей с при-

говорами сельских сходов об освобождении их из-под ареста. При обысках оружия не находили, в материалах на арестованных не было видно ничего антисоветского. Чрезвычайная комиссия освобождала таких кулаков из-под ареста под особо строгое обязательство [9].

29–30 ноября 1918 года в Твери состоялось совещание ответственных работников по продовольствию Тверской губернии, его открыл губернский комиссар продовольствия Патрикеев. В числе других в работе совещания участвовал Бежецкий уездный комиссар Александр Георгиевич Алексеев, позднее работавший там председателем уездного исполкома.

В докладе указывалось, что в Бежецком уезде, сравнительно богатом хлебом и картофелем, царила полная бездеятельность. Прежний продовольственный комиссар был предан суду за целый ряд неблагоприятных поступков уголовного характера.

На совещании в Твери было принято постановление об упразднении сельских и волостных комитетов бедноты, которые действовали в деревнях с августа по ноябрь 1918 года. После ликвидации волостных комитетов бедноты все дела по учету хлеба и скота, списки необеспеченных бедняков и решение других вопросов переходили волостным исполнительным комитетам [10].

В апреле 1919 года в сводке уездного комитета партии о положении Бежецкого уезда писали, что в связи с наступающими полевыми работами настроение крестьян не весьма удовлетворительное. Причинами их недовольства была мобилизация людей, скота, отчуждение единовременного чрезвычайного налога и пятифунтового хлебного пайка. Советские работники на местах проявляли громадное недовольство в виду того, что им не оплачивали труд, а без оплаты работа не могла быть удовлетворительной.

В Поречскую волость, в которой вспыхнул крестьянский бунт, был направлен карательный отряд, восстание крестьян там удалось ликвидировать. В Максатихинской волости были вспышки недовольства крестьян, организованные бывшим подпрапорщиком Васильевым. В Бокаревской волости эсер Пимкин агитировал крестьян против существовавших порядков советской власти. Виновника арестовать не удалось, он сбежал, поэтому в заложники были взяты его отец и один эсер по кличке «Бедный».

В сводке указывалось, что партийная работа в уезде неудовлетворительная, так как местные коммунисты не уяснили задачи партии.

Секретарем Бежецкого уездного комитета партии тогда был уроженец села Хонеево Бокаревской волости Бежецкого уезда М.С. Чудов, который подписал направленную в губернский комитет сводку [11].

Декретом ВЦИК РСФСР от 9 апреля 1919 года освобождались от долгов по единовременному чрезвычайному революционному налогу крестьяне-середняки. По Тверской губернии дальнейшему взысканию не подлежал долг по указанному налогу с крестьян-середняков в сумме до 1500 рублей. Все принятые к ним меры принудительного взыскания прекращались. Если невнесенный долг был больше указанного размера в 3 раза, то его сумма уменьшалась с 3 до 2 раз.

Эта льгота не распространялась на богатых крестьян, которые должны были за неуплату налога предаваться революционному суду и подвергаться суровым карам, лишению свободы на срок не менее 5 лет с отбыванием наказания вне пределов губернии их проживания с обязательным применением к ним принудительных работ [12].

ВЦИК РСФСР декретом от 26 апреля 1919 года освободил от внесения натурального налога урожая 1918 года некоторых крестьян. По Тверской губернии к ним отнесли тех середняков, которые имели долг менее 60 пудов. Эта льгота не распространялась на богатых сельских хозяев, которые были обязаны срочно сдать все излишки хлеба. В случае невнесения излишков в 2-недельный срок после опубликования декрета налог с них взыскивался в двойном размере или сами хозяева подвергались наказанию по решению народного суда [13].

Кроме изъятия хлеба и других продуктов питания у крестьян на Гражданскую войну мобилизовали лошадей. В газете «Тверская правда» № 114 за 29 октября 1919 года было опубликовано сообщение о мобилизации лошадей на основании телефонограммы Тверского губернского военкома № 21 от 18 октября. Для того чтобы обеспечить Красную Армию конями, их владельцы были обязаны привезти на сгонные пункты всех своих лошадей. Владельцы, имевшие по 2 и более лошадей, были обязаны привести всех, включая и негодных, а имеющие одну лошадь – ее, если она признана годной под верх (под седло). При себе иметь удостоверения на всех лошадей.

Деньги за мобилизованных лошадей выдавались по твердым ценам в губернском казначействе по квитанциям уездного военкома. Лица, которые не приводили лошадей на сгонные пункты в указанные сроки, привлекались к ответственности по законам военного времени, а их лошади подлежали конфискации без какой-либо оплаты.

К концу 1919 года по Тверской губернии на 10 крестьянских семей приходилось 53 человека вместо 55 человек в 1917 году. Из-за мобилизации лошадей их количество на каждые 100 крестьянских хозяйств уменьшилось в сравнении с 1917 годом с 84 до 73 голов. В связи с мобилизацией лошадей, а также призывом мужчин из крестьянских хозяйств на Гражданскую войну уменьшились посевы ржи на 22%, овса на 26%, льна на 51%, посадка картофеля на 10% в сравнении с 1917 годом.

В Тверской губернии в период с августа 1919-го по август 1920 годов действовали 39 продовольственных рабочих отрядов общей численностью в 985 человек, по 25–30 человек в каждом отряде. Кроме изъятия хлеба, на рабочие продовольственные отряды возлагались и другие задачи:

- организовать в каждой деревне партийную и комсомольскую ячейки;
- наладить работу сельских и волостных советов;
- проводить коммунистическую земельную политику по передаче земли в собственность государства с правом крестьян на пользование и владение усадьбами и полевыми наделами в прежних размерах;
- устраивать в каждой деревне избу-читальню с чтецом-коммунистом.

За год, с августа 1919-го по август 1920 годов, члены рабочих продовольственных отрядов помогали бедноте вести обмолот хлеба, вели учет всех продуктов, собранных крестьянами, руководили засыпкой хлеба на сыпных пунктах и его транспортировкой, одновременно отбирая у крестьян «излишки» хлеба.

Крестьяне, как могли, защищали свой урожай от реквизиции: уничтожали разверсточные списки, увозили зерно из сыпных пунктов и складов, угоняли собранный для вывоза скот, разоружали членов продотрядов и комитетов бедноты. В перестрелках и поодиночке убивали участников продотрядов, активистов и членов комитетов бедноты, выступая под лозунгом: «Долой продразверстку». Они защищали себя и свои семьи от неминуемой голодной смерти.

О каких излишках могла идти речь, когда самим крестьянам не хватало хлеба на продовольствие. Еще до революции были произведены расчеты необходимости ржи на крестьянскую душу населения Тверской губернии в благополучные 1912–1913 годы. Для удовлетворительного питания даже в то время не хватало хлеба, собранного крестьяна-

ми со своих наделных земельных участков, независимо от состояния и зажиточности хозяйства, хорошей урожайности и других факторов.

Для того чтобы крестьянин удовлетворительно питался, ему было необходимо иметь минимум по 12 пудов (192 кг) ржи в год на одного едока. Кроме того, хлеб нужен был для посева, для корма скоту и птице. В целом по Тверской губернии в благополучные 1912–1913 годы крестьяне собирали со своих наделных участков по 7,7 пуда ржи на едока, им недоставало по 4,3 пуда ржи на душу населения, которую они закупали на рынке.

В Бежецком уезде, где проживало тогда 301 275 крестьянских душ, в 1912–1913 годах в среднем крестьяне собрали со своих наделных земельных участков по 8,9 пуда ржи на одного едока, недоставало им на пропитание, за исключением семян, по 3,1 пуда на душу населения.

Избыток ржи в те годы был лишь в одном Зубцовском уезде из 12, где на душу населения в те годы крестьяне собрали по 12,58 пуда ржи [14].

Но кроме пропитания, хлеб был необходим и для других хозяйственных нужд, в том числе:

- на семена для посева, хотя бы из расчета в пределах 3–3,5 пуда на одну десятину;
- рабочим лошадям по 10–12 пудов овса на одну лошадь, да по 3–4 пуда овса на одного жеребенка;
- по 3–4 пуда ржи на одного теленка, а также свиньям, курам и на другие нужды.

Чтобы прокормить свои семьи, крестьяне Тверской губернии значительно увеличили посевы ржи, сокращая посевы льна и кормовых трав. Привожу сведения в процентном отношении к общей площади пашни в полевом наделе крестьянского хозяйства:

Культура	1917 год	1920 год
Рожь	38	50
Овес	23	25
Лен	18	10
Ячмень	4	5
Кормовые травы	10	5
Картофель	7	5
Итого:	100%	100%

Несмотря на увеличение посевов ржи, ни о каких излишках хлеба в годы продразверстки и позднее, в годы продналога, не могло быть и речи, речь шла о насильственном грабеже и оставления крестьян без хлеба и продуктов на пропитание.

Вольные цены на продукты питания были очень высокими, к весне еще подрастали, в чем можно убедиться на примере средних вольных цен, действовавших в 1920 году в Бежецком уезде Тверской губернии [15].

Наименование продукта	Мера исчисления	Январь 1920 г.	Март 1920 г.
Ржаная мука	Пуд (16 кг)	4756 руб.	7111 руб.
Картофель	Мера (26 л)	661 руб.	1280 руб.
Масло коровье	Фунт (453 г)	1500 руб.	1616 руб.
Масло растительное	Фунт	636 руб.	964 руб.
Говядина	Фунт	143 руб.	333 руб.
Яйца	Десяток	310 руб.	750 руб.
Молоко	Четверть (3 л)	250 руб.	350 руб.
Соль	Фунт (453 г)	675 руб.	1072 руб.
Сахар	Фунт	1217 руб.	1680 руб.
Керосин	Фунт	600 руб.	758 руб.
Спички	10 коробок	807 руб.	917 руб.
Ситец	Аршин (0,7 м)	300 руб.	350 руб.

В сентябре 1918 года в тверских деревнях еще можно было купить меру картофеля (25 кг. – А.Г.) за 50 рублей царских денег. Бумажные деньги с советской символикой появились в марте 1919 года номиналом от 1 до 1000 рублей. В связи с их постоянным обесцениванием пришлось выпускать купюры достоинством от 5 до 10 тысяч рублей.

Но первые советские деньги в те годы играли весьма незначительную роль, на первый план вышел товарообмен. Рабочим на фабриках и заводах вместо денег выдавали муку, мануфактуру, табак, мыло. За недостатком продуктов питания рабочие ездили за ними на большие расстояния в деревню. Продукты приобретали у крестьян не за деньги, а в обмен на одежду, белье, мыло, спички, иголки и другие товары.

После окончания Гражданской войны продразверстка вошла в дальнейшее противоречие с экономическими интересами деревни. Крестьяне видели в бесплатной сдаче всех излишков хлеба и другой

сельскохозяйственной продукции явную несправедливость, по-прежнему проявляли недовольство советской властью. Нужно было искать новые взаимоотношения власти с крестьянством.

В феврале 1920 года ЦК РКП(б) за подписью секретаря Елены Стасовой направила в Тверской губернский комитет партии письмо, в котором поручил выяснить, что фракция беспартийных существовала при Тверском уездном и городском исполкоме. Спрашивали, о каком **Крестьянском союзе** там шла речь и есть ли проект этого союза, который надо направить в ЦК партии.

В ответе Тверской губернский комитет партии сообщал, что 29 января 1920 года по инициативе беспартийных членов Тверского уездно-городского исполкома Комиссарова, Заботина, Павлова, Шарова и других на беспартийной конференции постановили образовать Крестьянский Союз как партию крестьян. Устав союза был привезен из Москвы и хранился у Заботина. В результате организаторы Павлов и Шаров преданы суду, в отношении Заботина, Герасимова и других инициаторов создания Крестьянского Союза проводилось расследование для предания их суду [16].

Нужно отметить, что председатель Тверского уездно-городского исполкома Саул Аронович Банк, переведенный в Тверь с должности Вышневолоцкой ВЧК, проработавший на должности в Твери менее года, также был осужден.

В марте 1921 года X съезд РКП(б) принял решение о переходе от продразверстки к натуральному продовольственному налогу. В связи с новой экономической политикой все продовольственные и заградительные отряды были распущены.

Провозглашение новой экономической политики (1921 год)

НЭП – это всерьез и надолго.
В.И. Ленин

Крестьянство в России в то время составляло около 90% всего населения страны. Военный союз крестьян с советской властью, заметный в годы Гражданской войны, в мирные годы не перерос в экономический союз. Большевики попытались превратить проводимые ими ра-

нее чрезвычайные меры в методы Советского государства на мирную жизнь, но встретили резкое недовольство со стороны крестьянства.

Выступая с докладом на открытии X съезда РКП(б), который проходил с 8-го по 16 марта 1921 года, руководитель Советского государства и коммунистической партии большевиков В.И. Ленин говорил: «Будучи разорена, страна не могла иначе поступать, *как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами*. Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. Но эти обстоятельства привели к тому, что крестьянское хозяйство после продолжавшейся так долго войны так ослабело, что неурожай оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы...

В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит советской власти во имя крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Дело самое важное для нас – дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитать свое производство и, сообразно с налогом, устанавливать размер своего производства. *Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно*. Встала задача перехода от продразверстки к натуральному налогу, эта задача требует к себе особого внимания» [17].

Далее, уже при обсуждении вопроса о замене продразверстки продовольственным налогом в своем докладе В.И. Ленин сказал: «Больше всего вопросов возникает, что обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота. Можно ли восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно, ибо вопрос – в мере. Введение этих товаров в оборот оживит мелкое земледелие, которое сейчас страшно замерло под гнетом тяжелых условий войны и разорения. Мелкий земледелец, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, то есть мелкому отдельному хозяйству.

Громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различными сельскохозяйственными

условиями неизбежно предполагает известную свободу оборота местного земледелия и местной промышленности. *Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно...*

Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше. Крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным – нечего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий – трудовую повинность.

Разверстка предполагала изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. В прошлом году разверстка была увеличена. Нам нужно, чтобы о принятом решении было сразу же оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев. Вступая на этот путь, съезд исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством, которое составляет в стране 9/10 населения» [18].

В своем докладе народный комиссар продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа на одном из заседаний X съезда РКП(б) в марте 1921 года заявил: «30% сельского населения страны или совсем не имеют посевов, или имеют в таких размерах, которые не в состоянии удовлетворить его нужды, обрезанные до последней степени. Установлена годовая норма 15 пудов хлеба на душу населения (или по 650 граммов хлеба на человека в сутки. – А.Г.). Этой нормы хлеба не имеют 30% населения страны, поэтому 106 млн пудов хлеба должны быть взяты у тех, у кого имеются излишки. Мы должны выделить беднейшие группы населения, чтобы не облагать их налогом, а наиболее мощные и менее мощные группы мы должны прогрессивно обложить налогом. Без учета Украины разверстка определялась в 423 млн пудов хлеба, мы предлагаем налог уменьшить до 200 млн пудов хлеба в год. В 1920 году государство смогло предложить крестьянам в расчете на одно хозяйство по 64 грамма гвоздей и по 0,1 ручной косы.

Мы употребляли государственное принуждение и этим брали хлеб. Иного способа я не мыслю и при налоге. Говорить об истязаниях, если они и были, являются исключениями, недопустимо. В выступлениях на съезде было сказано, что циркуляр об истязаниях был издан по

соглашению с Наркомпродом, но я с ума не сошел, чтобы давать такие циркуляры» [19].

В прениях выступающие ораторы говорили, что в стране мелких крестьян-собственников свыше 100 млн человек. Придется развязать руки кустарям, так как крупная промышленность еще долгое время не сможет снабжать деревню в полной мере ни гвоздями, ни обувью, ничем [20].

В резолюции X съезда «О замене разверстки натуральным налогом», принятой на утреннем заседании 15 марта 1921 года, указывалось, что налог должен быть меньше, чем обложение по разверстке. Сумма налога должна исчисляться так, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Налог взимается в виде процентного и долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и фактического наличия скота в нем.

Налог должен иметь прогрессивный характер, процент отчислений для хозяйств середняков и маломощных хозяев, для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога. *Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога.*

Сумма причитающихся к сдаче по налогу продуктов исчисляется по сельским обществам. В пределах сельского общества налог раскладывается между хозяевами по их решению, согласно общим нормам. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельского хозяйства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота [21].

Таким образом, X съезд РКП(б) принял решение о замене разверстки продналогом, предоставил возможность крестьянину самому распоряжаться хлебом, оставшимся после сдачи продовольственного налога. Предполагалось, что крестьянин будет обменивать

хлеб на необходимые промышленные товары – плуги, бороны, ткань, гвозди, керосин, мыло и другие. Но эти мысли и расчеты были очень далеки от реальности, так как в условиях послевоенной разрухи у государства не было необходимых промышленных товаров на обмен. *Жизнь в условиях послевоенной разрухи заставила власть постепенно перейти от товарного обмена на легализацию свободы торговли и предпринимательства.*

Во исполнение решений партийного съезда декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 года продовольственная и сырьевая разверстки были заменены натуральным налогом. В этом документе высшего исполнительного органа советской власти указывалось:

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств, *разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом.*

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчислена так, чтобы покрыть самые необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема, по мере того как восстановление транспорта и промышленности позволит советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нем.

4. Налог должен быть прогрессивным; процент отчисления для хозяйств середняков, маломощных хозяев и для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога. Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйств в целом, получают льготы по выполнению натурального налога.

... 7. Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина, и органам советской власти поручается налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность отменяется.

Для контроля над применением и выполнением налога образуются организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога.

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота, как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах.

9. Тем земледельцам, которые остающиеся у них после выполнения налога излишки пожелают сдать государству, в обмен на эти добровольно сдаваемые излишки должны быть предоставлены предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря. Для этого создается государственный постоянный запас сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления, как из продуктов внутреннего производства, так и из продуктов, закупленных за границей. Для последней цели выделяется часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья.

10. Снабжение беднейшего сельского населения производится в государственном порядке по особым правилам [22].

Таким образом, в декрете «О замене продразверстки продналогом» было заявлено, что старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога. Этим решением Советское государство стимулировало развитие крестьянских хозяйств.

Ответственность за выполнение налога возлагалась на каждого отдельного хозяина, и органам советской власти поручалось налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность деревенской общины за выплату налога отменялась.

23 марта 1921 года ВЦИК и Совнарком РСФСР обратились к крестьянству с письмом, в котором высшие органы советской власти разъ-

ясняли, зачем нужна была разверстка, условия отмены разверстки. Они заявляли, что продовольственный налог – это облегчение крестьянину и он является временной мерой.

Руководители Советского государства и коммунистической партии большевиков писали, что трехлетняя тяжелая и разорительная война стоила больших расходов и требовала больших жертв от рабочих и крестьян. Особенно тяжелой была для крестьянства разверстка на продукты сельского хозяйства, которую должна была ввести советская власть, чтобы прокормить многомиллионную армию, рабочих железных дорог и важнейших промышленных предприятий.

В письме указывалось, что когда натиск капиталистов и помещиков на Советскую Россию отбит, когда Россия отстояла в войне свою независимость от власти иностранного капитала, настал момент уменьшить тяготы крестьянства без риска потерять наиболее ценные завоевания рабоче-крестьянской революции. Постановлением ВЦИК и Совнаркома разверстка отменялась, и вместо нее вводился натуральный налог на продукты сельского хозяйства.

В правительственном письме отмечалось, что продовольственный налог должен быть меньше, чем хлебная разверстка. Он должен назначаться еще до весеннего посева, чтобы каждый крестьянин мог заранее учесть, какую часть урожая он должен отдать государству и сколько останется в его полном распоряжении. Налог должен взиматься без круговой поруки, то есть должен падать не на сельскую общину, а на отдельного домохозяина, чтобы старательному и трудолюбивому хозяину не пришлось платить за неаккуратного односельчанина.

По выполнении налога остающиеся у крестьянина излишки поступали в его полное распоряжение. Он получал право обменивать их на продукты и инвентарь, который советские и партийные руководители обещали доставлять в деревню из-за границы и со своих фабрик и заводов. Крестьянин мог использовать их для обмена на нужные ему продукты через кооперативы на местных рынках и базарах. Вместе с тем советская власть не снимала с себя обязанности снабжать необходимыми продуктами беднейшее население деревни, которое не имело излишков для обмена.

Руководители Советского государства и партии большевиков утверждали: *крестьянство должно помнить, что эта мера временная. Лишь страшная нищета и неналаженность торговли с заграницей вынуждают советскую власть брать часть продуктов крестьянского хозяйства в виде налога, то есть без возмещения.*

Руководители Советского государства и партии коммунистов заехали к крестьянам, что по мере того, как будет налаживаться промышленность, от успеха которой зависит судьба крестьянского хозяйства, и по мере того, как будет расширяться ввоз из-за границы иностранных товаров в обмен на сырье, доля падающего на крестьянство натурального налога будет уменьшаться.

Руководители Советского государства поручали их обращение прочитать во всех селах, деревнях, станциях, на фабриках, заводах и в красноармейских частях РСФСР.

Письмо подписали: председатель ВЦИК М. Калинин, председатель Совнаркома В. Ульянов-Ленин, секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

Члены Президиума ВЦИК: И. Сталин, Л. Каменев, Г. Петровский, М. Томский, М. Владимирский, Т. Сапронов, И. Кутузов, П. Смидович, П. Залуцкий.

Председатель Высшего совета народного хозяйства А. Рыков.

Народные комиссары: Л. Троцкий, Ф. Дзержинский, Г. Чичерин, А. Луначарский, А. Цюрупа, Н. Крестинский, Н. Семашко, В. Осинский, А. Емшанов, Д. Курский, В. Шмидт, А. Винокуров, А. Любович, А. Лежава.

На X съезде РКП(б) не принимали никакого решения о введении свободы торговли и легализации частного предпринимательства, но в скором времени ситуация заставила большевиков пойти на это. Выступая на партийной конференции в мае 1921 года, В.И. Ленин убеждал коммунистов, что НЭП в стране *«всерьез и надолго»*.

В то же время на этой конференции В.И. Ленин заявил, что пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и с большими лишениями его преодолевать. Помимо класса эксплуататоров во всех капиталистических странах есть свои мелкие производители и мелкие земледельцы, в России они составляют большинство. Главный вопрос революции, по заявлению Ленина, заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов. С ними нельзя разделаться простыми мерами экспроприации и вытеснения, которые применялись к эксплуататорам, здесь необходимы другие методы.

Таким образом, ставя эти цели, В.И. Ленин создал много проблем в будущем для страны и крестьян, с одной стороны, считая крестьянство главным союзником пролетариата, а с другой стороны – объектом длительной борьбы, направленной на победу над крестьянством.

В октябре 1921 года В.И. Ленин, выступая с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов», вынужден был признать, что в России проведена реставрация капитализма, но она необходима для выживания большевизма. Власть разрешила открывать частные торговые заведения, постепенно отменяя государственную монополию на различные виды продукции, разрешила использовать наемный труд.

Одной из особенностей налоговой политики первых лет НЭПа было преобладание натуральных налогов и повинностей, так как деньги в те годы быстро обесценивались. На содержание громоздкого аппарата по сбору налогов тратилось до 50% всего валового сбора.

Многие советские идеологи и политики считали, что капитализм в России прорастал из деревни. Но пойти на НЭП заставили крестьянские бунты и восстание матросов в Кронштадте, которые на девять десятых выражали недовольство крестьянства.

Виды натурального продовольственного налога

*Ответственность
за выполнение налога возлагается
на каждого отдельного хозяина.*

Из декрета ВЦИК РСФСР
от 21 марта 1921 года

Основными видами занятий сельских жителей при НЭПе оставались земледелие и скотоводство при сохранении мелких крестьянских хозяйств. Самой основной культурой на территории всей Тверской губернии была рожь. Пшеницу, в небольших количествах, сеяли в Кашинском и Тверском уездах. Далее по значимости был овес, который в значительной мере шел на корм скоту и птице, а также на изготовление толокна, каши, киселей, сеяли ячмень (жито), который мололи на крупу, варили пиво и каши.

Из технических культур в Бежецком уезде Тверской губернии были распространены лен и конопля. Кроме посевов на полевых земельных наделах у каждого крестьянского хозяйства имелся огород. В давние времена основными огородными культурами были репа и капуста. Позднее в огородах стали выращивать картофель, лук, чеснок, морковь, редьку и свеклу. Из садовых культур в огородах высаживали

яблони, вишни, кусты крыжовника и смородины, другие плодовые деревья и кустарники встречались редко.

При переходе от продрозверстки к продналогу крестьяне стали платить несколько видов натурального продовольственного налога в зависимости от площади использованной земли, числа едоков, имевшегося скота, наличия отдельных видов продуктов и некоторых других условий.

Натуральный налог на хлеб, картофель и масличные семена

Был введен декретом Совнаркома РСФСР от 21 апреля 1921 года. Размер этого налога определялся для каждого крестьянского хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве с учетом урожая в данной местности. В состав пашни включали яровые и озимые культуры, посевные травы и пары, а также часть залежей и перелогов.

Установление размера налога для каждого отдельного хозяйства проводилось сельсоветами под контролем волостных исполкомов. Был введен ярко выраженный прогрессивный налог, если крестьянское хозяйство в Тверской губернии имело пашни от 1 до 3 десятин на едока, с него взималось 10 фунтов или 0,45 кг зерна с каждого пуда зерна. При наличии пашни более 3 десятин на едока, при самом низком полученном урожае, налог составлял 5–6 пудов или 80–96 кг зерна с каждой десятины.

Хозяйства, имевшие под пашней не свыше одной десятины земли, от обложения налогом освобождались. Плательщики налога были обязаны приступать к сдаче продуктов немедленно после уборки урожая и полностью уплатить его не позднее 15 декабря.

Натуральный налог на яйца

Введен декретом Совнаркома РСФСР в тот же день, 21 апреля 1921 года. Этому налогу подлежали все хозяйства, имевшие пахотную землю. Норма налога по Тверской губернии была установлена по 2 яйца с каждой десятины пашни. Сдача яиц проводилась к 1 июля – 60%, к 1 сентября – 10%, к 1 октября – остальные 30% от общей суммы налога.

Натуральный налог на шерсть

Был установлен на основании декрета Совнаркома РСФСР от 10 мая 1921 года. Налог взимался с каждого хозяйства в отдельности и исчислялся в зависимости от количества перезимовавших овец. Норма обложения налогом по Тверской губернии составляла с каждой овцы:

- за весеннюю шерсть – 3/8 фунта (170 г);
- за осеннюю шерсть (поярок) – 1/8 фунта (57 г);
- за грубую шерсть – 1/2 фунта (227 г).

Настриг шерсти с одной овцы за два раза весенней и осенней стрижки был примерно по 2–2,3 кг, с одного барана – до 3 килограммов. Налог на шерсть весенней стрижки взимался к 15 июля, осенней стрижки – к 15 ноября.

Натуральный налог на льняное и пеньковое волокно

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР в тот же день, 10 мая 1921 года. Размер налога определялся для каждого хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству посева льна-долгунца и конопли по урожаю в данной местности. Установили 6 разрядов по урожаю льняного волокна от 6 до 16 пудов на одну десятину, а по конопле – 5 разрядов от 9 до 21 пуда пенькового волокна на десятину посева.

При самом низком урожае льняного волокна в трепаном виде 6 пудов налог по Тверской губернии составлял 24 фунта или 11 кг с одной десятины посева. При самом высоком урожае льняного волокна в трепаном виде 16 пудов и выше налог составлял 64 фунта или 29 кг с одной десятины посева льна. Если лен сдавался в нетрепанном виде, а только в мятом виде, как лен-сырец, то крестьяне были обязаны за один пуд трепаного льна сдавать два пуда льна-сырца.

Натуральный налог на табак

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР от 11 мая 1921 года. Тверская губерния не входила в список основных табаководческих губерний. Поэтому за посев табака здесь были установлены нормы налога на него, как на *другие огородные культуры* при условии, если

посевы табака были менее 1/30 десятины. Если посевы табака были более 1/30 десятины, то есть более 3 соток, то хозяева уплачивали налог табаком, нормы устанавливались Народным комиссариатом земледелия.

Натуральный налог на сено

Был введен декретом Совнаркома РСФСР от 17 мая 1921 года. Ставка налога по Тверской губернии была определена по 8 пудов с заливных лугов и по 5 пудов с незаливных сенокосов на одну десятину сенокоса. Налог на сено должен быть выполнен не позднее 15 февраля следующего года.

Натуральный налог на продукты пчеловодства

Был установлен Постановлением Совета труда и обороны РСФСР от 3 июня 1921 года. Все крестьянские хозяйства, которые имели пасеки, были обязаны платить налог на мед и воск. От налога освобождались крестьянские хозяйства с одним ульем и пасекой в первый год ее основания. По Тверской губернии был установлен налог на мед в хозяйствах, имеющих до 15 ульев, по 3 фунта меда с каждого рамочного улья и по 2 фунта меда с каждого колодного улья, то есть при бортничестве.

Налог на воск был установлен по 0,5 фунта (227 грамм) светлой сухой вошины или по 0,25 фунта (113,5 грамм) чистого желтого воска с каждого колодного улья. С каждого рамочного улья должны были отдавать в счет налога 0,25 фунта светлой сухой вошины или по 0,125 фунта чистого желтого воска с каждого улья. Плательщики налога были обязаны приступать к сдаче меда и воска немедленно после начала сбора, конечным сроком сдачи этого налога было 1 ноября.

Нужно отметить, что в карельских деревнях Бежецкого уезда Тверской губернии было распространено бортничество, важность которого заключалась в том, что мед заменял сахар, дефицит которого при НЭПе был повсеместно. Другой продукт бортничества – воск применялся в основном для изготовления восковых свечей, которыми заменяли непрактичные, дурно пахнущие сальные свечи.

Крестьяне брали мед из дупла липы, сосны, вяза или тополя, куда пчелы собирали мед. Бортничество было непростым делом, чтобы добраться до борти на большой высоте, крестьянин на веревках подвешивал к дереву люльку. Сидя в ней, он с помощью долота, ножа и бурава делал отверстие, через которое ножом вырезал и доставал соты с медом. Нередко крестьянин делал деревянные колоды, которые устанавливал на сучьях или подвязывал веревками высоко на деревьях, поблизости от естественной борти.

Карелы в нашей местности занимались бортничеством до 1960-х годов, постепенно переходя на разведение пчел в домиках на пасеках. Пчелиные ульи залетали в приготовленные домики прямо из леса. К тому же пчелы повышали урожайность садовых деревьев и огородных культур.

Натуральный мясной налог

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР от 14 июня 1921 года. С каждой головы крупного рогатого скота старше 2 лет по Тверской губернии брали по 7 фунтов мяса (3,2 кг. – А.Г.).

С каждой головы овец, включая ягнят весеннего помета, по Тверской губернии брали в счет налога по 2,5 фунта мяса (1,14 кг).

С каждой головы свиней старше 9 месяцев по Тверской губернии платили натуральный налог мясом по 15 фунтов свинины (6,8 кг).

От натурального мясного налога освобождались крестьяне Московской, Петроградской, Иваново-Вознесенской, Тульской, Калужской и Брянской областей.

Для выполнения мясного налога отдельные плательщики объединялись в группы для решения вопроса, чей именно скот поступит в уплату налога. За мясной натуральный налог возмещали его стоимость по твердым закупочным ценам (которые были крайне низкие. – А.Г.). Когда согласия между отдельными плательщиками не было, сельсовет в установленном порядке определял, у кого из плательщиков должен быть взят скот для уплаты налога. Также определялось, в какой форме и порядке должна быть уплачено другим плательщиками стоимость взятого скота. Основная сдача натурального мясного налога была определена на октябрь-декабрь каждого года.

Декретом Совнаркома РСФСР от 19 мая 1921 года была утверждена инструкция губернским продовольственным комитетам по проведе-

нию натуральных налогов. Им было поручено немедленно приступить к сбору сведений по каждому крестьянскому хозяйству об основных данных, согласно которым производилось исчисление налога. Сельские советы на основании собранных сведений составляли предварительные именные списки плательщиков по каждой деревне и по каждому виду натурального налога.

Именные списки по каждому поселению содержали следующие сведения:

- поименное перечисление всех плательщиков в деревне с указанием по каждому крестьянскому хозяйству числа едоков, количества десятин земли, количества скота и других данных в зависимости от видов натурального налога;
- количество продуктов, назначенных к сдаче по налогу с каждого крестьянского хозяйства;
- сроки сдачи натуральных налогов.

Волостные исполнительные комитеты проверяли все эти сведения и составляли волостные сводки по каждому виду налога. Эти сведения направлялись в уездные продовольственные комитеты.

Поступавшие по налогу продукты сдавались заготовительным конторам; никаким другим органам, кроме заготконтор, налоги сдаваться не могли. По истечении установленных сроков к неисправным плательщикам применялись административные и судебные меры принуждения.

Декретом Совнаркома РСФСР от 24 мая 1921 года был разрешен свободный обмен, покупка и продажа оставшихся у крестьян после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Этот обмен, продажа и покупка могли проводиться на рынках и базарах, с лотков и ларей, а также в закрытых торговых помещениях – лавках и магазинах.

О работе коммунистов в деревне в условиях НЭПа (1923 год)

Учитесь торговать!
В.И. Ленин

В резолюции XII съезда РКП(б), прошедшего 17–25 апреля 1923 года, «*О работе РКП в деревне*» говорилось, что созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения затрудняют

развитие значительной части маломощных крестьян и вызывают обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства.

Начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона. С развитием социально-экономических отношений, создаваемых новой экономической политикой, удельный вес кулачества все более и более растет.

Своеобразие создававшихся в деревне отношений заключалось в том, что они складывались в Советском государстве при наличии пролетарской власти. Возникла ситуация, что при наличии власти пролетариата и государственной собственности на землю и основные орудия производства в деревне начинал идти процесс развития капитализма. *Но важнейшей экономической задачей Советского государства на целый исторический период является кооперирование крестьянства* – говорилось в резолюции партийного съезда.

Ввиду недостаточных успехов за минувший (1922) год в области вовлечения крестьян-коммунистов в кооперативную работу, говорилось в резолюции съезда, необходимо энергичное проведение в жизнь постановлений XI съезда РКП(б) о том, что участие коммунистов в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или общества, безусловно, обязательно. Равным образом обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется.

В связи с ростом числа безлошадных и безынвентарных хозяйств в итоге Гражданской войны и массовых разделов наем лошади и аренда сельскохозяйственного инвентаря возросли по сравнению с мирным временем в значительной мере. Основным кредитором мелкого крестьянина является его более зажиточный сосед. Патриархальные формы кредита лошадью и инвентарем не могут, конечно, изменить его экономической сути. На почве экономической зависимости зажиточные крестьяне получают возможность и политического подчинения себе маломощных элементов крестьянства.

Отсюда гигантская важность вопроса о создании такого доступного мелким и мельчайшим крестьянам государственного и кооперативного кредита, который мог бы вклиниться в экономические отношения крестьянства против кулака.

Организации кредита маломощным элементам крестьянства необходимо уделить возможный максимум и финансовых средств, и партийных сил. Необходимо привлечь к организации сельскохозяйственного кредита и средства более зажиточных элементов крестьянства, так как такая форма привлечения средств более зажиточных элементов крестьянства политически менее вредна, чем прямой кредит их маломощному крестьянству.

Задача дальнейшего усиления начинающегося подъема крестьянского хозяйства, дальнейшего расширения запашки и посевов, увеличения урожайности и сельскохозяйственной продукции требует, наряду с прочими намеченными съездом мероприятиями, продолжения и развития работы по подъему культурного уровня крестьянского хозяйства.

Съезд считал необходимым дальнейшее развитие пропаганды и государственное содействие введению более культурных приемов хозяйствования, доступных широким крестьянским массам на данном уровне сельскохозяйственной техники – ранние пары, борьба с вредителями, сортировка семян, вспашка на зябь, скашивание межников.

В резолюции XII съезда РКП(б) в апреле 1923 года заявляли, что необходимо неуклонно добиваться честной и аккуратной работы низовых советских органов. Неаккуратная, несвоевременная присылка распоряжения о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или разборе земельной тяжбы, трехдневная очередь при ссыпном пункте, пьянство ведущих «борьбу» с самогоном, грубость, взятка и произвол в советском аппарате являются оружием в руках наших классовых врагов.

Обнаружение элементов, вносящих в советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и советской власти, наряду с неустанной помощью партии лучшим элементам советской власти в низовых аппаратах.

В то же время с целью замены в советском аппарате чуждых советской власти элементов необходимо провести перегруппировку партийных сил в сторону деревни, продолжив во всероссийском масштабе начатую в ряде мест систематическую плановую переброску коммунистов в деревню.

Направить этих коммунистов исключительно на конкретную целевую работу – организатора ячейки, народного судьи, заведующего

избой-читальней, руководителя кооперации, секретаря волисполкома, учителя, заведующего почтовым пунктом. При этом тщательно подбирая перебрываемых с точки зрения их пригодности к соответствующей конкретной работе и учитывая, что такая организация, как почтовый пункт, может быть и оружием в наших руках, и оружием наших противников.

В связи с начавшимся оздоровлением хозяйственной жизни необходимо усилить работу волисполкомов и сельсоветов в области хозяйственного и культурного обслуживания деревни: работа по землеустройству, переход к культурному хозяйству, улучшение дорог, организация противопожарной охраны, ремонт школ, организация агрономического, ветеринарного дела, почтовой связи. Развиваемая на основе волостного бюджета хозяйственная и культурная работа облегчит обеспечение за бедной и мелким крестьянством руководящего значения в этих организациях.

Необходимо создать вместо старого волостного писаря, бывшего одним из основных орудий угнетения крестьянских масс, – говорилось в резолюции, – волостного секретаря, получающего жалованье от государства, знающего закон и помогающего, а не заменяющего в работе волисполком, который представляет собой аппарат управления и самоуправления, наиболее широко охватывающий вопросы крестьянской жизни. Этот волостной секретарь, взятый из тех же крестьян, прошедший опыт Гражданской войны, с одной стороны, и советско-партийной учебы, с другой стороны, должен быть в каждом волостном исполкоме. Для того чтобы избежать подчинения волисполкомов влиянию зажиточных крестьян, необходимо принять меры к улучшению материального положения членов волисполкомов.

Существеннейшим условием улучшения советского аппарата и усиления его роли приводного ремня к крестьянским массам является вовлечение бывших красноармейцев, средних и особенно маломощных крестьян, в хозяйственную советскую и культурно-политическую работу.

Партийные организации в деревне должны сосредоточить свою работу на политическом руководстве деятельностью советов, организации мелкого крестьянства против нарождающейся деревенской буржуазии на базе культурной, политической и хозяйственной работы советской власти в деревне. Существеннейшим условием проведения этого является постепенное освобождение партийных органов в де-

ревне от непосредственной административно-технической работы в области финансово-налоговой.

В течение ближайшего года необходимо дать, по меньшей мере, половине волостных ячеек и наиболее крупным сельским, имеющим влияние на более или менее широкую округу, платных организаторов или секретарей ячеек, имеющих достаточный партийно-организационный опыт внутрипартийной и массовой работы.

Необходимо усилить работу по ликвидации общей, политической и сельскохозяйственной неграмотности крестьян членов партии в деревне. Поскольку опыт показал, что вовлечение коммунист-крестьянина в городскую совпартшколу затрудняется условиями крестьянского хозяйства, необходимо приближение партийной школы к сельской ячейке.

Одной из форм этой работы, получающей все большее распространение и значение, является выделение для уезда групп примерно в 3–4 человека: один – учитель элементарной грамоты, другой – знакомый с начатками естествознания и агрономии, третий – могущий прочесть и разъяснить элементарную марксистскую книжку, и направление их на 5–6 недель в волость. Важнейшей предпосылкой для удачного проведения этой работы является создание в течение ближайших полугодия-года ряда элементарных учебников, специально приспособленных к уровню деревенского коммуниста.

Совпартшколы должны были дать в течение ближайших лет несколько тысяч работников деревне, с тем, чтобы каждый выпуск школы давал часть своих курсантов деревне. Надо отдать губернскую и уездную школу в крестьянских губерниях, по меньшей мере, на половину – три четверти на службу деревне.

В работе комсомольской организации вместо административно-командных функций необходимо выдвинуть вперед вопросы элементарной общей и политической учебы и связи на почве учебы с передовой крестьянской молодежью. Это особенно важно в связи со значительным ростом комсомольских организаций в деревне. Комсомолец в деревне должен быть грамотен, должен уметь прочитать вслух газету и простую книжку, должен знать основные советские законы, чтобы иметь возможность объяснить их в первую очередь хотя бы крестьянской молодежи. Работу среди крестьянских комсомольцев необходимо сделать одной из основных задач партийной работы в деревне. Необходимо развить и усиливать все доступные формы свя-

зи крестьянской и рабочей молодежи, такие как обмен делегациями, совместное обсуждение вопросов, экскурсии.

Одной из форм укрепления влияния рабочего класса в деревне, приобретающей все большее политическое значение и распространение, является шефство города над деревней. Ближайшее 7 ноября (1923 года) необходимо сделать днем проверки сделанного, дабы шефство города над деревней превратить в массовое явление.

Дело культурного подъема деревни может быть сдвинуто с места только в том случае, если для этого будут увеличены средства за счет возможного сокращения ассигнований на другие нужды, а в организационно-хозяйственное обслуживание деревни будет вовлечен наиболее связанный с советской властью слой маломощных и средних крестьян, бывших красноармейцев. Школьные советы существуют на бумаге, как и наблюдательные советы при избах-читальнях и народных домах.

Съезд обратил внимание парторганизаций на необходимость улучшения и развития дела сельскохозяйственного образования, подбора учащихся и массового распространения сельскохозяйственных знаний. Необходимо неуклонно продолжать и усиливать начинающуюся работу по улучшению материального положения учительства, усилению политической и просветительной работы в его среде и укреплению идейных и организационных связей его с советско-партийной общественностью.

Поскольку опыт распространения газеты «Беднота» за первые годы НЭПа был мал, ставилась задача издания второй всероссийской еженедельной газеты, которая давала бы материал за неделю, была бы достаточно дешева для того, чтобы крестьянин мог ее покупать. Эта газета должна быть напечатана достаточно крупным шрифтом, чтобы крестьянин мог ее прочитать, и написана достаточно понятным языком, чтобы он мог ее понять. По такому же типу должны вестись предназначенные для крестьян губернские и уездные газеты.

Одновременно необходимо добиться изменения работы издательств, поставить издание массовой литературы для крестьян, доступной крестьянам по цене, по вопросам естествознания, сельскохозяйственной техники, экономики крестьянского хозяйства, истории революционного, и в частности аграрного, движения, советского строительства, беллетристики, экономической и политической географии мира.

Необходимо создать специальный фонд массовой крестьянской дешевой литературы. Нужно дать в простой советской книжке ответы на те вопросы, на которые обычно до сих пор крестьянину дает ответ религия. Особенно важно развитие книжной торговли в деревне, в частности использование для этого ярмарок, базаров, кооперации, создание сети книгонош.

Необходима длительная, настойчивая, планомерная работа в области распространения материалистического понимания явлений природы, не допуская оскорбления религиозных чувств верующих грубыми мерами административного воздействия и решительно пресекая комсомольские увлечения по части закрытия церквей. Реорганизация школы есть лучший метод антирелигиозной пропаганды. Надо постепенно, шаг за шагом, выделить из бывших красноармейцев и делегатов-крестьянок тех, кто может стать организатором, руководителем школьного дела.

Для дальнейшего изучения опыта работы партии в деревне, для разработки руководящих указаний в этой области и проверки выполнения намеченной съездом работы создать комиссии по работе в деревне при ЦК партии и при областных партийных бюро [23].

Переход от натурального налога к денежному налогу (1923 год)

*В России проведена
реставрация капитализма.*

В.И. Ленин

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года в числе других решений была принята резолюция: «О налоговой политике в деревне». В отношении налоговой политики в деревне говорилось, что в эпоху открытой Гражданской войны все тяготы легли на крестьянство в виде продразверстки. Как только закончился этот период, коммунистическая партия провела переход от продразверстки к продналогу.

Этот переход принес значительное облегчение крестьянству. Новая экономическая политика необходима для развития торговли между городом и деревней, которая невозможна, пока постоянное обесценивание денег срывает денежный оборот и препятствует реализации продуктов как сельского хозяйства, так и промышленности.

Таким образом, непосредственно облегчая положение крестьянства, эта мера укрепляет все хозяйство страны, что, в свою очередь, поможет крестьянству быстрее выйти из разрухи и нищеты, восстановить свой инвентарь и повысить технический уровень своего хозяйства – писали в резолюции.

Кроме перехода от натурального обложения к денежному налогу коммунистическая партия, в целях облегчения положения крестьянства, должна провести объединение всех государственных прямых налогов, лежащих на крестьянстве – продналога, подворно-денежного и трудгужналога, а равно и всех местных прямых налогов в единый прямой сельскохозяйственный налог.

До введения единого прямого сельскохозяйственного налога в 1921–1923 годах для крестьянских хозяйств действовали следующие налоги:

- единый натуральный налог, который взимался с крестьянских хозяйств различными видами продуктов;
- трудовой гужевой налог, когда каждый гражданин в возрасте от 18 до 50 лет и каждая лошадь старше 3 лет должны были отработать в пользу государства бесплатно по 6 дней в году;
- подворно-денежный налог, который был установлен декретом ВЦИК от 25 мая 1922 года, предоставившим право губернским исполкомам взимать его с крестьянских дворов дополнительно к другим налогам;
- единовременный налог на восстановление сельского хозяйства (общегражданский налог), введенный в 1922 году для оказания помощи голодающим;
- местные налоги, налагаемые советами народных комиссаров автономных республик, областными исполнительными комитетами, губернскими исполнительными комитетами и уездными исполнительными комитетами на сельское хозяйство.

Единый сельскохозяйственный налог должен был решительно покончить с множественностью обложения, которая вызывала справедливые жалобы крестьянства и мешала ему твердо подсчитать свои расходы и доходы и в соответствии с этим вести свое хозяйство.

Коммунистическая партия решила провести такую систему налогового обложения, которая дала бы возможность крестьянину заранее и твердо знать всю сумму причитающегося с него прямого обложения и иметь дело только с одним сборщиком этого налога. Единый сельскохозяйственный налог должен обеспечить соответствие тяжести об-

ложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощность и платежеспособность хозяйства – количество едоков, количество пашни и сенокосов, количество рабочего и продуктивного скота, средний размер урожая.

Благодаря этому, по мнению советского руководства, прямой налог давал возможность советской власти наилучшим образом проводить политику ограждения интересов крестьянской бедноты и середняка. Коммунистическая партия должна разъяснить этим слоям деревни все преимущества прямого обложения, при котором тягота налогов справедливо распределяется между различными слоями деревни соответственно степени их благосостояния и с наибольшей выгодой для бедноты.

При установлении размеров единого сельскохозяйственного налога, а также натуральной и денежной части его советская власть – утверждалось в резолюции XII съезда РКП(б) – должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства, тщательно оценивая действительную платежную силу крестьянского хозяйства, как в целом, так и по отдельным районам. Необходимо поэтому учитывать особые условия отдельных районов, отличающихся более земледельческим или более промысловым характером, в целях наиболее полного соответствия размеров налога и его форм – денежной или смешанной – действительному состоянию крестьянского хозяйства данного района. В тех же целях для внесения налога должны быть назначены не один, а несколько сроков, согласованных с моментами снятия урожая, продаж излишков.

В целях содействия поднятию сельского хозяйства предполагалось провести в жизнь систему поощрений, доступных в данных условиях широким массам крестьянства, улучшенных приемов хозяйствования – ранние пары, вспашка на зябь, развитие технических и трудоемких культур, рационализация животноводства.

Районы, волости и коллективы, особо проявившие себя в этом отношении, по представлениям земельных органов, подлежали премированию губисполкомами в форме частичной скидки причитающегося с них сельскохозяйственного налога в пределах одного процента с общей его суммы. Одним из решительных способов борьбы с непомерно низкими ценами на хлеб, разоряющими крестьянское хозяйство и одновременно затрудняющими промышленность, должно явиться облегчение выхода за границу тех излишков крестьянского хлеба, которые не могли быть потреблены внутри страны.

В целях удовлетворения этой насущной потребности крестьянского хозяйства – говорилось в резолюции съезда – советское правительство должно добиваться возможности беспрепятственной реализации крестьянского хлеба за границей. Завоевание для сельского хозяйства заграничных рынков, утерянных в эпоху империалистической войны, должно явиться ближайшей задачей советской власти, ибо при отсутствии сельскохозяйственного вывоза из России неизбежны крайне низкие цены на хлеб на внутреннем рынке. Это, в свою очередь, приведет к сокращению запасов, застою в крестьянском хозяйстве, а, следовательно, и к общему хозяйственному застою государственного экспорта. В целях устранения частного посредничества экспорт хлеба должен быть сосредоточен в руках государства и его органов.

Исключительное внимание должно быть обращено на качественный состав того аппарата, при помощи которого советская власть собирает налоги и при помощи которого будет осуществляться государственная закупка хлеба. Коммунистическая партия ставила своей задачей постоянное улучшение состава этого аппарата и его удешевление, твердо памятуя, что в его лице крестьянство должно видеть действительного представителя широких масс рабочих и крестьян. Не только всякая незаконность, но и пренебрежительное отношение к законным правам крестьянства при выполнении налоговыми органами их тяжелой, ответственной и необходимой для Советского государства работы по сбору налогов должны встречать решительное осуждение со стороны партии и суровую кару со стороны советской власти.

Коммунистическая партия, писали в резолюции съезда, отдает себе полный отчет как в трудном положении разоренного войной и контрреволюцией крестьянского хозяйства, так и в тяжести лежащих на нем обязательств. Проводимые ныне советской властью меры по облегчению положения крестьянства, представляя значительный шаг вперед к упорядочению крестьянского хозяйства, отнюдь не освобождают его от необходимости напрячь все силы для удовлетворения предъявленных крестьянству советским государством требований.

Но общие интересы всех трудящихся, общие интересы охраны завоеваний рабоче-крестьянской революции требуют этого напряжения сил от рабочих и от крестьян, требуют этих жертв. Бюджет Советской республики, несмотря на то, что он сокращен в два с половиной раза против бюджета дворянско-помещичьей России, до сих пор остается дефицитным, так как поступающие в государственную казну доходы и

налоги далеко не покрывают самых необходимых расходов. Советская власть, обеспечившая за крестьянством землю и освободившая его от платежей помещикам, должна поэтому требовать, чтобы каждый, несмотря на трудности, выполнил свои обязанности перед рабоче-крестьянским государством.

Крестьянство должно убедиться, что, собирая налоги, рабоче-крестьянское правительство в то же время решительной рукой сокращает всякие непроизводительные расходы и является действительно самым дешевым правительством для страны. Коммунистическая партия должна будет пристально следить за тем, чтобы получаемые от налогов средства расходовались с величайшей экономией и исключительно на действительно необходимые нужды:

- на оборону революционных завоеваний рабочих и крестьян;
- на развитие просвещения;
- на всемерную поддержку сельского хозяйства в виде организации сельскохозяйственного дешевого кредита, агрономической и другой поддержки деревне;
- на развитие крупной промышленности, без широкого развития которой население страны было бы обречено на хозяйственное прозябание и на экономическое и политическое рабство.

При всех этих расходах рабоче-крестьянское правительство должно равняться по крестьянской силе и возможностям крестьян.

Настойчивое и систематическое проведение указанных выше мер приведет к быстрейшему развертыванию производительных сил города и деревни. Приведет к ограждению интересов крестьянской бедноты и середняков, к укреплению доверия крестьянина к рабочим и к закреплению союза рабочих и крестьян на твердом фундаменте роста народного богатства, распорядителем которого при советском государстве являются сами же трудящиеся массы [24].

До установления единого сельскохозяйственного налога крестьяне платили натуральный налог продуктами по установленным нормативам. Отбывали трудгужналог или трудгужповинность, когда сельсовет, волисполком, военкомат и другие представители советской власти мобилизовали на несколько дней подводы вместе с хозяевами. Они вывозили в указанное место конфискованное зерно и продукты питания, доставляли призывников на призывные пункты, возили коммунистов и комсомольцев на уездные конференции и выполняли другие поручения советской власти. Возчики днями, а иногда сутками оста-

вались возле своих подвод, чтобы везти делегатов обратно домой. За это время их не кормили, им ничего не платили и ничего не выдавали, кроме дегтя, чтобы смазывать колеса у телег.

30 апреля 1923 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял декрет «*Об амнистии неплательщиков единого натурального налога*». В нем было заявлено, что Президиум ВЦИК постановил освободить от дальнейшего отбывания наказания лишением свободы и принудительными работами граждан, осужденных за невыполнение единого натурального налога в 1922–1923 годах, то есть за преступные деяния, предусмотренные ст. 79 и 2 ч. ст. 80 Уголовного Кодекса, при установленном по суду отсутствии злостности.

Действие постановления Президиума ВЦИК от 30 апреля 1923 года не распространялось на имущественные взыскания – конфискацию всего или части имущества и штраф. От имущественных взысканий освобождались маломощные семьи красноармейцев, инвалиды империалистической и Гражданской войн и семьи погибших в эти войны.

На основании решений XII партийного съезда *10 мая 1923 года ВЦИК и Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР своим декретом установили единый сельскохозяйственный налог на 1923–1924 год*. На население, занимающееся сельскохозяйственным промыслом, а также на коллективные и советские хозяйства устанавливался на 1923–1924 год единый сельскохозяйственный налог взамен всех перечисленных выше налогов, взимаемых в 1922–1923 году с населения, занимающегося сельским хозяйством.

Волостные и сельские сборы, согласно декрету от 10 мая 1923 года, могли производиться волостными и сельскими советами только на основании особого положения, точно предусматривающего те потребности волостного и сельского бюджета, которые могли покрываться местными волостными и сельскими сборами. К оставленным к взысканию налогам, на основании Временного положения о местных финансах, утвержденным постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 года, отнесли:

- налог с лошадей и экипажей;
- налог на право застройки;
- налог с наследства;
- сбор за ветеринарно-санитарный осмотр скота;
- сбор с продаж на рынке и другие виды местных налогов.

Промысловая и торговая деятельность сельского населения подлежала обложению, установленному на промыслы и торговлю.

Обложение сельского хозяйства какими-либо дополнительными налогами, кроме единого сельскохозяйственного налога, волостных и сельских сборов, воспрещалось под страхом уголовной ответственности.

Единый сельскохозяйственный налог исчислялся и выражался в весовой мере – пуде ржи (ржаной единице), а в районах преимущественного распространения пшеницы – в пуде пшеницы (пшеничной единице) и взимался натурой или деньгами.

В губерниях, областях и автономных республиках, где единый сельскохозяйственный налог взимался в чисто денежной форме, все работы по обложению, исчислению и сбору налога возлагались на органы Народного комиссариата финансов.

В губерниях с чисто денежной формой налога, где по условиям реализации урожая сдача налога в денежной форме была затруднительна для населения, Народному комиссариату финансов, по ходатайствам Советов народных комиссаров автономных республик, областных и губернских исполнительных комитетов, предоставлялось право взимать часть налога натурой.

Каждому налогоплательщику предоставлялось право уплачивать причитающуюся с него натуральную часть налога деньгами полностью или частично в сроки, установленные для сдачи причитающейся натуральной части налога. Натуральная часть налога оплачивалась хлебными и зерновыми продуктами.

При определении размеров налога учитывались:

- а) количество в хозяйстве пашни и сенокоса (в переводе последнего на пашню);
- б) количество едоков в хозяйстве;
- в) количество в хозяйстве взрослого рабочего и взрослого крупного рогатого скота;
- г) урожайность хлебов и трав на десятину.

Состав облагаемой площади определялся:

- а) площадью пашни, занятой яровыми и озимыми полями, паром, толокой и посевами трав, приусадебными землями и одворичами (проулками и заулками. – А.Г.);
- б) площадью заливных и незаливных сенокосов.

Учету при обложении подлежал рабочий скот в рабочем возрасте и крупный рогатый скот старше 2 лет.

В целях поднятия сельского хозяйства и поощрения улучшенных приемов хозяйствования, доступных массам крестьянства, предостав-

лялось право Советам народных комиссаров автономных республик, областным исполнительным комитетам и губернским исполнительным комитетам по ходатайствам земельных органов премировать как отдельные коллективы, так и хозяйства целых волостей, районов и уездов в форме скидки определенного процента с налога. Но чтобы общая сумма скидки не превышала одного процента общей суммы налога.

В целях облегчения уплаты налога семьям, члены которых находились на действительной службе в Красной Армии и флоте, предоставлялись следующие льготы:

- а) при учете едоков в хозяйстве для исчисления налога, причитавшегося с их хозяйства, зачислялись в число едоков семьи все состоящие на службе красноармейцы, причем курсанты и лица командного состава, до командира батальона включительно, принимались *за два едока каждый*;
- б) семьи состоявших на службе в Красной Армии и флоте лиц, не имевшие в своем составе трудоспособных членов мужского пола, освобождались от уплаты всего причитавшегося с них налога, если на их хозяйства приходилось менее 2–2,5 десятины облагаемой площади земли;
- в) семьи лиц, состоявших на службе в Красной Армии и флоте, имевшие облагаемой площади менее 11 десятин на хозяйство, освобождались от 3/4 налога;
- г) семьи инвалидов Гражданской войны, семьи красноармейцев, находившихся в плену, и семьи милиционеров пользовались теми же льготами по налогу, которыми пользовались и семьи красноармейцев, состоявших на действительной службе.

Составление поселенных налоговых списков с установлением для каждого хозяйства объектов и признаков обложения единым сельскохозяйственным налогом – пашни, посевов, сенокоса, едоков, скота, производилось волостными исполнительными комитетами и сельскими советами в срок до 1 июня 1923 года.

Плательщики обязаны были приступить к сдаче налога тотчас же после уборки урожая и предъявления им окладных листов. Сдача производилась в несколько сроков. Граждане, не уплатившие налога, несли личную и имущественную ответственность в судебном и административном порядке. На неуплаченную в установленные сроки часть налога начислялась пеня. Подача жалоб взыскания налога не приостанавливала.

Тверская губерния вошла в список губерний, областей и автономных республик, в которых была установлена *денежная форма налога*. Для того чтобы перейти к денежной форме налога, нужны были новые советские деньги. Нужно отметить, что после Октябрьской революции 1917 года все царские деньги и деньги Временного правительства были уничтожены. Право выпуска денег от имени правительства Советской России было передано не только Народному комиссариату финансов, но и местным органам советской власти. Эти деньги выпускались на любой имеющейся бумаге, даже на винных этикетках. На них писали номинал, слово «обеспечено» и ставили печать губернского или уездного исполкома. Так продолжалось почти до середины 1920 года.

На основании декрета Совнаркома от 4 марта 1920 года начали выпускать в обращение новые советские денежные знаки достоинством в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей. Денежные знаки старых образцов сохраняли платежную силу и имели хождение наравне с новыми советскими знаками [25].

Обесценивание денег было в таких масштабах, что финансисты не могли вести их счет, в обороте страны вращались триллионы различных денежных советских знаков. Чтобы навести элементарный порядок в денежном обращении, в октябре 1921 года был учрежден Государственный банк, которому поручили проведение денежной реформы.

В ноябре 1921 года была проведена первая деноминация, во время которой денежные советские знаки 1922 года обменивались на все прежние знаки из расчета 1 знак за 10 тысяч прежних знаков.

В декабре 1922 года провели вторую деноминацию, когда 1 знак 1923 года обменивали на 100 знаков 1922 года. Государственный денежный знак СССР 1923 года достоинством в 10 тысяч рублей был изготовлен на бумаге с указанием номера на каждой купюре и с подписями народного комиссара финансов и кассира.

В октябре 1922 года в оборот был введен червонец, который соответствовал 10 новым рублям. Он имел золотое содержание наравне с дореволюционной золотой монетой – 7,74 грамма чистого золота. Одновременно с золотым червонцем в обращении находились советские знаки образца 1922-го и 1923 годов, которые ходили в деревне, там червонцев не было.

В марте-апреле 1924 года выпуск советских денежных знаков был прекращен, взамен выпустили бумажные рубли номиналом 1, 3 и

5 рублей, а также серебряную и медную разменные монеты. Например, 3 копейки 1924 года выпуска были изготовлены как монетой, так и на бумаге, где было написано, что они «имеют хождение наравне с серебряной монетой».

Официально один рубль выпуска 1924 года обменивался на советские знаки выпуска 1923 года номиналом в 50 тысяч. Советские денежные знаки обесценивались катастрофически. Фактически на 1 января 1924 года один бумажный рубль стоил 30 тысяч советских знаков, а к 13 января 1924 года – 46 тысяч советских знаков. На 13 февраля 1924 года один бумажный рубль равнялся 120 тысячам советских денежных знаков.

Чтобы подвигнуть крестьян расстаться с оставшимися у них золотыми монетами царской чеканки Народный комиссариат финансов поручил уездным исполкомам провести покупку этих монет:

- за полновесную десятирублевую монету царской чеканки платить наличными деньги в сумме 9 руб. 75 коп.;
- за пятирублевую монету царской чеканки платить наличными деньгами в сумме 4 руб. 84 коп.

Все операции по покупке царских золотых монет проводили государственные трудовые сберегательные кассы.

Таким образом, после объявления новой экономической политики и проведения денежной реформы 1922–1924 годов основной формой расчета за работу, промышленные товары и продукты питания, как и до Октябрьской революции 1917 года, вновь стали деньги.

Введение в действие единого сельхозналога (1924 год)

*Я с ума не сошел,
чтобы давать циркуляр
об истязаниях крестьян.
А.Д. Цюрупя*

Таким образом, взяв курс на развитие товарно-денежных отношений, с 1 января 1924 года государство заменило продналог единым сельскохозяйственным налогом, который стал взиматься в денежном выражении. Этот налог в среднем составлял до 5% от дохода крестьянского хозяйства.

Среди прямых денежных налогов для частных крестьянских мелких промышленных и торговых предприятий был введен единый промысловый налог из расчета 3% с оборота в госбюджет, 3% в местный бюджет и 1% в пользу голодающих, всего 7% с оборота. Полностью освобождались от промыслового налога все сельские кооперативы с оборотом не выше 20 тысяч рублей в год.

Центральный исполнительный комитет СССР своим декретом от 27 июля 1923 года предоставил некоторые льготы крестьянам в связи с введением единого сельскохозяйственного налога. В этом нормативном акте государства было заявлено, что закон о едином натуральном налоге являлся началом основной реформы в области налогового законодательства в деревне. Польза этого закона для крестьянского хозяйства была понята населением, и оно встретило его сочувственно. Громадное большинство крестьянства сдало натуральный налог в новой облегченной форме полностью.

Правительство сделало следующий шаг по пути облегчения условий ведения крестьянского хозяйства. В новом законе о едином сельскохозяйственном налоге оно все прямые налоги, государственные и местные, уплачиваемые как натурой, так и деньгами, объединило в единый налог на сельское хозяйство, одновременно запрещая установление на него каких-либо других налогов.

Закон о едином сельскохозяйственном налоге дает крестьянину возможность заранее знать всю сумму причитающегося с него прямого обложения и иметь дело только с одним сборщиком. Предоставляемое плательщику право уплаты части налога деньгами сократит издержки крестьянина по взносу налога и даст возможность избрать более выгодную для него форму уплаты.

Для облегчения уплаты налога и поддержки хозяйства тех, кто своею грудью защищает Советскую республику, закон сохраняет льготы по налогу, предоставленные ранее семьям лиц, служащих в Красной армии.

В целях укрепления вновь образующихся хозяйств, поддержки их в особенно тяжелый период перелома и перехода к новому хозяйственному укладу закон вводил льготы для переселенцев и расселенцев.

Вводя в жизнь новый закон, упрощавший и твердо ограничивавший обложение крестьянства, предоставлявший ему значительные льготы, Рабоче-крестьянское правительство призывало все крестьянство советских республик к выполнению революционного долга по

укреплению хозяйственной мощи страны, полностью и в срок выполнить налоговые обязательства.

Сознавая затруднительность для беднейшего крестьянства выполнения революционного долга, Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров в целях подъема хозяйственных сил страны установил следующие льготы:

- а) сложить полностью все числящиеся за населением недоимки:
 - по натуральным налогам 1921 года;
 - по временному налогу 1922 года на молочные продукты и яйца;
- б) сложить задолженность населения по всем семенным ссудам, выданным до 1921 года и по ссуде, выданной весной 1921 года;
- в) сложить задолженности по семенной ссуде, выданной осенью 1921 года и весной 1922 года, следующим категориям хозяйств:
 - имеющим по 2–2,5 и менее десятин облагаемой пашни, если в семье имелось лицо, состоявшее на действительной службе в Красной армии;
 - беднейшим и наиболее малоземельным хозяйствам, особенно тем, в которых не было трудоспособных работников мужчин или рабочего скота;
 - дать отсрочку выплаты до 1924 года задолженности всем хозяйствам, для которых, в силу хозяйственных условий 1923 года, уплата частично или полностью задолженности по семенной ссуде оказалась непосильной.

Декретом ЦИК СССР и СНК СССР от 30 апреля 1924 года было введено «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» уже не на один год, а на последующие годы, начиная с 1924–1925 годов.

Обложению единым сельскохозяйственным налогом подлежали занимавшееся сельским хозяйством население, а также коллективные и советские хозяйства.

Плательщики единого сельскохозяйственного налога не облагались никакими иными падающими на сельское хозяйство налогами или сборами, *за исключением надбавки на местные нужды и платежей по обязательному окладному страхованию.*

Доходы сельского населения от торговли, промышленности и других источников, не связанных с сельским хозяйством, подлежали в общем порядке обложению, установленному на промыслы, торговлю и доходы.

Единый сельскохозяйственный налог исчислялся в золотых рублях и взимался деньгами.

Налог исчислялся и взимался с каждого отдельного хозяйства по количеству принадлежавшей ему по праву трудового пользования и арендуемой земли, а также по количеству рабочего и крупного рогатого скота. *За единицу обложения единым сельскохозяйственным налогом принималась десятина пашни.*

Облагаемый скот в хозяйстве приравнивался к пашне по соответствующим нормам пересчета, и полученное путем такого перечисления количество десятин прибавлялось к числу десятин облагаемой земли в хозяйстве.

В состав облагаемой земли включались:

- площадь пашни, занятая яровыми и озимыми полями, паром, толокой, посевами трав, риса, хлопка и других технических растений;
- сады, огороды, виноградники, ореховые, чайные и другие культурные насаждения, приусадебные земли и одворицы (проулки и заулки. – А.Г.);
- площадь заливных и незаливных сенокосов.

В состав облагаемого скота включались лошади, волы в возрасте старше 3 лет и крупный рогатый скот, за исключением волов старше 1,5 года, к 1 апреля года, предшествующего окладному году.

Сумма налога по каждому хозяйству определялась по количеству имевшихся у него облагаемых земли и скота, выраженных в десятинах пашни или посева, в зависимости от количества едоков в хозяйстве. Ставки налога на данный окладной год устанавливалась по районам в зависимости от урожая текущего года и состояния сельского хозяйства, на основании чего данный район относится к тому или иному разряду по обложению.

Для обложения имеющихся в каждом хозяйстве земли и скота устанавливались три различных ставки с десятины в зависимости от приходящегося на едока количества облагаемой земли и скота, выраженных в десятинах пашни (посева):

- а) по первой – наименьшей ставке на десятину облагалась первая наименьшая доля земли на одного едока в хозяйстве;
- б) по второй – средней ставке на десятину облагался излишек земли сверх обложений по первой ставке до установленного предела на едока в хозяйстве;
- в) по третьей – наивысшей ставке на десятину облагался остальной излишек сверх обложений по первой и второй ставкам.

В целях облегчения беднейшему крестьянству возможности восстановить и улучшить свое хозяйство устанавливались льготы:

- а) совершенно освобождались от налога и надбавки к нему на местные нужды:
 - все хозяйства, не имевшие облагаемого скота, если в этих хозяйствах имелось не более $3/4$ десятины облагаемой земли на едока в районах обложения по пашне и не более $1/2$ десятины в районах обложения по посеву;
 - хозяйства, не имевшие работников и работниц, если они имели не более $3/4$ десятины земли (или полудесятины посева) на едока и одной головы облагаемого скота;
- б) хозяйства, не имевшие рабочего скота (лошадей или волов. – А.Г.), если облагаемой земли в них не более $3/4$ десятины на едока в районах обложения по пашне и не более $1/2$ десятины в районах обложения по посеву, уплачивали налог и местную надбавку к нему в половинном размере.

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 15 июля 1924 года были введены дополнительные льготы по единому сельскохозяйственному налогу в целях поощрения развития животноводства и в первую очередь разведения крупного рогатого скота.

Определение размера дополнительной скидки производилось в зависимости от общего состояния сельского хозяйства конкретной губернии, экономической мощности отдельных групп населения и степени развития животноводства.

По получении сообщения губернского исполнительного комитета о сумме скидок, установленной для определенного уезда, а также о категориях хозяйств, которым предоставляется льгота, уездные исполнительные комитеты и соответствующие им органы распределяли сумму скидок между отдельными волостями и указывали им порядок предоставления льгот плательщикам.

В партийных и советских документах первой половины 1924 года не было никаких указаний на усиление налогового нажима на частный сектор. Но объединение всех налогов в один денежный налог легло тяжким бременем на крестьян, оно было усугублено местными налогами и сборами, а также принудительной подпиской на крестьянский заем.

На XIV партконференции 27–29 апреля 1925 года был поставлен вопрос о сокращении единого сельскохозяйственного налога и более

равномерном распределении его в зависимости от доходности хозяйств. Предлагалось исключить из практики взимания налога наложение штрафов на неплательщиков и применение их ареста.

В апреле 1925 года на пленуме РКП(б) разрешили расширение применения наемного труда в крестьянских хозяйствах ввиду значительного избытка рабочих рук в деревне. На местах органам власти поручалось устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле, к развитию крестьянских промыслов, обеспечив их кредитованием и облегчая налоговое бремя.

7 мая 1925 года было принято «Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1925/1926 год», по которому общий объем налога был снижен на 40% в сравнении с предыдущим годом. Это Положение действовало до 25 апреля 1926 года, когда оно было заменено новым, усиливающим классовое расслоение в деревне. В новом Положении от 25 апреля 1926 года установили необлагаемый налогом минимум доходов по 28 рублей за год на каждую душу. Усилили прогрессивный налог, когда зажиточные крестьяне стали платить от 12 до 22% от совокупного дохода, а бедняки – от 2 до 4% от дохода.

Конфискация земли и имущества

*Помещичьи имения
переходят в распоряжение
Советов без всякого выкупа.
Из декрета «О земле»*

Ко времени свершения Октябрьской революции 1917 года помещики владели своими земельными участками более 300 лет, хотя площадь их сократилась в ходе реализации крестьянской реформы 1861 года. Удельные крестьяне, к которым относилось большинство тверских карел, являлись собственниками усадебных участков и полевых земельных наделов более 50 лет, с 1865 года. Большинство помещичьих крестьян за 20 лет до революции 1917 года успели расплатиться за земельные наделы, и тоже стали собственниками земли.

Крестьяне поверили лозунгу большевиков «Земля – крестьянам» и встали на их сторону, полагая, что земельные наделы останутся в их

собственности, и их площади увеличат за счет помещичьих земель. Но они ошиблись, после 1917 года вся земля стала государственной, она передавалась крестьянам лишь в пользование.

Уже на второй день после победы Октябрьской революции 26 октября 1917 года в 2 часа ночи II Всероссийский съезд советов принял декрет «О земле»:

1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3. Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и прочим» [26].

К «Декрету о земле» прилагался «крестьянский наказ», основными пунктами которого были:

- право частной собственности на землю отменяется навсегда;
- все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и другие, а также леса и воды переходят в исключительное пользование государства;
- весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или сельской общины без выкупа;
- наемный труд не допускается;
- земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение;
- земельный фонд подвергается периодически переделам в зависимости от прироста населения. Земля выбывающих членов

поступает обратно в земельный фонд, преимущественное право на получение их участков получают ближайшие родственники и лица по указанию выбывших [27].

Проект декрета «О земле» составил первый советский народный комиссар земледелия Владимир Павлович Милютин, проработавший в этой должности всего 9 суток с 26 октября по 4 ноября 1917 года. В тот день, 4 ноября, В.П. Милютин вместе с наркомом Зиновьевым, Каменевым, Ногиным и Рыковым заявил о сложении своих полномочий в знак протеста с решением большинства членов ЦК партии большевиков об отказе включения в советы членов профсоюза железных дорог России (Викжель).

За основу проекта декрета «О земле» В.П. Милютин взял пункты программы по земельному вопросу эсеров. Окончательный вариант декрета был доработан В.И. Лениным.

3 ноября 1917 года В.П. Милютин подписал постановление о создании волостных земельных комитетов, на которые возлагалось решать вопросы:

- уничтожения кабальных отношений, таких как система обработки на чужих полях, натуральная аренда и другие;
- учет всех земель в пределах волости, охрана лесов, вод, недр и установление порядка их пользования;
- определение площадей пахотной земли, подлежащей обязательной обработке;
- контроль над правильным распределением бывшей помещицкой, удельной и монастырской земли между крестьянскими хозяйствами.

В губернии были направлены эмиссары с инструкцией, подписанной Лениным и Милютиным. Они должны были собрать информацию, как принят декрет «О земле» крестьянами на местах, какие меры приняты волостными земельными комитетами и советами крестьянских депутатов по переводу помещицкой и другой национализированной земли для увеличения крестьянских наделов [28].

В день отставки народного комиссара земледелия Милютина 4 ноября 1917 года В.И. Ленин предложил на этот пост левого эсера А.Л. Колегаева. Эсеры затягивали решение этого вопроса, добиваясь однородной социалистической власти наравне с большевиками. Так как решение земельных вопросов требовало оперативного разрешения, В.И. Ленин пригласил из Москвы Александра Григорьевича

Шлихтера на пост временного заместителя народного комиссара земледелия. Тот приступил к обязанностям 13 ноября 1917 года, чтобы начать работу над новым земельным законом. Но из-за саботажа чиновников до назначения на должность Колегаева сделать что-то определенное по земельному законодательству Шлихтер не успел [29].

Назначенный 24 ноября 1917 года вместо Милютина народным комиссаром земледелия левый эсер Андрей Лукич Колегаев на другой же день разослал телеграммы всем губернским и уездным земельным комитетам. В них новый нарком еще раз подтверждал главные положения декрета «О земле», а именно:

- все земли с живым и мертвым инвентарем, служебными, жилыми постройками, продуктами объявлялись народным достоянием и поступали в ведение земельных комитетов;
- частная собственность на землю полностью отменялась;
- уничтожение, разгромы, поджоги и расхищение помещичьих имений, инвентаря, построек, продуктов признавались как огромный вред и убыток самому трудовому крестьянству. Поэтому земельные комитеты должны были принять все меры к охране в целостности имущества в интересах трудового народа.

29 ноября А.Л. Колегаев уволил некоторых специалистов в области земледелия, в том числе А.В. Чайнова, за отказ работать вместе с Совнаркомом по проведению в жизнь постановления о передаче земель в ведение земельных комитетов [30].

Таким образом, советская власть провела конфискацию земли у бывших помещиков, монастырей и церквей, то есть принудительное и безвозмездное изъятие ее у собственников. Значительная часть дворянских усадеб была сожжена и разграблена крестьянами в 1917–1918 годах. Наркомат земледелия в 1918 году установил выселение помещиков, как в судебном, так и в административном порядке. Разрешили оставлять на местах тех помещиков, которые не проявляли контрреволюционных выступлений против советской власти, при ограничении их земельных участков трудовыми нормами с обязательством вести хозяйство без применения наемного труда.

* * *

В очерке «Отвергнутый камень» тверской писатель М.Г. Петров поместил письма помещика из села Тухань Весъегонского уезда Тверской губернии князя Сергея Михайловича Ухтомского, отправленные из Москвы управляющему его имением Александру Ивановичу Голубкову. В письме от 15 мая 1918 года С.М. Ухтомский высказывал беспокойство: «Приближается весна, а вместе с ней не дает покоя мысль: кто же будет обрабатывать и пользоваться перешедшей государству землей? Меня к ней не допустят, ибо я в глазах новой власти враг, эксплуататор. Мне жаль не то, что отняли все продукты, забрали лошадей и телочку, вывезли весь заготовленный для нового дома лес и растащили все имущество.

Поражает, что сделано все это не местными крестьянами, а какой-то мифической властью, приезжающей из Петрограда. Все делается без всякого учета: кто взял, сколько, куда все это направляется, налицо неуважение к человеческой личности, имуществу. Приближается еще один исторический момент – раздел земли. Раздел земли есть гибель деревни, темные, безответственные лица уже начали свою преступную пропаганду, требуя немедленно так называемого «черного передела» всей земли. Им мало крови, обогрившей лицо нашей страны, им нужны потоки ее». В скором времени С.М. Ухтомский был растерзан толпой в Москве на трамвайной остановке.

* * *

На практике крестьянам дополнительно распределили для пользования около 90 млн десятин из 150 млн десятин отобранной земли. Из них около половины земли было отобрано у самих крестьян, которые ранее купили земельные участки на свои деньги или получили их при выходе на хутора и свои отруба в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина. Бедняки и батраки дополнительно получили к своим наделам по 1–1,5 десятины земли, что для них при отсутствии сельскохозяйственных орудий и инвентаря сыграло незначительную роль.

С другой стороны действительно трудовые хозяйства зажиточных крестьян уже в 1918–1919 годах подверглись земельному и инвентарному раскулачиванию в результате передела земли. Деревня

значительно потеряла из-за этого свою дореволюционную производительность и товарность хлеба и сельскохозяйственных продуктов.

В «Крестьянском наказе», вошедшем в Декрет о земле, было записано, что право частной собственности на землю отменяется навсегда. Вся земля обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование крестьянам и другим лицам, которые обрабатывали ее своим трудом.

Декрет о земле одним росчерком пера уничтожил результаты всей выкупной кампании крестьян по реформе 1861 года. За выкуп одного надела крестьянин Тверской губернии заплатил 150 рублей и стал собственником этого надела. После 1917 года оказалось, что три предыдущих поколения крестьян, экономя на питании и одежде, выкупали напрасно эти земельные наделы. Они смогли ими воспользоваться, как собственники, всего 20–30 лет, в зависимости от срока окончания выкупа наделов каждой сельской общиной. Узнав о декрете, крестьяне ожидали, когда советская власть заключит с ними купчие на гербовой бумаге с печатью на их наделы, еще не осознавая, что земля им уже не принадлежит.

Таким образом, выдвигая революционный лозунг «Земля – крестьянам», после Октябрьской революции 1917 года большевики на деле лишили крестьян их собственности на землю, доставшейся им путем длительного денежного выкупа, то есть фактически обманули неграмотных крестьян. Объявив диктатуру пролетариата, большевики всеми силами препятствовали и не допустили для защиты крестьян создания Крестьянской партии или Крестьянского союза, хотя в России тогда около 90% населения было крестьянами.

Беда деревни после Октябрьской революции 1917 года была в том, что советская власть боролась с сельской общиной. Во время неурожая, пожара, падежа скота или при стихийном бедствии община выделяла бедной семье хлеб из хлебного магазина и помогала крестьянину работой и другими способами. После революции все общинные связи были нарушены, крестьянин мог надеяться только сам на себя и свою семью.

Формально сохранялась форма местного самоуправления – сходы, на которых допускались все члены крестьянского двора, в том числе и женщины. Женщины-активистки собирались на сход, как на праздник. Вместо повседневных рабочих фуфаек они надевали плюшевые черные жакетки, головы повязывали серыми или коричневыми

шерстяными полушалками. Но сходы были далеки от праздничного состояния.

Формальность заключалась в том, что сход хотя и признавался высшим органом деревенского самоуправления, но на деле не имел права решать основные вопросы жизни деревни. Все права перешли в руки органов советской власти. Земельные переделы и земельные споры полностью решали созданные волостные и уездные земельные комиссии. Выдел из общины на хутора мог проводиться без всякого решения схода, обязательного в деревне до революции 1917 года.

Повсюду после революции происходило перераспределение земельных участков, *мерой распределения был едок*. По числу едоков делились пахотные земли, сенокосы обычно делили по количеству имевшегося в хозяйстве скота. Перераспределением земельных участков летом и осенью 1918 года занимались созданные советской властью комитеты бедноты (комбеды). Само существование комбедов было тесно связано с вооруженными продотрядами, на которые они опирались. После ликвидации комбедов в ноябре 1918 года перераспределением земли стали заниматься волостные советы.

В деревнях из-за передела земли мужики не только спорили и ругались, а дрались кулаками и кольями, пускали в ход вилы, топоры и ножи. Жадность из-за земли одолевала их во время разделов на деревенских сходах. Одни кричали, чтобы бабам и девкам земли не давать, солдаткам тоже не давать. Другие говорили, что на сыновей давать, а на дочерей – нет. Иногда делили землю не по едокам, а по числу мужчин в семье. Получалось, что у одного в семье семь едоков, а ему давали три надела, у другого – пять едоков, ему давали четыре надела, а солдатке с шестью едоками всего один надел за мужа-солдата.

Малограмотные представители советской власти зачастую ссылались на дореволюционные законы и обычаи, когда женщину не признавали душой, и ей земли не полагалось. Бабы и некоторые обиженные мужики в жарких спорах и жалобах в вышестоящие инстанции доказывали, что землю полагается делить по числу едоков, а не по числу работников в семье, при этом не разделять сыновей и дочерей, давать землю на всех.

При делении участков земли во время переделов нередко использовали жребий, когда каждый участок был пронумерован, а домохозяева вытаскивали номер. Хотя этот дележ казался справедливым, но часто получалось, что лодырю доставался ухоженный, унавоженный

участок, а трудолюбивому крестьянину – участок лентяя, поросший бурьяном.

В деревнях говорили: *«Иван всю жизнь трудился на своей ниве, а Василий вечно был пьян. Потом комиссары прислали Декрет о земле, Васька стал председателем комитета бедноты, отобрал у Ивана его отруб, и тот стал нищим».*

Действие комбедов привело к «двоевластию» с местными советами, поэтому к концу 1918 года они были распущены, многие их члены вошли в новые составы советов после проведения переВыборов.

В декрете Совнаркома РСФСР от 30 апреля 1920 года отмечалось, что производящиеся частые и бесхозяйственные переделы земли сопровождались понижением производительности сельского хозяйства. Поручалось в дальнейшем проводить переделы пахотной земли в сельских обществах только с разрешения местных земельных органов.

Частичные переделы пахотных земель могли быть разрешены волостными земельными комитетами:

- при предоставлении участков вновь организуемым хозяйствам;
- при отобрании излишков земли у отдельных землепользователей;
- в случае уклонения пользователя от улучшения и использования своего участка [31].

3 января 1921 года Совнарком РСФСР принял декрет «О реквизициях и конфискациях». Конфискации подлежали все хранящиеся у частных лиц без разрешения советской власти:

- платиновые, золотые и серебряные монеты, независимо от их количества;
- золото, серебро, платина и металлы платиновой группы – осмий, иридий, рутений и другие, в слитках и сыром виде, независимо от их количества;
- процентные бумаги, кроме тех, которым советской властью было присвоено обращение наравне с денежными знаками;
- бриллианты, алмазы и другие драгоценные камни, если они превышали 3 карата на одно лицо, а также жемчуг, превышающий 5 золотников на одно лицо.

В случае обнаружения у частных лиц значительных денежных сумм, внушающих подозрение в приобретении их спекулятивным путем, таковые подлежали принудительному внесению на текущий счет владельца в государственную кассу впредь до разрешения народным судом вопроса об их происхождении.

Народному комиссариату здравоохранения предоставлялось право реквизиции и конфискации предметов и имущества, необходимых для удовлетворения нужд, связанных с охраной народного хозяйства.

Народному комиссариату просвещения предоставлялось право реквизиции и конфискации следующего имущества:

- предметов старины или искусства, вывозимых за границу без разрешения, а равно брошенных владельцем;
- научных музеев, коллекций, лабораторий, библиотек, наглядных пособий, учебных книг;
- макетов, костюмов, декораций театральных постановок, представляющих художественно-историческое значение;
- музыкальных инструментов и принадлежностей к ним;
- предметов религиозного культа, имеющих историческое или художественное значение [32].

На основании отдельных декретов советской власти у населения также изымались мешки, мешочная ткань и шинели.

30 октября 1922 года был принят и введен в действие в декабре того же года Земельный кодекс РСФСР. *Он законодательно закрепил отмену права частной собственности на недра, воды и леса в пределах РСФСР. Земля перешла в собственность государства, она оставалась в пользовании крестьян в пределах имевшейся площади усадьбы и полевого надела.* Сдача крестьянином участка земли в аренду разрешалась на срок не более одного севооборота, или на три года при трехпольном севообороте и четыре года при четырехполье.

Всем гражданам РСФСР, желающим обрабатывать землю своим трудом, было предоставлено право бессрочного пользования землей. В случае временного ослабления крестьянского хозяйства допускалась трудовая аренда земли, когда ее обрабатывал сам арендатор. Применение наемного труда допускалось в том случае, когда трудовое крестьянское хозяйство не могло своевременно самостоятельно выполнить сельхозработы при условии непосредственного труда самого нанятого.

В декрете ВЦИК от 15 ноября 1922 года «Об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений» подчеркивалось, что выселенные из имений помещики навсегда утратили какие-либо права на свои имения, и всякое домогательство их о восстановлении права на эти имения полностью или частично, подлежит решительному отклонению. Этим же декретом воспрещалось отби-

рать у бывших помещиков земельные наделы, предоставленные им советской властью в трудовое пользование.

Органы советской власти вновь стали искать, у кого и чем можно было поживиться, издав новый декрет о конфискации земель и имущества у оставшихся помещиков и зажиточных крестьян, а самих их выселить. Бывшие помещики, оставшиеся в своих имениях, были переведены в статус крестьян, таковых к 1925 году оставалось в пределах 10% от дореволюционной численности, они были, прежде всего, из числа мелкопоместных помещиков. Уже само происхождение их ставило в ряд «лишенцев», не имеющих политических прав и гарантий.

31 мая 1924 года Наркомат земледелия направил в губернии циркуляр «О предоставлении сведений о бывших частных землевладельцах (помещиках), оставленных в прежних их имениях». В циркуляре отмечалось, что оставление бывших помещиков в прежних имениях в 1918 году допускалось в виде исключения. Мера эта не могла и не должна была иметь сколько-нибудь широкого распространения. С опубликованием Земельного кодекса, – указывали в циркуляре, – всякого рода исключения в земельном пользовании потеряли свою силу.

Наркомат земледелия потребовал из всех губерний предоставить сведения о бывших помещиках, оставленных в прежних имениях, а также о бывших землевладельцах, которым земли были отведены вне пределов их губерний.

В ноябре 1924 года нарком земледелия РСФСР, уроженец деревни Никола Васильевской волости Тверского уезда Тверской губернии, Александр Петрович Смирнов направил в свои низовые структуры приказ, в котором требовал ускорить работы по выселению бывших помещиков, чтобы они были закончены с уборкой урожая 1925 года, при проведении этих работ:

1. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, пользующихся землей в бывших своих имениях единолично или в составе артелей, и не оформивших своих прав, выселить в административном порядке.
2. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, всеми правдами и неправдами оформивших свое право на землю, выселить из их бывших имений, используя для этого все имеющиеся в вашем распоряжении средства.
3. Выселение не должно влечь никаких расходов и возмещений со стороны правительства.

4. Выселяемые в этом порядке земледельцы-кулаки могут быть вновь наделены землей лишь за пределами своих губерний.

20 марта 1925 года было опубликовано постановление Президиума ЦИК и Совнаркома СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». На его основании у помещиков из дворян конфисковали все имущество, за исключением урожая, а они сами выселялись за пределы губерний. Советская власть обосновала это выселение «непримиримо-враждебным отношением» к ней со стороны бывших помещиков.

До издания этого постановления о выселении бывших помещиков их надлежащего учета со стороны представителей советской власти в Тверской губернии не было.

* * *

Во исполнение постановления Президиума ЦИК и Совнаркома СССР от 20 марта 1925 года, на основании протокола уездной рабоче-крестьянской инспекции от 12 августа 1925 года с территории Бежецкого уезда Тверской губернии было выселено шесть семей бывших дворян и одна крестьянская семья. Среди них:

- семья крестьянки деревни Бережки Бежецкой волости Боткиной Татьяны Николаевны, к моменту выселения земли не имела. Я не исключаю, что Т.Н. Боткина приходилась родственницей промышленника В.П. Боткина, имевшего до революции в Бежецке крупнообдирный завод;
- семья дворянки Куторга Елены Александровны из деревни Загранье Молоковской волости, до революции имела 150 десятин земли;
- семья дворян Мартяновых из деревни Илково Краснохолмской волости, до революции имели 81 десятину земли;
- семья дворянки Бестужевой-Рюминой из сельца Бестужевское Максатихинской волости, до революции имели 600 десятин земли;
- семья дворян Гагман с хутора Крутой Краснохолмской волости, до революции имели 156 десятин земли;
- семья дочери чиновника дворянки Мальковской из села Рыбинское Максатихинской волости, до революции имели 300 де-

сятин земли. Эти две семьи были выселены по решению Тверской губернской рабоче-крестьянской инспекции от 26 октября 1925 года.

По Бежецкому уезду были оставлены проживать в своих бывших имениях 14 семей, из них 12 крестьянских семей и 2 мещанские семьи. Среди семей, оставленных проживать в своих домах, была семья П.Н. Серова из деревни Панцино Бежецкой волости [33].

14 января 1928 года заведующий Тверской губернской рабоче-крестьянской инспекцией Беликов сообщал своему руководству, что с 1925 года по Тверской губернии было намечено выселить 155 семей бывших помещиков. Из них оставлено на местах 25 семей, выселено 130 помещичьих семей, о месте их проживания сведений не имеется. У этих 130 семей бывших помещиков отобрано 3,1 тысячи гектаров земли, построек и имущества на сумму 141,1 тысячи рублей, сельскохозяйственного инвентаря и машин на 9,2 тысячи рублей, скота на 7,3 тысячи рублей.

Из отобранной земли 45% передано в трудовое пользование, 25% – в арендное пользование, прежде всего, крестьянским комитетам общественной взаимопомощи. Половина строений ликвидированы или подлежат ликвидации, 25% строений эксплуатируется, как государственное земельное имущество. Половина инвентаря и скот были переданы в действующие коммуны и другие кооперативные хозяйства, другая половина инвентаря была ликвидирована путем продажи. Не было никаких сведений еще о 33 помещичьих семьях на территории Тверской губернии [34].

Сведения об изъятом имуществе очень далеки от реальности, к тому времени имения были разграблены, многие постройки растащены, никто не учитывал этот скрытый передел имущества помещичьих хозяйств, много чего попало в руки тех, кто осуществлял сам передел бывшего помещичьего имущества.

Глава II

Тверская деревня в годы НЭПа

Положение тверской деревни в 1922–1923 годах

*Недовольство крестьян
отмечается повсеместно.
Из донесений ОГПУ*

На заседании Тверского губисполкома был заслушан доклад Тверской губернской прокуратуры за период с августа 1922-го по октябрь 1923 года. В докладе указывалось, что при населении 2 109 860 человек в Тверской губернии имелось 5,6 млн десятин пахотной земли. Крестьянское население составляло 1 972 499 человек, оно проживало в 366 622 крестьянских дворах.

Трудоспособных крестьян насчитывалось 987 719 человек, на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем по 5,4 едока и по 2,7 трудоспособных работника.

Общая площадь крестьянских наделов после Октябрьской революции 1917 года по Тверской губернии увеличилась с 49,7 до 63,3% к общей земельной пахотной площади. До революции средняя норма обеспеченности крестьянского двора землей всех видов культурных угодий составляла 9,5 десятины, в 1923 году – 8 десятин земли. В том числе усадьба составляла 0,33 десятины, пашня 3,7 десятины, сенокос – 4 десятины. Причины понижения надела объяснялись возвращением из городов в деревню крестьян и, в связи с этим, разделами крестьянских дворов на ряд самостоятельных хозяйств.

В годы Гражданской войны и после нее в деревню из городов хлынули потоки населения. Вернулось много отходников, годами постоянно проживавших в городах, так как там не стало работы, было голодно, а в деревне в это время проводились переделы земли. Возможность получить наделы за счет раздела своего хозяйства и за счет отобранных помещичьих, церковных и монастырских земель приводила к распаду больших семей. Вернувшиеся крестьяне и молодые семьи требовали от родителей и родственников раздела, поэтому зе-

мельные наделы мельчали, на каждое хозяйство стало приходиться меньше скота и сельскохозяйственного инвентаря.

После законодательного разрешения Земельным кодексом пользования различными формами земельных участков вновь начался отход крестьян на хутора и отруба. Отруб, в отличие от хутора, выделялся из общинной пахотной земли для передачи в личное пользование крестьянина без переноса его усадьбы из деревни.

К 1922 году общие переделы земли по Тверской губернии произошли в 40,5% селений, уравнивание наделов без общего передела коснулось почти всех селений области. В 1923 году отвод земли землеустроителями по отрубам и хуторам по губернии составил 35% от общего числа отрубных и хуторных хозяйств. Одновременно отвод земли колхозам, артелям, товариществам и коммунаам за два года землеустроители провели всего лишь в пределах 1% от необходимого им отвода земли. В 1923 году было сдано земли в аренду, согласно регистрации, 42,5 тысячи десятин по всей губернии.

К тому времени в Тверской губернии было образовано 163 коллективных хозяйства, из них 52 колхоза и 111 артелей. Все они были экономически слабы, малочисленны и неактивны, в них наблюдалась низкая производительность труда, отсутствие оборотных средств и кредита, недостаточная внутренняя спайка и низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. Хотя им было передано 52 бывших помещичьих имения, 73 тысячи пудов семян, кредит и небольшое количество хлебных запасов.

Число крестьянских хозяйств увеличилось на 90 162 двора в сравнении с 1913 годом, когда их по губернии было 276 460 единиц, за счет сокращения отхожих промыслов и прилива рабочей силы из городов обратно в деревню. В 1913 году на каждое хозяйство приходилось в среднем 1,02 лошади, в 1922 году – 0,89 лошади, число безлошадных крестьянских хозяйств по губернии увеличилось за этот период с 9,8 до 23,3%.

Основными причинами безлошадности явились многочисленные разделы крестьянских хозяйств в связи с возвращением их членов из городов. При разделе семья не могла выделить новым хозяйствам лошадь или корову. Другой причиной безлошадности была война и мобилизация лошадей на фронт во время Гражданской войны, а также значительная заболеваемость и падеж скота. Ощущалась нехватка специалистов, один ветврач работал на территории 500 квадратных верст, один агроном приходился на 300 селений.

Крестьяне тяготели к хуторской системе ведения хозяйства, постепенно превращаясь в кулаков новой формации. На хуторах, вдали от посторонних глаз, происходило спаивание самогоном представителей советской власти – отмечалось в докладе Тверской губернской прокуратуры.

В 1922 году число хозяйств с отхожими промыслами уменьшилось в сравнении с 1913 годом с 77,2 до 15,2%.

Общий размер натурального продовольственного налога по Тверской губернии на 1923 год составил:

- ржи – 15,5 млн пудов;
- овса – 9,65 млн пудов;
- ячменя – 3 млн пудов;
- семян льноволокна – 1,7 млн пудов;
- картофеля 24,8 млн пудов;
- сена – 98,9 млн пудов.

На 31 октября 1923 года из общего задания по налогу сдано всего 1,9 млн пудов ржи, или 12,3% к заданию, из которых натурой поступило 24 тыс. пудов, хлебным займом – 1,8 млн пудов, остальное – деньгами.

Какой-либо учет кустарной промышленности, в том числе – количество артелей, число работающих в них, доход артелей и по другим показателям в Тверской губернии в 1922–1923 гг. не велся. Безработица в сельских уездах, в отличие от городов, наблюдалась в незначительном числе, а в деревне ее вообще не было. На 1 января 1923 г. безработица в городе Твери составляла 50,8%, в Бежецком уезде – 3%, Краснохолмском – 2%, Весьегонском – 0,7% от общего числа трудоспособного населения.

Тверская губерния в 1922–1923 годах испытывала недостаток хлеба, так как своим хлебом она прокормиться не могла. До революции 1917 года ввоз хлеба в губернию составлял 4,5 млн пудов в год, а в 1922 году его завезли всего 806 тысяч пудов, или 17,9% от необходимого ввоза. В то же время крестьяне в 1923 году значительно сократили посевы озимой ржи, овса и ячменя. Тверской губернский комитет продовольствия и уездные комитеты в 1923 году были ликвидированы.

Недовольство крестьян Тверской губернии вызывало общереспубликанское зло – несоответствие цен на продукты сельского хозяйства и промышленности. Стоимость товаров в феврале 1923 года резко возросла, индекс на продукты сельского хозяйства вырос в 70 раз, а на промышленные товары первой необходимости – в 169 раз.

Основной набор сельскохозяйственных продуктов в октябре 1922 года на рынке стоил 73 руб. 55 коп., а в сентябре 1923 года – 2724 рубля, или в 37 раз больше. Набор наиболее ходовых промышленных товаров в сентябре 1923 года стоил в 107 раз больше, чем в 1922 году. Цены на промышленные товары были повышены в 3 раза больше, чем сельскохозяйственные товары. При этом в сентябре 1923 года продукты сельского хозяйства стоили на 44% меньше, чем до войны, а промышленные товары стали дороже довоенных более чем на 100%, и ни о какой «смычке» города с деревней говорить не приходилось [35].

В 1923–1924 году *единый сельхозналог вместе с госпромналогом* в Тверской губернии собирался из расчета по 2 руб. 76 коп. с каждого едока. На 1924–1925 годы по этим двум видам налога предусматривалось собирать по 2 руб. 83 коп. с каждого едока.

Кроме единого сельскохозяйственного налога и госпромналога крестьяне в те годы платили следующие виды местных сборов и платежей:

1. За земельные участки.
2. Налог с лошадей и экипажей.
3. Налог за право застройки земельного участка.
4. Налог со скота.
5. Налог со строений.
6. Налог за пользование прислужгой.
7. Разовый сбор на базарах.
8. Сбор за санитарный осмотр продукта на базаре.
9. Волостной сбор.

Общая сумма всех местных налогов и сборов за 1923–1924 бюджетный год составила по 58,6 копейки с каждого едока, а вместе с единым сельхозналогом крестьяне платили по 3 рубля 42 копейки с едока [36].

* * *

14 декабря 2017 года ФСБ России провела презентацию десяти-томного сборника «Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 годы)». Издание, подготовленное архивистами ФСБ, знакомит с документами, ранее находившимися под грифом «Совершенно секретно». О ситуации в стране ее руководству регулярно докладывало Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ),

отдельно сообщалось о настроениях среди рабочих, крестьян, красноармейцев, духовенства, интеллигенции, а также давалась информация по конкретным территориям.

Из этих сводок я выбрал информацию, которая относилась к ситуации в Тверской губернии за разные годы НЭПа. Привожу выдержки из справок о ситуации в Тверской губернии во время проведения новой экономической политики. ОГПУ было преобразовано из Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в 1922 году.

1922 год. В сводке ОГПУ за март 1922 года сообщалось, что настроение крестьян Тверской губернии неудовлетворительное вследствие *принудительного сбора продналога, проведения трудгужналога и самообложения в пользу голодающих*. Пассивное недовольство крестьян, вызванное принудительным сбором продналога и голодом, отмечается повсеместно. К этому примешивалось недовольство, вызываемое недостатком семян для посева и опасением за проведение посевной кампании. Но, несмотря на повсеместный недостаток семян, сельхозинвентаря и рабочего скота, подготовка к весенней кампании по Тверской губернии в марте развернулась в полном объеме.

23 февраля ВЦИК принял постановление «Об изъятии церковных ценностей в фонд помощи голодающим», по которому изымались все церковные драгоценные предметы из золота, серебра и камней. Патриарх Тихон призвал священников и всех верующих препятствовать изъятию ценностей. Поэтому с 10–15 марта в жизнь деревни ворвался новый фактор остро-политического характера – кампания по изъятию церковных ценностей. До послания патриарха духовенству о противодействии сдаче церковных ценностей эта кампания шла спокойно. Но с 15 марта она перешла с подготовительной стадии, связанной с учетом ценностей и агитацией, к активной оперативной стадии, а именно – изъятию церковных ценностей. В связи с этим и под влиянием усиления сопротивления духовенства положение в деревне резко ухудшилось. Крестьяне доходили до категорических отказов от выполнения распоряжений представителей советской власти, до самосудов и оказания вооруженного сопротивления действиям власти.

Декрет ВЦИК о прекращении принудительного сбора продналога вследствие проведения кампании по изъятию церковных ценностей в деревне прошел совершенно незаметно.

В апреле настроение крестьян Тверской губернии отмечалось как неудовлетворительное вследствие *принудительного сбора проднало-*

га на масло и яйца. В Вышневолоцком уезде отношение крестьян к партии коммунистов и советской власти отрицательное. Отношение духовенства к изъятию церковных ценностей всюду враждебное.

В мае-июне 1922 года крестьяне, утомленные и издерганные войной, эпидемиями, продналогом, неурожаем, все свое внимание уделили восстановлению своих личных хозяйств. Одной из главных причин крестьянских недовольств являлось проведение в самый разгар посевной страды трудгужналога при условии почти повсеместной безлошадности. Он являлся крайне тяжелым, а порою вовсе невыполнимым бременем для крестьян.

Другой причиной недовольства являлось усиленно проводимый сбор продналога на масло и яйца. Особенно сильное возмущение он вызвал в районах, не объявленных официально голодающими, население которых несло на себе все тяжести хлебного налога, не получая никакой поддержки ни советских, ни иностранных органов.

Третьей причиной недовольства крестьян являлся сбор местных денежных налогов и поборов. Во многих районах обнищавшее крестьянство для уплаты их было вынуждено продавать последнее имущество и скот.

В мае-июне тверская деревня была занята полевыми работами, страда в полном разгаре, ни о чем другом крестьянин не думал, ничем другим не занимался. Поэтому окончание кампании по изъятию церковных ценностей прошло при полном равнодушии крестьян. Отмечалось их стремление к увеличению площадей для озимых посевов. Отношение к кооперации довольно безразличное вследствие отсутствия у крестьян товаров для обмена.

В июле 1922 года в связи с общим обеднением крестьянства наблюдались кабальные сделки бедноты и некоторых середняков с зажиточными крестьянами, распродажа за бесценок имущества и продажа хлеба на корню.

Центральным вопросом *в сентябре*, который больше всего волновал крестьян, был сбор продналога. Все жалобы и недовольства были направлены на уменьшение ставки налога. Советская власть предлагала сдавать продналог до 1 октября, чтобы воспользоваться 10% скидкой.

В октябре-ноябре недовольство крестьян усилилось из-за *принудительного* сбора продналога до окончания срока. Кроме того, крестьянство было недовольно множеством видов налога: продналог, денежный налог, трудгужналог, мельничный и другие налоги. Отмечалось, что в

Бежецком уезде Тверской губернии отмечались массовые избиения крестьян членами продотрядов. В этом уезде был случай изгнания крестьянами продотряда из деревни (название деревни не указано. – А.Г.). В целом по губернии отмечалось стремление крестьян расширять посевные площади и выделение крестьян из деревень на хутора.

В стране прошла предвыборная кампания, во время которой в вол-исполкомы и сельсоветы были выбраны большинство беспартийных бедняков и коммунистов. Власть объясняла этот факт в большей мере влиянием на настроения крестьян вернувшихся демобилизованных красноармейцев.

В сводке ОГПУ *от 8 ноября 1922 года* указывалось, что среди крестьянства Тверской губернии наблюдалось недовольство в связи с чрезмерностью налоговых ставок. Для прокормления своей семьи беднейшее крестьянство губернии вынуждено покупать хлеб на вольном рынке. Нередко списки налогоплательщиков были перепутаны, вследствие чего с крестьян взималось значительно больше налогов, чем причиталось.

В целом продналоговая кампания по губернии проходила неудовлетворительно вследствие бездеятельности местных продорганов. Работа агитпунктов, библиотек, читален, народных домов и клубов крайне слаба, работники политпросвета в течение года не получали ни жалованья, ни пайков.

В сводках *за 11, 18 и 22 ноября* сообщалось, что настроение крестьян Тверской губернии неудовлетворительное из-за недорода и проведения продналоговой кампании. Вследствие обременительного налога крестьяне не в состоянии восстановить свои хозяйства, во многих местах крестьяне вынуждены продавать скот. Продналога по губернии собрано 85% к заданию, он сдается большей частью под давлением властей. За неуплату продналога по Тверской губернии отдано под суд 1085 человек, наложено административных взысканий на 232 человека, за неуплату масляного налога – еще 85 человек.

Состояние посевов в губернии плохое, среди крестьян распространялись слухи, что с 1923 года будет введена карточная система, ликвидирован вольный рынок, и что весь хлеб, поступивший по продналогу, будет вывезен за границу [37].

В декабре 1922 года произошло важнейшее событие мирового значения – образование Союза советских социалистических республик (СССР).

1923 год. В сводке ОГПУ от 13 января указывалось, что в сельсоветах Тверской губернии 4% коммунистов, в волисполкомах – до 50% коммунистов. В Новоторжском уезде сильно развито пьянство, борьба с самогонщиками велась слабо. Волостная милиция, вследствие ее материальной необеспеченности, почти бездействовала.

10 марта сообщалось, что в Ржевском уезде прошла беспартийная конференция, на ней крестьяне просили заменить все продовольственные налоги каким-нибудь одним налогом. На конференции был выдвинут вопрос о борьбе с самогоном, но крестьяне высказались за его изготовление. Они заявили, что дорогие вина и латвийский спирт им недоступны, поэтому они и в дальнейшем будут изготавливать самогон для своего употребления.

Во время весеннего сева 1923 года наблюдался значительный недостаток посевного материала. Из-за нехватки сельхозинвентаря местами приходилось возделывать пашню старыми сохами и даже мотыгами.

Материальная необеспеченность работников сельсоветов приводила к уклонению бедняков от работы в советах, предоставляя возможность вести там дела зажиточным крестьянам.

Роль кооперации в тверской деревне ничтожна и у крестьянства она не популярна. Кооперация не в состоянии вести в деревне конкуренцию с частной торговлей.

Ко всем налогам дополнялись облигации хлебных займов. Первый хлебный заем на сумму стоимости 10 млн пудов ржи советскими знаками был выпущен в 1922 году. Его погашение проводилось рожью, пшеницей и мукой по установленным эквивалентам. Облигации хлебного займа принимались в счет уплаты продналога. Второй хлебный заем был выпущен в 1923 году, сначала на сумму стоимости 30 млн пудов ржи, но в скором времени сумму увеличили до стоимости 100 млн пудов ржи.

К осени 1923 года многочисленные продовольственные налоги были заменены единым сельхозналогом, но он оказался чрезмерно высоким для крестьян. К тому же образовались своего рода «ножницы» между ценами на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары. Для приобретения, например, отреза ситца на 3 рубахи нужно было продать корову или продать хлеба в 3 раза больше, чем до Гражданской войны [38].

Тверская деревня в сводках ОГПУ (1924–1927 годы)

*Недовольство крестьян
вызвано нажимом по сбору
единого сельхозналога.*

Из донесений ОГПУ

1924 год. На XIII съезде РКП(б), прошедшем в мае 1924 года, были приняты резолюции «О работе в деревне», «О культурной работе в деревне» и «О работе среди работниц и крестьянок». Говорилось, что политика НЭПа в основном оправдала себя целиком, результаты, уже достигнутые, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои населения. Наряду с этим растет беднота – происходит расслоение деревни. Своеобразие происходящего в деревне расслоения заключается в том, что основным элементом его до настоящего времени является не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средства эксплуатации маломощных элементов.

Партийным комитетам было поручено содействовать в выдвижении маломощных крестьян на общедеревенские советские посты. Вовлекать в партию наиболее сознательных крестьянок, в том числе жен бедняков, батраков и лучшей части середняков. Активнее вовлекать комсомол в повышение культуры и грамотности крестьян [39].

В сводках ОГПУ говорилось, что *начало года* выразилось недовольством крестьян, вызванным нажимом власти по сбору единого сельхозналога. Его взимание во многих местах Тверской губернии, как и по всей стране, привело к продовольственному кризису в деревне, которая могла выживать лишь за счет продажи скота для покупки семян, ухода в батрачество или сдачи пашни в аренду.

Обложение налогом скота привело к его массовому сбыту и понижению цен на него, корова на рынке стоила 25–30 рублей, лошадь – 40–50 рублей. Распродавала скот в основном беднота, которая на вырученные деньги могла выплатить единый сельхозналог. Покупали скот частники, кооперация на рынок не влияла из-за отсутствия денежных средств.

После уборки урожая 1924 года широкий размах в Тверской губернии получило самогонварение, самогонка играла своего рода роль валюты при расчетах за работы. Положение в деревне усугубилось де-

нежными сборами и надбавками в местные бюджеты. По Тверской губернии эти дополнительные сборы составляли до 45% сельхозналога.

Репрессии против неплательщиков налога нередко принимали уродливую форму. Так, Сандовский волисполком Весьегонского уезда Тверской губернии отказывал крестьянам в выдаче документов на проезд в город до уплаты налогов.

Председатель Лукинского волисполкома Весьегонского уезда Суворов, получивший от президиума уездного исполкома выговор за медленное поступление налога, желая наверстать упущенное, 2 ноября 1924 года сформировал демонстративный отряд. В его состав вошли все представители райсовета волости, председатель волостного комитета взаимопомощи Сахаров, члены волисполкома Беляков и Нечаев. Руководил этим отрядом из 12 человек уполномоченный Весьегонской уездной финтройки Лойзан.

Отряд прибыл в деревню Новинки Никольской волости, у крестьянина Евгеньева Павла взломали дверь в амбар и взяли 2 сундука. В той же деревне у Елисеева Петра за неуплату им денег за аренду отобрали лошадь и разъезжали на ней в течение 5 дней по району. У многих граждан волости отряд отобрал вещи в счет погашения налога. На сходе граждан села Измайловского начальник отряда Лойзан выражался площадной бранью. В результате действий этого отряда население волости было возбуждено, участие в отряде председателей сельсоветов прекратило их работу по волости в течение 5 дней. Отряд был расформирован 7 ноября по предложению Весьегонской уездной финтройки.

Политическое состояние тверской деревни ярко проявилось во время прошедших в декабре 1924 года перевыборов в советы. Местами на избирательные собрания явилось всего 5–10% избирателей. Сотрудники ОГПУ в своих сообщениях объясняли этот факт тем, что перевыборы совпали с очередным нажимом по сбору единого сельхозналога. Другой причиной явились заранее подготовленные избиркомами списки кандидатов в волисполкомы и сельсоветы. Крестьяне говорили: «Нам нечего выбирать, коммунисты без нас уже выбрали», «пусть власть просто назначает советы» [40].

К 1925 году в Тверской губернии, как и по всей стране, произошел рост сельскохозяйственной продукции, ее производство достигло уровня 1913 года. В результате проведения денежной реформы с 1924 года наступила финансовая стабилизация, расширились ры-

ночные денежные отношения, поднялся уровень внешней торговли, прорвав экономическую блокаду со стороны зарубежных стран, организованную после Октябрьской революции. В связи с восстановлением, в определенной мере, частной собственности оживилось мелкое кустарно-промышленное производство.

1925 год. В этот год начинает ярко проявляться отрицательное отношение крестьян к городу, для которого советская власть создавала более благоприятные условия, чем деревне. Общее требование крестьян Тверской губернии, как в целом по стране, – снижение ставок прибывшим в деревню городским советским работникам, обеспечение деревни промышленными товарами и снижение цен на них.

Выступая на собраниях, беспартийных конференциях, крестьяне заявляли: «Власть с крестьянством обращается зверски», «Советская власть все разрушает, а восстановить не может». Ими заявлялось, что если компартия не переменит политику к крестьянству, то молодое поколение заменит партию более дешевыми беспартийными работниками: «Советская власть – ярмо на шее крестьян».

В Тверской губернии, как еще в 37 губерниях, ярко проявлялась тенденция к созданию крестьянских союзов, как организаций, независимых от ВКП(б), представляющей, по мнению крестьян, лишь один рабочий класс. Во время съезда волостных советов один делегат, сын торговца (фамилия в справке не указана. – А.Г.), распространил наказ среди делегатов. В нем требовалось снижение единого сельхозналога, организации крестьянских союзов, снижение расценок на промышленные товары и повышение их на сельхозпродукты.

Советская власть активно выступала против создания любых крестьянских союзов, полагая, что это будет их собственная политическая организация. Объединившись вокруг зажиточных крестьян, эта организация может поставить своей целью захват власти. К 1925 году идея создания крестьянских союзов обсуждалась в 38 губерниях, но советская власть всеми силами не допускала объединения крестьян.

В марте 1925 года прошли вторичные перевыборы в советы, повсеместно в Тверской губернии велась интенсивная агитация против выбора в советы коммунистов. Основной тон выступлений крестьян: «Довольно коммунистам властвовать. Нам нужен свой совет из беспартийных, который бы знал крестьянские нужды». «Выбирать следует своих, а не варягов-коммунистов, которые только воруют и грабят народ».

Несмотря на некоторые противоречия в самой деревне, зажиточным крестьянам удалось объединить крестьян против политики советской власти. Хотя зажиточные крестьяне своевременно сдавали все 100% налога, посылали сыновей служить в Красную Армию, их дети нередко состояли в комсомоле, представители советской власти на местах, записав крепких хозяев в кулаки, объявили их своими врагами.

Но понимая силу крестьянства, его многочисленность, в 1925 году советская власть вынуждена была выдвинуть лозунг: «Лицом к деревне». Крестьяне связали этот лозунг с проведением вторичных перевыборов в советы, и относились недоверчиво к его прочности. Зажиточные крестьяне толковали этот лозунг как отстранение от руководства деревней коммунистов и бедноты. Они заявляли: «Это вам не военный коммунизм, теперь наша власть».

Беднота толковала поворот советской власти «лицом к деревне» как возвращение к старому. Она начала постепенно отходить от власти, от коммунистов и прислушиваться к мнению и влиянию зажиточных крестьян и середняков. Средняки относились к лозунгу «лицом к деревне» положительно, во многих местах Тверской губернии они блокировались с зажиточными крестьянами на выборах, чтобы не допустить в советы коммунистов и бедноту. На деревенских сходах в губернии нередко высказывалось сомнение в повороте советской власти к деревне: «Даже сомнительно в действительной правдивости лозунга, так как мы часто видим на деле, что к нам становятся задом».

В одном из уездов Тверской губернии (уезд не указан. – А.Г.) крестьяне на собрании говорили, что советская власть – власть рабочих России, хотя страна преимущественно крестьянская. Но крестьяне поставлены в худшие условия, и РКП, боясь крестьянского засилья, принимает их в партию с ограничением.

В декабре 1925 года прошли очередные перевыборы в советы, явка избирателей была значительно выше, чем год назад. Например, в 3 волостях Новоторжского уезда Тверской губернии (волости не указаны. – А.Г.) явка избирателей колебалась от 40 до 85%, в 2 волостях Тверского уезда – 70–80%. В других уездах губернии и волостях явка составляла 30–40%. На предвыборных собраниях крестьяне-середняки, обращаясь к коммунистам, заявляли: «Зачем раскалывать деревню на два класса, у нас нет кулаков». «Почему вы нас разъединяете с беднотой, мы все одинаково защищаем советскую власть». «Вы опять стали вводить военный коммунизм и комитеты бедноты» [41].

В своем докладе на XIV съезде уже не РКП(б), а ВКП(б) И.В. Сталин 18 декабря 1925 года заявил: «Сейчас единственно правильным является лозунг прочного союза пролетариата и бедноты со средним крестьянством. В партии возникли два уклона, один в сторону преуменьшения кулацкой опасности, другой – в сторону ее преувеличения. Мы подчиним себе и кулака, и частного капиталиста в городе. Но пока факт остается фактом, что кулак растет, собирает силы, он есть агент капитализма в деревне. Основная задача в деревне состоит в борьбе за завоевание середняка, за отрыв его от кулака, в борьбе за изоляцию кулака путем установления прочного союза с середняком» [42].

1926 год. В марте прошла очередная предвыборная кампания по выборам в советы, явка избирателей по Тверской губернии составляла 40–50%. Упор в деревне власть сделала на середняков, число которых в сельсоветах достигало до 50%. Одновременно в деревне усилилось влияние торговцев, кустарей, мелких промышленников и других прослоек, порожденных НЭПом.

На собраниях во время избирательной кампании крестьяне требовали от власти уравнивания экономических условий жизни, а также в правах, рабочих и крестьян. В одной волости Тверской губернии (название в справке не указано. – А.Г.) на съезде крестьяне спрашивали коммунистов: «Почему крестьянам отказывают при поступлении на фабрики и заводы. Настанет ли время, когда крестьянин будет пользоваться одинаковыми правами с рабочими?». На съезде Молоковской волости Бежецкого уезда один делегат из деревни Господинково (фамилия не указана. – А.Г.) требовал отменить все налоги, заявляя: «Вы, коммунисты, есть пиявки на нашем теле, современная система управления давит нас. Вы на одном собрании в Москве установили цену на рожь 70 коп., на пшеницу 40 коп. за пуд. Вот вы какие, социалисты-доброжелатели крестьян». На предвыборных собраниях также довольно ярко проявилось отрицательное отношение крестьянства к совхозам, коммуна и сельхозартелям.

Переизбранные органы власти в деревне по директивам сверху энергично взялись за сбор единого сельхозналога, применяя *репрессивные* меры. Они описывали у неплательщиков имущество, скот, сельхозинвентарь и продавали их за бесценок, вызывая возмущение крестьян.

Весной и летом 1926 года сильное недовольство в деревне вызвал дополнительный налог на неземледельческие заработки, так как члены

многих семей работали на отхожих промыслах и мелких частных промышленных предприятиях. При этом сбор налога на неземледельческие заработки местами превышал единый сельхозналог в 1,5–1,55 раза. Многие крестьяне Тверской губернии на собраниях говорили: «При новом налоге никто работать на отхожих промыслах не будет». «Этим налогом как будто хотят крестьян совершенно выжить с заработков».

Новый налог, по которому значительная часть бедноты освобождалась от его уплаты, вызвал резко отрицательную реакцию среди зажиточных крестьян и середняков. Они возмущались, что льготы власть дает лодырям, которые бедны только потому, что не хотят работать. Крестьяне рассматривали новый налог как стремление советской власти улучшить положение рабочих и служащих за счет крестьянства: «Рабочие в настоящее время находятся на положении бывших помещиков и живут за счет крестьянства. Для увеличения им зарплаты власть увеличила сельхозналог».

Этот новый налог взимался по совокупности доходов, как от сельхозработ, так и от промысловых заработков. К промысловым заработкам в деревне отнесли доходы от кузниц, крупорушек, мельниц, маслобоен, от сдачи сельхозмашин в аренду, обработки чужой земли своим инвентарем.

Зажиточные крестьяне повсеместно расценивали прогрессивный подоходный налог как стремление советской власти разорить сельское хозяйство. На собраниях они говорили: «На съезде партии говорили, что необходимо поднимать и развивать сельское хозяйство, в то же время власть делает погром на хозяйства, которые стремятся к расширению. С таким обложением мы возвратимся к временам продразверстки». «Последние три года стали улучшать хозяйства, а наступающий налог – это не сельхозналог, а продразверстка 1918–1919 годов». «Советская власть это делает для того, чтобы ликвидировать все мощные хозяйства и сделать всех батраками».

Крестьяне выражали недовольство высокими нормами определения доходности земли, считая, что при определении доходности с десятины в 40 рублей она явно завышена. Они заявляли: «Пусть лучше государство даст нам по 20 рублей с десятины, а весь урожай забирает себе». Новый повышенный налог привел к свертыванию многих хозяйств – продаже скота, сокращению аренды земли, сокращению площадей посевов. Одновременно кустари стали завышать цену за свои изделия, а зажиточные крестьяне – увеличивать плату за экс-

плуатацию своих сельхозмашин и обработку земель бедняков своим инвентарем и рабочей силой.

Если до налога оковка одной пары колес стоила 50 коп., то стала стоить 2 руб. 50 коп., насадка сошника к лемеху выросла с 80 коп. до 3 руб. Одновременно все кустари и зажиточные крестьяне стали скрывать размеры своих заработков, показывая уменьшенную доходность. Крестьяне возмущались: «Расширять хозяйство при современной власти нельзя, придется сеять только для себя». «Сеять на будущий год мы не будем, вот пусть тогда со своих бедняков и берут». Чтобы избежать нового высокого налога, многие зажиточные крестьяне стали дробить свои хозяйства путем разделов между членами семьи.

В связи с новым налогом в Тверской губернии активизировалась агитация за создание Крестьянского союза. На собраниях крестьяне говорили: «Нам, всему крестьянству СССР, нужно создать Крестьянский союз, иначе нас задавят налогами, а когда будет у нас организация, мы сможем со всем этим бороться». За июль 1926 года было зарегистрировано 22 массовых выступления за создание Крестьянского союза.

Счетовод Калашниковского лесничества Вышневолоцкого уезда, агитируя за организацию Крестьянского союза, требовал у представителей власти: «Дайте свободу печати всем партиям и группам всех течений, как это было при Керенском». Делегаты съезда Вышневолоцкого уезда выдвигали программные положения: «Крестьянский союз должен быть официальной организацией, в распоряжение которой государство должно уделять часть средств, собранных по сельхозналогу. Союз должен владеть и управлять всеми земельными угодьями. Сельхозбанки и кооперация должны быть подотчетны союзу. Союз созывает съезды, которые выбирают советы в одинаковой пропорции от каждого селения. Таким образом, крестьянство займет наибольшее число мест в советах».

Одновременно с повышением налога *летом 1926 года* были понижены цены на хлеб, что вызвало новую волну возмущения среди крестьян. Чтобы купить крестьянину одну пару сапог, нужно было продать 30 пудов хлеба, за одну рубаху – 4 пуда, за одни штаны – 5 пудов хлеба. Крестьяне заявляли об организованном невывозе хлеба на рынок, чтобы рабочие пришли в деревню с товарами, а им они в обмен дадут хлеб.

Однако советская власть не реагировала на массовые протесты крестьян против нового повышенного налога и понижения цены на

хлеб. Например, по Ржевскому уезду Тверской губернии, наоборот, норму доходности одной десятины земли увеличили с 43 до 49 рублей. В ответ осенью 1926 года массовый характер приобрело придержание хлеба крестьянами с расчетом на повышение его цены. Они заявляли, что пока цена на хлеб не поднимется, продавать его не будут.

Летом и в начале осени 1926 года была проведена опытная мобилизация в Красную Армию призывников 1904 года рождения. Сам факт мобилизации деревня восприняла благоприятно, что если придется – надо идти воевать. Крестьяне были возмущены лишь тем, что мобилизацию провели не осенью или зимой, а в самый разгар полевых работ.

В ноябре-декабре 1926 года началась работа по подготовке очередных перевыборов советов. В деревне, прежде всего, составляли списки крестьян, лишенных избирательных прав, число которых резко возросло. Применение новой инструкции привело к увеличению лишенцев повсеместно в 2–3 раза в сравнении с предыдущими выборами. Лишались избирательного права зажиточные крестьяне, признанные властью «кулаками», а также *часть середняков, применявших свои сельхозмашины в чужих хозяйствах и нанимавших рабочую силу*. В списки лишенцев попадали члены партии и комсомольцы из семей кулаков, рядовые солдаты бывших белых армий, часть интеллигенции и другие лица, которых признавали чуждыми советской власти элементами [43].

1927 год. В феврале проходили перевыборы в сельсоветы, из-за повышения налогов и понижения цен на хлеб активность избирателей в Тверской губернии, как и по всей стране, несколько снизилась в сравнении с прошедшим годом и составила 48,6%.

В марте проходили перевыборы в волостные советы, в ходе избирательной кампании повсеместно отмечалось недовольство крестьян навязыванием фракцией коммунистов своих кандидатур: «Зачем было тратить средства и собирать людей, когда можно было назначить, и все». «Пора бы не дурманить народ, а прямо сказать: власть наша, а не ваша, кого хотим, того и поставим вам в начальники. Нас, мужиков, не спросят, как и что делать».

В апреле-мае проводилась ударная кампания по ликвидации недоимок по сельхозналогу, она сопровождалась репрессивными мерами. Массовый характер по стране приняли описи имущества налогоплательщиков, продажа описанного имущества с торгов по низким ценам и без ведома его владельцев. По Тверской губернии сильных

крестьянских массовых волнений и недовольств в 1927 году в справках ОГПУ не отмечалось. Не наблюдалось фактов сокрытия и сопротивления крестьян переучету объектов обложения сельхозналогом. Не проявлялось недовольства со стороны крестьян ценами, как на промышленные товары, так и на сельскохозяйственную продукцию.

Был выявлен факт противодействия крестьян землеустройству. 31 октября 1927 года 17 крестьян деревни Тимхово Сандовской волости Весьегонского уезда противодействовали проведению землемерных работ уполномоченным, вызванным группой бедноты. Но каких-либо кулацких группировок, активного сопротивления со стороны крестьян советской власти по Тверской губернии в справках ОГПУ за 1927 год не отмечено [44].

К 1927 году по Тверской губернии средних хозяйств насчитывали 75,3%, мелко-капиталистических хозяйств, названных «кулацкими» – 4,1%, батраков, которых тогда именовали «сельским пролетариатом» – 5%, бедняцких хозяйств, которых называли «сельским полупролетариатом» – 15,6%. Основным источником доходов бедняков являлся наем на работу к зажиточному крестьянину или уход на работу в город.

Из всех батрацких хозяйств 91,2% не имели лошадей, 62,5% не имели коров, 25% не имели никаких сельскохозяйственных орудий производства. Бедняцкие хозяйства, которых не относили к «сельскому пролетариату», имели по Тверской губернии в среднем по 1,12 десятины посевной пашни. Одно бедняцкое хозяйство продало или обменяло за 1926 год продукции в среднем на 36 рублей, тогда как середняк продал и обменял на 159 рублей.

В 1927 году в Тверской губернии представители советской власти пытались провести разграничение между бедняком и середняком. Посчитали, что середняцкое хозяйство имеет одну лошадь, 1–2 коровы, теленка и 1–2 овцы, стоимость которых определили в 220–250 рублей. На полученный доход в 160 рублей середняк, по подсчетам губернских специалистов, мог купить плуг, борону, телегу, сани, три косы, три серпа, веялку и соломорезку [45].

Длительный период времени в годы НЭПа руководителем Тверского губернского комитета партии был *Михаил Семенович Чудов* (05.09.1893–30.10.1937 гг.). М.С. Чудов родился в селе Хонеево Бокаревской волости Бежецкого уезда. В 14 лет уехал в Петербург, работал печатником в типографии. Во время первой мировой войны дезер-

тировал из действующей армии, два года скрывался в Финляндии. После февральской революции в 1917 году перебрался в Петроград, продолжил работать печатником, став комиссаром типографии.

В 1918 году был назначен председателем Бежецкого уездного партбюро РКП(б), с 1919 года – председатель исполкома Бежецкого уездного совета. С августа 1920-го по март 1922 года – председатель исполкома Тверского губернского совета. С марта 1922 года по май 1925 года – ответственный секретарь Тверского губернского комитета РКП(б). После этого был секретарем ВКП(б) на Северном Кавказе, вторым секретарем Ленинградского областного комитета ВКП(б).

В 1936 году М.С. Чудова перевели в Москву председателем Всесоюзного совета промышленной кооперации. Арестован 2 июня 1937 года, расстрелян 30 октября 1937 года, посмертно реабилитирован 17 марта 1956 года.

Жена М.С. Чудова Людмила Кузьминична Зайдейман-Шапошникова (1895–1942 гг.), ведала в Ленинграде парфюмерной промышленностью, затем руководила Ленинградским советом профсоюзов. После переезда с мужем из Ленинграда в Москву работала директором московской кондитерской фабрики «Красный Октябрь». Была арестована вслед за мужем летом 1937 года, как жена врага народа, была приговорена к 8 годам заключения. В 1942 году была вторично приговорена к высшей мере наказания, расстреляна 4 мая 1942 года, посмертно реабилитирована 10 ноября 1956 года.

Вместе с супругами Чудовыми 15 октября 1937 года была арестована их домработница Мария Егоровна Смирнова, 1883 года рождения, из деревни Зелениха Весьегонского уезда Тверской губернии. Была расстреляна 21 октября 1937 года.

В годы НЭПа председателем Тверского губернского исполкома советов с 26 апреля по 5 июля 1922 года, или немногим больше двух месяцев, работал *Андрей Александрович Жданов*. Его преемником с 18 июля 1922 года по 16 января 1925 года был уроженец Кубани *Ян Васильевич Полуян* (09.10.1891–08.10.1937 гг.). После Твери он работал председателем Дальневосточного крайисполкома, в 1931 году переведен начальником энергоуправления Наркомата коммунального хозяйства СССР. Арестован как «враг народа» 26 июля 1937 года, расстрелян 8 октября того же года. Посмертно полностью был реабилитирован 5 ноября 1955 года.

Иван Петрович Носов родился в мае 1888 года в Нижегородской губернии в семье рабочего. На должность ответственного секретаря

Тверского губернского комитета партии был переведен в 1925 году с должности ответственного секретаря Крымского областного комитета ВКП(б). В Севастополе и Крыму И.П. Носов отработал в общей сложности на разных должностях 3,5 года.

В июне 1929 года из Твери он был переведен на должность ответственного секретаря Московского областного комитета ВКП(б). После этого работал первым секретарем Ивановского областного комитета ВКП(б). Арестован как «враг народа» в августе 1937 года, 27 ноября того же года расстрелян. Посмертно полностью реабилитирован и восстановлен в партии в 1955 году.

Годы НЭПа сыграли значительную роль в улучшении жизни деревни. В 1927 году число безлошадных крестьянских хозяйств по Тверской губернии в сравнении с 1923 годом уменьшилось в 1,9 раза, а имевших 2 и более лошадей увеличилось в 2,2 раза. Число бескоровных крестьянских хозяйств по губернии в 1927 году в сравнении с 1923 годом уменьшилось в 2,4 раза, а имевших 3 и более коров за это время увеличилось в 9 раз.

Бежецкий уезд Тверской губернии в годы НЭПа

*Крестьянин должен
несколько поголодать,
чтобы избавиться от голода
фабрики и города.*

В.И. Ленин

Административно-территориальное деление уезда

Перед Октябрьской революцией 1917 года Бежецкий уезд Тверской губернии был поделен на 30 волостей. После революции в течение 1918 года дополнительно образовали еще 19 волостей, общее число их стало 49. В июне 1918 года Могочская и Молоковская волости были переданы из Бежецкого во вновь образованный Краснохолмский уезд. Одновременно был решен вопрос о передаче Застолбской, Никольской и Селищенской волостей в состав Тверского уезда. Таким образом, с конца 1918-го до начала 1922 года в Бежецком уезде насчитывалось 44 волости.

Постановлением НКВД от 2 марта 1922 года Микшинская волость из Бежецкого уезда была передана в состав Тверского уезда. Постановлением Тверского губисполкома от 30 мая 1922 года были упразднены 13 волостей и дополнительно образована Бежецкая волость. В результате этой реорганизации в конце 1922 года в Бежецком уезде оставалась 21 волость.

Постановлением Президиума ВЦИК от 3 марта 1924 года Краснохолмский уезд был упразднен, 11 его волостей, кроме Мартыновской, были включены в состав Бежецкого уезда.

Постановлением президиума ВЦИК от 20 марта 1924 года пять волостей бывшего Краснохолмского уезда и Алешковскую волость Бежецкого уезда объединили в одну Молоковскую волость. Другие шесть волостей бывшего Краснохолмского уезда были объединены в одну Краснохолмскую волость.

Заручьевская волость была укрупнена за счет селений Раевской, Михайловской и Макаровской волостей Вышневолоцкого уезда и Топалковской волости Весьегонского уезда. Рыбинская волость была преобразована в Максатихинскую. В более укрупненных границах были восстановлены ликвидированные в 1922 году Киверичская и Юркинская волости. Укрупнены Бежецкая, Моркиногорская, Поречская, Сулежская и Трестенская волости.

На 1 июня 1922 года в Бежецком уездном исполкоме работали 17 человек, все мужчины, из них 11 коммунистов [46].

В июне 1923 года в деревни Бежецкого уезда были направлены уполномоченные уездного исполкома для изъятия недоимок по продовольственному налогу. Кроме уплаты налога и недоимок по нему крестьянам был навязан хлебный заем, а также выигрышный заем. Тем рабочим и служащим, которые получали жалованье, 10% его выдавали не деньгами, а облигациями займов [47].

Основной задачей Бежецкого уездного исполкома было районирование уезда. Слияние Краснохолмского уезда с Бежецким прошло в марте 1924 года, укрупнение волостей закончили во второй половине апреля. В июле 1924 года окончательно решили вопрос о сельских районах. *Сначала в понятие «сельский район» было включено основное направление деятельности, а позднее под «районом» стали подразумевать территорию отдельного сельсовета.*

По видам деятельности Бежецкую и Сулежскую волости, куда были включены наши карельские деревни, о которых речь пойдет далее,

отнесли к району промышленного льноводства и развития молочно-го хозяйства. Другие волости по видам деятельности распределили следующим образом:

- район лесных промыслов и низовой сельскохозяйственной техники;
- район отхожих промыслов и преобладания зерновых культур в яровом клину;
- район среднеразвитых промыслов и незначительной товарности крестьянского хозяйства [48].

Циркуляром Тверского губисполкома от 15 октября 1927 года в состав Бежецкого уезда были дополнительно включены Кесовская, Койская и Сонковская волости в связи с ликвидацией Кашинского уезда.

В результате всех реорганизаций и укрупнений к 1927 году в Бежецком уезде оставалось 14 волостей:

1. Бежецкая.	8. Молоковская.
2. Заручьевская.	9. Моркиногорская.
3. Кесовская.	10. Поречская.
4. Киверичская.	11. Сонковская.
5. Койская.	12. Сулежская.
6. Краснохолмская.	13. Трестенская.
7. Максатихинская.	14. Юркинская.

Из этих 14 волостей чисто карельскими были Заручьевская и Трестенская волости. Смешанными волостями, где находились русские и карельские деревни, были:

1. Киверичская.	5. Моркиногорская.
2. Краснохолмская.	6. Сонковская.
3. Максатихинская.	7. Сулежская.
4. Молоковская.	8. Юркинская.

Таким образом, в 10 волостях Бежецкого уезда из 14 в годы НЭПа продолжали проживать карелы.

Несколько строк о волостях, относящихся в разные годы советской власти к Бежецкому уезду, вплоть до образования районов в 1929 году. В скобках указаны центры волостей, буквой «к» обозначены карельские волости.

Алабузинская волость (село Алабузино) образована в сентябре 1918 года из селений Новской волости, 12 селений, 5 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Бежецкой волости.

Алешинская волость «к» (дер. Алешино), 35 селений, 19 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Заклинской волости Бежецкого уезда и Ильгощинской волости Тверского уезда.

Алешковская волость (усадьба Орлов Городок), 17 селений, 7 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Молоковской и Поречской волостей. Карельскими были 8 деревень вокруг Карельского Городка.

Антоновская волость (село Антоновское) передана в состав Бежецкого уезда 3 марта 1924 года, 28 марта 1924 года ликвидирована, селения перешли в состав Молоковской волости.

Бежецкая волость (г. Бежецк) образована 30 мая 1922 года, к 1925 году в составе волости было 20 сельсоветов. В 1924 году в нее вошли 6 карельских деревень Карело-Кошевского прихода.

Беляницкая волость (село Беляницы), 33 селения, 13 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Бежецкой и Юркинской волостей. Карельские деревни – Осташково, Юркино, Задорье и Горка.

Бокаревская волость (дер. Бокарево), 22 селения, 11 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Бежецкой и Сулежской волостей. Карельскими были 13 деревень Карело-Кошевского прихода.

Викторовская волость (дер. Викторово), 32 селения, 5 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Константиновской волости.

Восновская волость (село Восново), 9 селений, 2 сельсовета, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Теблешской и Моркиногорской волостей.

Георгиевская волость (село Георгиевское), 32 селения, 9 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Бежецкой и Поречской волостей.

Делединская волость (село Деледино) включена в Бежецкий уезд 3 марта 1924 года, 28 марта 1924 года ликвидирована, селения вошли в состав Молоковской волости. Карельскими были 8 деревень.

Диевская волость «к» (село Диево), 19 селений, 6 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Заклинской волости.

Добрынская волость «к» (село Добрыни), 7 селений, 4 сельсовета, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения включены в состав Заручьевской волости.

Дымцевская волость «к» (дер. Кожино), 6 селений, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Заручьевской волости.

Еськовская волость (село Еськи), 5 селений, 3 сельсовета, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения отошли к Бежецкой и Поречской волостям.

Заклинская волость «к» (село Заклинье), 43 селения, 22 сельсовета, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Моркиногорской и Киверичской волостей.

Залазинская волость «к» (село Залазино), 16 селений, 7 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Микшинской волости Тверского уезда.

Замытская волость «к» (село Замытье), 19 селений, 8 сельсоветов, в 1922 году переведена из Бежецкого в Тверской уезд.

Заручьевская волость «к» (село Заручье, с 1922-го по 1924 годы – село Заручье-Корельское), 37 селений, 8 сельсоветов.

Застолбская волость (село Застолбье), в 1918 году переведена из Бежецкого в Тверской уезд. В состав волости входили четыре карельские деревни – Баскаки, Диланово, Железово и Коржиха.

Змиевская волость «к» (село Змиево), 7 селений, 5 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения перешли в Толмачевскую и Замытскую волости и переведены из Бежецкого в Тверской уезд.

Ивановская волость (село Ивановское), 41 селение, 17 сельсоветов, включена в состав Киверичской волости 28 марта 1924 года. В состав волости входили три карельские деревни – Иевлево, Поречье и Манушкино.

Ильгощинская волость (село Ильгощи), 39 селений, 13 сельсоветов, передана из Бежецкого в Тверской уезд 30 мая 1922 года. В состав волости входили карельские деревни Старопонцево и Турчево.

Киверичская волость (село Киверичи), 31 селение, 8 сельсоветов, после 28 марта 1924 года в нее вошли селения Ивановской волости, часть селений Теблешской и Заклинской волостей.

Княжевская волость (село Княжево), 51 селение, 15 сельсоветов, после 30 мая 1922 года полностью вошли в состав Бежецкой волости.

Константиновская волость (село Шишково-Дуброво, с 1922 года – дер.Княжиха), 28 селений, 8 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, 3 селения вошли в Моркиногорскую волость, остальные – в Бежецкую волость.

Кострецкая волость «к» (село Кострецы), 7 селений, 2 сельсовета, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Рыбинской волости.

Краснохолмская волость (гор. Красный Холм), 11 сельсоветов, образована 20 марта 1924 года.

Лесоклинская волость (погост Лесоклинский), 9 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения включили в состав Яковлевской волости.

Максатихинская волость (станция Максатиха, с 1928 года – рабочий поселок Максатиха) образована 20 марта 1924 года из 4 сельсоветов.

Микишинская волость «к» (село Микшино), 31 селение, 17 сельсоветов, после 2 марта 1922 года переведена из Бежецкого уезда в Тверской уезд.

Могочская волость (станция Степанково), ликвидирована 20 марта 1924 года, селения вошли в состав Краснохолмской волости, а деревня Машино – в Сулежскую волость. В состав волости входили карельские деревни Могочи и Дор.

Молоковская волость (село Молоково) образована в марте 1918 года из селений Алешковской волости, 10 сельсоветов.

Моркиногорская волость (село Моркины Горы), 34 селения, 10 сельсоветов, постановлением Тверского губисполкома от 28 марта 1924 года в состав волости включены селения Трестенской, Заклинской, Скорыневской и Теблешской волостей. В состав волости входили карельские деревни Боровая, Данилково и Ключевая.

Мотолошская волость (сельцо Мотолоша Большая), 27 селений, 8 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Алешковской волости.

Никольская волость «к» (село Никольское) решением от 9 августа 1918 года передана из Бежецкого уезда в Тверской уезд.

Новская волость (село Градницы), 43 селения, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Бежецкой волости.

Остреченская волость (дер. Ивановское), 20 селений, 6 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Бежецкой волости.

Поречская волость (село Поречье), 71 селение, 26 сельсоветов, решением от 28 марта 1924 года расширена за счет селений Георгиевской, Еськовской и Алешковской волостей.

Радуховская волость (село Сутоки), 63 селения, 19 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения переданы в состав Юркинской волости.

Рыбинская волость (станция Максатиха), 67 селений, 23 сельсовета, ликвидирована 28 марта 1924 года, все селения вошли в состав Максатихинской волости. В состав волости входили карельские деревни Борки, Ульянова Горка и Хабаршино.

Сабуровская волость (дер. Сабурово) образована в мае 1918 года из 29 селений и 9 сельсоветов Бокаревской волости. В состав волости входили 13 карельских деревень Карело-Кошевского прихода. Ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Бокаревской волости.

Селецкогорская волость «к» (село Сельцы), 20 селений, 7 сельсоветов, ликвидирована 30 мая 1922 года, селения вошли в состав Заручьевской волости.

Скорыневская волость (сельцо Введенское), 48 селений, 14 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года. Три селения переданы в Моркиногорскую волость, остальные – в Бежецкую волость.

Сукромная волость (село Сукромны), 50 селений, 18 сельсоветов, с 30 мая 1922 года в состав волости включили дополнительно 10 селений Юркинской волости и 2 – Беяницкой волости. Ликвидирована 28 марта 1924 года, 9 селений перешли к Юркинской волости, остальные – в Бежецкую волость.

Сулежская волость (село Сулега, с 1924-го по 1927 гг. – село Борисово, с 1927 года – село Толстиково), 44 селения, 13 сельсоветов, с 28 марта 1924 года дополнительно вошел ряд селений из Бежецкой, Бокаревской, Могочской и Яковлевской волостей. Из Бокаревской волости перешли 6 карельских деревень Карело-Кошевского прихода.

Теблешская волость (село Теблеша), 36 селений, 25 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Киверичской, Моркиногорской и Юркинской волостей.

Толмачевская волость «к» (село Толмачи), 20 селений, 8 сельсоветов, с 30 мая 1922 года перешла из Бежецкого уезда в состав Тверского уезда.

Трестенская волость «к» (село Трестна), 62 селения, 19 сельсоветов.

Филипповская волость (дер. Филиппово), 61 селение, 16 сельсоветов, ликвидирована 28 марта 1924 года, селения вошли в состав Бежецкой волости.

Чижовская волость (село Чижово), 2 сельсовета, с 30 мая 1922 года включена в состав Георгиевской волости.

Юркинская волость (село Юркино), 19 селений, 8 сельсоветов. В состав волости входили карельские деревни Горка, Задорье, Осташково и Юркино.

Яковлевская волость (дер. Морозово, с 1922 года – дер. Яблонное), 31 селение, 10 сельсоветов, в состав волости входила карельская деревня Вязигино. Волость ликвидирована 28 марта 1924 года, 5 селений вошли в Бежецкую волость, остальные – в Сулежскую волость.

По переписи 1926 года в Бежецком уезде Тверской губернии проживало 388 332 жителя, в том числе 177 059 человек мужского пола и 211 273 человека женского пола. В городе Бежецке проживали 5964 лица мужского пола и 6830 лиц женского пола, а всего 12 794 жителя. В поселке Сонково, центре будущего Сонковского района, тогда было 811 жителей, из них 385 мужского пола и 426 – женского пола [49].

Положение в сельском хозяйстве

Как и до революции 1917 года, в годы НЭПа Бежецкий уезд оставался сельскохозяйственным и имел большое значение по выращиванию и выработке льна. До 27% от общего объема льноволокна Тверской губернии заготавливалось и вывозилось с территории Бежецкого уезда, ежегодно до 10 тысяч тонн. После Октябрьской революции цена на лен росла, так как спрос заготовителей на него был значительно выше, чем предложение. Во время НЭПа заготовкой льна у населения пытались заниматься государственная и кооперативная торговля, не допуская к нему частника, но это им сразу не удавалось. В 1924 году заготовители предлагали закупить 635 тысяч пудов льна, а торговля предложила им всего 400 тысяч тонн.

Наступление 1924 года в Бежецком уезде началось неблагоприятно из-за роста безработицы. Бежецкий маслозавод, директором которого

работал бывший его владелец Андреев, прекратил работу из-за отсутствия сырья, все рабочие были распущены по домам. С марта остановился Максатихинский деревообрабатывающий завод под предлогом ремонта, а на самом деле – писали в справках – из-за бесхозяйственности, рабочие остались без работы.

Под угрозой закрытия были оружейно-пулеметные мастерские в Бежецке, что лишало уезд пролетарской основы. Решался вопрос о переводе этого завода на выпуск мирной продукции. Оружейно-пулеметные мастерские были эвакуированы в Бежецк из Пскова в 1917 году. Рабочие этих мастерских устанавливали советскую власть в городе Бежецке и Бежецком уезде в 1918 году. В 1924 году мастерские были преобразованы в Бежецкий государственный механический завод (ныне завод «Автоспецоборудование». – А.Г.).

Отмечалось улучшение настроения крестьян, так как результат снижения цен на промышленные товары до деревни дошел [50].

Рынок мяса и мясопродуктов, в отличие от льна, в Бежецком уезде полностью находился в руках частной торговли. Оборот мясопродуктов по уезду в 1924 году достигал 400 тысяч рублей. На XIV уездной партконференции, проведенной 17–20 ноября 1924 года, коммунисты обращали внимание на укрепление государственной торговли и кооперации для постепенного вытеснения с рынка частного торговца. Они ставили задачу перед кооперацией взять на себя часть рынка мясопродуктов, а также скобяных, шорных и других товаров. Для этого кооперативы должны были продавать товары по более низким ценам, чем частник, снижать свои внутренние затраты и закупать товары из первых рук, минуя посредников и учитывая запросы потребителей и сезонность товара.

В 1924 году выросли цены на рожь, в сравнении с 1923 годом:

- октябрь 1923 года – 72 коп. за пуд;
- с января по июль 1924 года – 1 руб. 20 коп. за пуд;
- октябрь 1924 года – 80 коп. за пуд.

Повышение цены на рожь в октябре 1924 года в сравнении с октябрём 1923 года на 8 коп. на конференции в Бежецке объясняли недостаточностью хлеба. Тогда же предлагали уравнивать заработок некоторых служащих. Так, уездный страх агент получал процент от страхования, его заработок доходил до 500 рублей в месяц, на партийной конференции предлагалось уменьшить заработок этих специалистов до 50 рублей в месяц [51].

На пленуме Бежецкого уездного комитета РКП(б) 24 августа 1924 года была принята резолюция по единому сельскохозяйственному налогу:

1. Признать, что объекты обложения по сельхозналогу – земля и скот, не задерживают развитие сельского хозяйства, но пленум считает необходимым в дальнейшем налоговую политику в деревне перестраивать на принцип подоходно-имущественного налога, так как только при последнем может учитываться совокупность доходов, получаемых семьей.
2. Льготы для беднейшего населения не охватывают всех бедняков, кому нужно их предоставлять. В то же время целый ряд хозяйств, имеющих возможность платить налог, освобождается по формальным признакам – по количеству земли и скота.
3. Сведения, предоставляемые сельсоветами и заверенные волисполкомами, об имущественном состоянии на получение льгот не всегда соответствовали действительности. Не всегда население знало о времени и порядке подачи заявления на получение льгот. В дальнейшем налоговые комиссии не должны рассматривать заявления о получении льгот по бедности без заверения их крестьянскими комитетами общественной взаимопомощи.
4. Премировать отдельные государственные и коллективные хозяйства за улучшение ведения обработки земли или улучшения животноводства не деньгами, а живым и мертвым инвентарем – племенными производителями, льномялками, молотилками, сеялками и другими.
5. В связи с переходом взимания сельскохозяйственного налога от натуральной и смешанной форм исключительно к денежной необходимо усиление кредитования государственных и общественно-кооперативных закупочных организаций, чтобы они избавили население от зависимости частного скупщика.
6. Обратит внимание на необходимость организации закупки скота, так как она до настоящего времени находится в руках частного скупщика.
7. Изменить сроки уплаты единого сельскохозяйственного налога, увязав его со временем сбыта продуктов населением, не выходя за предельный срок – 1 апреля.
8. Обязать всех секретарей партячеек усилить агитацию по реализации крестьянского займа, дабы каждый крестьянин знал, какие выгоды он получит при приобретении выигрышного займа [52].

В 1924 году общая посевная площадь по Бежецкому уезду в сравнении с 1916 годом увеличилась со 118,9 тысячи десятин до 133 тысяч десятин. Увеличились посевы ржи, ячменя, овса и клевера. Но значительно уменьшились посевы льна с 22,8 тысячи десятин в 1916 году до 13,0 тысячи десятин в 1924 году. Партийные и советские руководители уезда ставили задачу дальнейшего развития земледелия именно в направлении льноводства.

В уезде к тому году сократилось поголовье крупного рогатого скота со 183,5 тысячи голов в 1916 году до 149,4 тысячи голов, но увеличилось поголовье лошадей с 54,1 тысячи голов до 62,9 тысячи голов.

На крестьянской конференции Бежецкой волости Бежецкого уезда волости осенью 1924 года, где присутствовали 330 крестьян, не считая тех, кто зашел на конференцию прямо с базара, крестьяне выступали против разового сбора и сбора за клеймение животных на базаре, против незаконных поборов на местах. Просили, чтобы не было колебаний цен на льноволокно, а также перенести сроки взноса налогов на более поздние, после продажи хлеба нового урожая. В протоколе конференции записали «а вообще в развивающейся деревне несет здоровым духом» [53].

В начале 1925 года в уезде были вынуждены проводить вторичные перевыборы в сельсоветы и волисполкомы. Они были связаны с тем, что в декабре 1924 года в перевыборах приняло участие крайне малое число избирателей – 8,5%. Результаты декабрьских выборов были отменены, во время вторичных перевыборов в голосовании приняли участие 52,2% избирателей. Рост активности был связан с тем, что избирательные собрания проходили не по районам волостей, то есть в сельсоветах, а по селениям. Из общего числа председателей и членов сельсоветов и волисполкомов были избраны 8% коммунистов и комсомольцев и 92% беспартийных [54].

В общей системе экономики уезда слабой организацией оставалась кооперация. На 1 января 1925 года по Бежецкому райпотребсоюзу насчитывалось 65 потребительских обществ с числом их членов 10,2 тысячи человек. Торговый и промышленный оборот за год составил 7 млн 160 тысяч рублей, из них частный сектор продал 85,3% всех товаров и продуктов [55].

В августе 1925 года в Бежецкую волость Бежецкого уезда прибыл рабочий отпускник Василеостровского района города Ленинграда Федор Голубев. Он две недели находился у своих родителей, одно-

временно выполняя партийное поручение об изучении ситуации в волости. В своем отчете писал, что необходимо урегулировать цену на хлеб: осенью 1924 года крестьянин был богатым и хлеб продавал на рынке в Бежецке по 85 копеек за пуд; весной 1925 года он же покупал на том же рынке хлеб по цене 2 руб. 15 коп. за пуд [56].

Урожайность сельскохозяйственных культур по Бежецкому уезду была низкой: зерновые культуры в пределах 7–11 центнеров с одной десятины (0,96 гектара. – А.Г.), картофель в пределах 75–99 центнеров с десятины, льноволокно – от 2,6 до 3,5 центнера с десятины. Здесь приведена урожайность в пудах с десятины [57]:

Культура	1925 год	1926 год	1927 год
Рожь озимая	63	56	58,8
Ячмень	49	51	52,8
Овес	68	63	65
Картофель	462	616	505
Льносемя	23	20	20,5
Льноволокно	22,1	18	16,7

Выполняя директивы правительства и партийных органов, весной 1927 года руководство Бежецкого уезда по-прежнему требовало от волостных исполкомов и партячек активизировать среди крестьян посев льна. Для этого предлагали предоставлять льготы крестьянам, в том числе 50% скидки налога с площади, засеянной льном, повышение заготовительных цен на льноволокно на 70 копеек за пуд с гарантией, что эти цены понижаться не будут.

Уездный исполком требовал заключать договоры контрактации с сельскохозяйственными кооперативами и отдельными крестьянскими хозяйствами с указанием в них площади посева льна и сдачи его в установленные сроки, с предоставлением под посев льна кредита. Получение кредита должно особенно популяризовать среди населения, в большей степени среди бедняцкой части деревни, посев льна.

21 сентября 1927 года на заседании Бежецкого уездного комитета партии было отмечено, что, несмотря на обещанные льготы, расширения площадей льна в уезде не было. Число коров в личных крестьянских хозяйствах уменьшилось за год на 17,1%, а в некоторых волостях снижение их поголовья доходило до 38%. Поголовье лошадей за год

уменьшилось на 9%, а в Молоковской и Краснохолмской волостях сокращение лошадей достигало 25%.

В то же время неземледельческие заработки, в среднем по уезду, за год увеличились на 205%, а в Сулежской волости – на 649%, или в 6,5 раза [58].

Кроме льноводства и зерновых культур на территории Бежецкого уезда активно развивалось молочное производство. До революции 1917 года на его территории работало 506 крестьянских маслобоен, объединенных в молочные кооперативы, которые давали до 36 тысяч пудов сливочного масла и до 106 тысяч пудов сыра в год. Эта продукция вывозилась в Петербург, часть ее шла оттуда за границу. В связи с развитием молочного производства за 10 лет, с 1907-го по 1917 годы, поголовье дойных коров увеличилось в 2 раза. В 1912 году местный зоотехник Н.И. Щетинин издал двухтомный труд «Молочный промысел в Бежецком уезде».

Политическая ситуация

С 1927 года шла постепенная ликвидация частных предприятий под разными предлогами, так, например, крестьянин одной из деревень Бежецкого уезда заключил договоры с 3 рабочими на производство разных кустарных работ. Проверкой по жалобе односельчанина было установлено, что фактических рабочих у него 4–5 человек, поэтому решили вопрос о лишении крестьянина всех кустарных льгот [59].

В заявлении в комиссию по чистке партии другого крестьянина Бежецкого уезда Тверской губернии указывалось, что он до 1926 года был безработным, потом открыл в селе чайную. Торговал всего 4 месяца, и за это его лишили избирательных прав, как торговца [60].

Как отмечалось в отчете Бежецкого уездного исполнительного комитета за 1926–1927-й и 1927–1928 годы, применение закона о едином сельхозналоге на практике имел целый ряд ошибок и искривлений. Не был правильно учтен момент перехода к обложению от пашни к посеву, почему нормы доходности десятины посева первоначально были несколько преувеличены. Понижение норм вызвало перерасчет налога. Переход к исчислению налога от дохода на едока, к доходу на хозяйство повлек некоторое переобложение многоедоцких середняцких хозяйств.

Недостаточная гибкость местных налоговых органов в учете доходов и определении мощных эксплуататорских хозяйств имела следствием переобложение части середняцких хозяйств. Все эти недочеты и ошибки пришлось исправлять в процессе работы. Что работа была проведена большая, можно видеть из следующих цифр: первоначально исчисленная сумма сельхозналога, после снижения норм посева, в целом по уезду составляла 1 719 193 рублей. Окончательно установленная сумма к выполнению была назначена 1 228 000 рублей. Таким образом, на снижения и льготы по разным причинам было израсходовано 491 193 рубля.

Из них на регулирование переобложенных хозяйств – 85 314 руб.; красноармейцам и переселенцам – 29 517 руб.; по стихийным бедствиям – 44 483 руб.; прочие – 90 487 руб. и остаток еще не распределенного фонда на первое января составлял 41 860 рублей. Всего получили те или иные льготы 46 146 хозяйств, что составляет 55,25% всех дворов уезда. *Полностью были освобождены от налога 35% хозяйств уезда.* При таком массовом пересмотре обложения неизбежны были отдельные ошибки в льготах, что объяснялось недостаточным привлечением к этой работе секций сельсоветов и бедняцкой части деревни.

Принятыми мерами основные недочеты были сглажены. В конечном результате налог 1928 года выразился в среднем на хозяйство в 14 руб. 70 коп., а в 1926/27 г. он выражался в 15 руб. 85 коп., в 1927/28 г. – 11 руб. 79 коп. Таким образом, нужно признать, что тяжесть налога текущего года не была обременительной для массы крестьянских хозяйств. Что эта тяжесть налога в целом соответствовала экономической мощности деревни, подтверждается и цифрами роста дохода населения, как от сельского хозяйства, так и от побочных заработков.

Так, в 1926/27 году общий нормативно-условный доход от сельского хозяйства по Бежецкому уезду составлял 16 973 680 руб., а в 1928/29 г. – 19 651 546 руб., или на 2 677 866 рублей более.

Доход от кустарно-ремесленных промыслов по уезду в 1926/27 г. составлял 579 620 руб., а в 1928/29 г. – 1 616 154 рубля, или более на 1 036 534 рубля.

Нужно отметить вполне удовлетворительное выполнение по уезду сельхозналога за 1928 год. К последнему сроку 1 января 1929 года поступило сельхозналога 1 151 256 руб., или 93,75% годового задания, а к 1 февраля 1929 года кампания была полностью закончена. Случаев применения мер принудительного взыскания, по сравнению с про-

шлыми годами, было незначительное количество, и, главным образом, по отношению к зажиточным хозяйствам [61].

По отчетам Бежецкого уездного исполнительного комитета в 1926/27 и 1927/28 годах были полностью освобождены от налога 35% крестьянских дворов, в то время как в Сулежской волости насчитывалось 8,7% бедняцких хозяйств, а среди карел Сулежской и Бежецкой волостей – всего 3,2% бедняцких хозяйств. Кого же тогда полностью освобождали от налогов в Бежецком уезде Тверской губернии во время расцвета НЭПа, если по уезду было не более 17% бедняцких хозяйств, а в карельских волостях – до 5% бедняков? Значит, освобождали от налогов без разбора не только бедняков, но и середняков, и зажиточных крестьян, о чем нередко говорили крестьяне на собраниях и сходах.

Сулежская волость Бежецкого уезда

*Обогащайтесь,
накапливайте, развивайте
свое хозяйство!*

Н.И. Бухарин

До укрупнения в 1924 году в состав Сулежской волости Бежецкого уезда Тверской губернии входило 44 деревни и села. После ее укрупнения на основании постановления Тверского губернского исполкома от 24 марта 1924 года волость стала объединять 75 русских селений и 6 карельских деревень Карело-Кошевского прихода: Байки – 45 дворов, Душково – 29 дворов, Муравьево – 39 дворов, Петряйцево – 39 дворов, Поцеп – 29 дворов и Шейно – 14 дворов.

В волости были созданы 5 сельсоветов: Борисковский, Лесоклинский, Морозовский, Плишкинский и Сулежский. До 1924 года центром волости была деревня Холмцы, с 1924 года – деревня Борисково, 22 двора, с 1927 года – село Толстикovo, 20 дворов. Перечисленные карельские деревни относились к Сулежскому сельсовету. Каких-либо собраний или праздничных мероприятий в карельских деревнях представители советской власти не проводили. Их основной задачей был сбор единого сельхозналога, который дисциплинированные крестьяне-карелы платили исправно.

На 1923–1924 бюджетный год единый сельскохозяйственный налог по Сулежской волости был определен в сумме 79,1 тысячи рублей, собран в сумме 76,2 тысячи рублей или 96,3% [62].

По состоянию на 25 октября 1924 года Сулежский волостной исполком располагался в деревне Холмцы, а волостной комитет РКП(б) на квартире секретаря волостного комитета И.Ф. Кокарева в деревне Фешево, что в 14,5 километра от волисполкома.

Представители Бежецкого уездного комитета партии рекомендовали поместить Сулежский волостной исполком и волостной комитет партии в одном из помещений бывшего имения Кузьминых-Караваевых в Борискове. Но эти помещения были столь сильно разграблены и разгромлены, что на их восстановление требовалась большая сумма денег, а их в волисполкоме не было. Этот вопрос был рассмотрен на заседании волостного комитета партии 5 января 1925 года, к весне 1925 года Сулежский волостной исполком и волостной комитет партии перебрались в деревню Борисово [63].

На территории волости после ее укрупнения в 1924 году тогда стали проживать 20 320 человек. По итогам 1924 года средняя урожайность в крестьянских хозяйствах по волости составляла:

- рожь 50 пудов с десятины, или по 8 центнеров;
- ячмень 48 пудов с десятины, или по 7,68 центнера;
- овес 45 пудов, или по 7,2 центнера;
- картофель по 400 пудов, или по 64 центнера с десятины;
- льносемя 16 пудов, или по 2,56 центнера с десятины;
- льноволокно 17 пудов, или по 2,72 центнера с десятины;
- клевер 225 пудов с десятины, или по 36 центнеров [64].

Карелы до 1865 года относились к удельным крестьянам, с 1865 года стали крестьянами-собственниками. Крестьяне русских деревень, относящихся к Сулежской волости, почти до конца XX века, то есть до полного выкупа, еще оставались временнообязанными крестьянами. О положении бывших помещичьих крестьян волости можно судить по анкетам вступавших кандидатами в члены ВКП(б). Жители волости, испокон века проживавшие в своих деревнях, по-прежнему, как и до революции 1917 года, имели полевой надел в пределах 9–10 десятин.

Например, в хозяйстве Ивана Павловича Ключкина, 1904 г. р., из деревни Большой Дорок пахотной земли было 5,68 десятины, сенокосов – 3,83 десятины, также была неучтенная земля в неудобьях. Всего учтенной земли в полевом наделе этого хозяйства было 9,51 десятины.

Хозяйство входило в сельскую общину, с 1924 года применяло шестипольную систему севооборота, имело 1 лошадь, 2 коровы, 2 овцы. На паях с соседом имели одну вейлку и деревянную льномялку.

Многие крестьяне, вернувшиеся из городов в свои деревни во время гражданской войны, могли рассчитывать лишь на свой пай, полученный при разделе родительского крестьянского хозяйства, поэтому они имели земли значительно меньше, чем у постоянных жителей.

Например, в хозяйстве председателя Сулежского волисполкома Ивана Николаевича Юдина, 1906 г. р., прибывшего из Петрограда с матерью в 1920 году, ставшего председателем волисполкома в 19 лет, имелось 2,42 десятины пахотной земли, 0,91 десятины сенокосов, 1 лошадь, 1 корова. Полевой надел в их хозяйстве составлял всего 3,33 десятины или 1/3 надела местного жителя. Общий надел в 10 десятин после возвращения их семьи в деревню был поделен с двумя другими братьями отца на 3 крестьянских хозяйства. Доход от хозяйства составил 187 рублей в год, единый сельскохозяйственный налог – 8 руб. 95 коп., или 4,8% от дохода [65].

9 февраля 1925 года Сулежский волостной комитет партии совместно с волостным исполкомом провели общеволостную сельскохозяйственную конференцию, в работе которой приняли участие 12 коммунистов, 32 комсомольца и 220 беспартийных жителей. Упор был сделан на один из первых шагов к кооперированию сельского хозяйства – на переходе с трехполья на многополье. Нужно отметить, что трехполье определяло систему последовательной ежегодной обработки поля – пар, озимые культуры, яровые культуры. Многополье предполагало чередование высева какой-либо культуры на одном участке земли через каждые 6–7 лет, с ежегодным чередованием сельскохозяйственных культур.

К тому времени, применяя трехпольную систему обработки полей, бежецкие крестьяне не оставляли паровые поля зарастать сорняками и дикими травами. По примеру передовых технологий они засевали пары клевером, рапсом, викоовсяной смесью и другими питательными кормовыми травами.

Активное навязывание крестьянам многопольной системы обработки полей было одним из шагов к коллективизации крестьянских хозяйств.

Коммунисты давали понять, что трехполье хороших урожаев не дает и не даст, а для многополья крестьянские наделы слишком малы.

Агитировали, что необходимо путем кооперирования увеличивать площадь полей для применения многополья. Это позволит увеличить урожай за счет обогащения почвы не только органическими удобрениями, но и путем высева викоовсяной смеси, люцерны, а также вместе с рожью – клевера, с его последующим покосом в течение 1–2 лет. Как показала последующая практика, действительно клевер, рапс и викоовсяная смесь обогащали почву, но люцерна в нашей местности не прижилась.

Рассмотрев вопрос о развитии крестьянского сельского хозяйства, Сулежская общеволостная конференция 9 февраля 1925 года постановила:

- как можно скорее переходить от трехполья к многополью;
- ввести в своих личных хозяйствах ранние пары, произвести очистку земли;
- развивать свое личное животноводство посредством подыскания в свои стада улучшенных производителей и посредством более улучшенного кормления скота разнообразными кормами – сеном, соломой, дурандой, мукой и корнеплодами.

За улучшение земель и своего стада было решено премировать лучшие крестьянские хозяйства натурой – машинами, сельскохозяйственными орудиями, семенами. В отношении премирования за улучшение своего стада половину денежной премии отдавать владельцам животных, а половину – обращать для организации случных пунктов животных.

В заключение проведения конференции коммунисты призвали крестьян к дружной работе по улучшению и укреплению каждым хозяйном своего личного хозяйства [66].

11 января 1926 года на собрании волостной партячейки отмечалось, что за сельскохозяйственной кооперацией, что находилась на территории волости, были закреплены 4 зерноочистительных пункта с 15 машинами. На мельнице работал один трактор, закупленный на общественные деньги членов крестьянского комитета общественной взаимопомощи. К весне 1926 года в волость поступили еще два трактора. На кооперативной работе находилось всего 4 человека.

В том же месяце в волости провели переборы крестьянских комитетов общественной взаимопомощи во всех 5 районах волости. Активно работали 3 района волости: Лесоклинский, Плишкинский и Сулежский (под районами волости здесь подразумевали территории

сельских советов. – А.Г.) в которых вовлечено в комитеты взаимопомощи 873 двора с числом 1151 житель. С каждого хозяйства собрали по 100 рублей (это почти стоимость одной коровы по тем ценам. – А.Г.), на эти деньги купили мельницу на полном ходу и один трактор, о котором сказано выше.

Кроме того, комитет взаимопомощи владел одним зерноочистительным пунктом, где за три месяца 1926 года было очищено всего 140 пудов (2240 кг) зерна. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи заявляли, что они со временем станут лучшими помощниками бедноты [67].

В 1926 году была проведена Всесоюзная перепись, согласно которой в Сулежской волости население составляло 18 424 человека, в том числе 8305 человек мужского пола и 10 119 человек женского пола. Площадь волости была 373 квадратных километра, плотность населения являлась самой высокой по уезду – 48,9 человека на один кв. км при средней плотности по уезду 33,2 человека на один квадратный километр [68].

В 1928 году по волости насчитывалось 4156 крестьянских и бывших помещичьих хозяйств, в 113 из них хозяева отсутствовали, наемных работников имели всего 69 хозяйств, или 1,7% от общего числа крестьянских хозяйств.

В том же году в волости было засеяно зерновыми и бобовыми культурами 7530 га, незерновыми культурами – 5365 га, всего посевов 12 895 га, из них 12 506 га в поле и 389 га – на усадьбах.

Из зерновых культур засеяно:

- рожью 3163 га, или 42% общей площади зерновых культур;
- пшеницей 208 га, или 2,8%;
- ячменем 1561 га, или 20,7%;
- овсом 2496 га, или 33,1%;
- бобовыми культурами 102 га, или 1,4% общей площади зерновых культур.

Незерновыми культурами засеяно и посажено:

- льном 2354 га, или 44% общей площади незерновых культур;
- клевером 2086 га, или 39%;
- картофелем 55 га, или 1%, остальная площадь под незерновые культуры была занята викой на корм скоту и овощами.

По волости имелось 4336 лошадей, 5991 дойная корова, а всего крупного рогатого скота – 11 733 головы, 12 753 головы овец и коз

вместе с молодняком. В распоряжении крестьян имелся 3551 плуг, 3566 борон, 1153 веялки и сортировки.

К 1927 году по всему Бежецкому уезду насчитывалось 54 сельскохозяйственных и промышленных кооператива, из них всего лишь 15 кооперативных крестьянских хозяйств – коммун и сельскохозяйственных артелей. По Сулежской волости было занято в мелкой кустарной промышленности 350 человек [69].

Единый сельскохозяйственный налог, как уже было сказано выше, с 1926 года устанавливался прогрессивным. Так, с учтенного в хозяйстве годового дохода в сумме 187 рублей удерживали налог 8 руб. 95 коп., или 4,8% от дохода. При годовом доходе 365 рублей удерживалось 17 руб. 95 коп. единого сельскохозяйственного налога, или 4,9% от дохода, а при доходе в 386 руб. 60 коп. налог платили уже в сумме 36 руб. 89 коп., или 9,54% от суммы дохода, то есть в 2 раза больше [70].

Кроме единого сельхозналога, разных денежных и трудовых повинностей крестьяне выплачивали деньги на обязательное государственное страхование строений от огня, скота (коров и лошадей) от падежа и посевов от градобития. С целью сбора страховых платежей в каждой волости был создан аппарат страховых агентов. По Сулежской волости Бежецкого уезда по обязательному страхованию за 1927–1928 годы поступило 15,7 тысячи рублей, выплачено по несчастным случаям 4 тысячи рублей. По добровольному страхованию в те годы выплачено по волости 20,6 тысячи рублей, выплачено по несчастным случаям 1,7 тысячи рублей [71].

Укрепление партийных организаций в деревне

*Местные коммунисты
не уяснили задачи партии.*

М.С. Чудов

Изучение становления и укрепления партийных ячеек на местах вызывает интерес тем, что во времена НЭПа власть фактически принадлежала не советским органам, а коммунистической партии большевиков. Коммунисты определяли сроки проведения выборов в сельсоветы, волостные советы и другие советские органы – сначала через каждые 3 месяца, затем через 6 месяцев, через год и так далее.

Во время этих частых перевыборов коммунисты старались не допускать в советы представителей других партий, зажиточных крестьян и других неугодных большевикам людей.

Центральные советские органы были в полной зависимости от коммунистов и неуклонно выполняли решения партийных съездов, конференций и пленумов. Этот механизм подчинения распространялся и на низовые советские структуры – исполкомы уездных, волостных и сельских советов.

Для решения задачи коллективизации крестьянских хозяйств и ликвидации кулачества как класса, поставленных центральными органами коммунистической партии и Советского государства, нужны были силы, способные их выполнить. Такими силами в сельской местности власть считала коммунистов, комсомольцев и бедноту, но их было мало, и они были неорганизованные. Поэтому ставилась задача создания и укрепления партийных организаций в деревне, способных повести за собой бедняков и середняков на выполнение установок центральных органов ВКП(б).

Большевики не допускали никакого инакомыслия в партии, на X съезде РКП(б) в марте 1921 года была принята резолюция «О единстве партии», которой запрещалось создание в коммунистической партии партийных групп и фракций, противоречащих идеологии большевиков и критикующих принятые ими решения.

На XI съезде РКП(б), прошедшем в марте-апреле 1922 года, перед партией большевиков была поставлена задача по перегруппировке сил для наступления на капиталистические элементы, прежде всего в деревне. Прошедший первый год в условиях НЭПа, – говорилось в резолюции съезда, – показал, что коммунисты так и не научились хозяйничать. От них требовали, чтобы члены партии показали народу, что они умеют вести хозяйство лучше капиталистов. В.И. Ленин на съезде поставил перед коммунистами задачу: «учитесь торговать».

Для увеличения пролетарского ядра партии съезд установил категории людей для приема в партию:

- рабочих и красноармейцев, как из рабочих, так и из крестьян принимать в первую очередь;
- ко второй категории отнесли крестьян и кустарей, которые не эксплуатировали чужой наемный труд;
- к третьей категории отнесли служащих, которым прием в партию был сильно затруднен.

Фактически в период с 1921-го по 1924 годы прием в коммунистическую партию большевиков был закрыт всем социальным группам, кроме рабочих, в том числе и крестьянам. С этой целью продлевали сроки кандидатского стажа на неопределенное время. В деревенских партийных ячейках к 1924 году имелись кандидаты в члены ВКП(б) с кандидатским стажем в 3–4 года.

Но чтобы не утратить своих позиций в деревне, с 1924 года постепенно стали снимать ограничения в доступе крестьян в партию. Решением центральных органов, в порядке исключения, было принято в партию 20 тысяч крестьян и одна тысяча лучших учителей.

Заявления о приеме в партию принимали, в основном, от тех крестьян, которые уже находились на советской работе или на службе в других учреждениях. От середняков, занятых исключительно ведением своего личного хозяйства, заявлений в партию не поступало, им было далеко до политики. Кроме того, отталкивающим моментом являлось отрицательное поведение коммунистов в деревне, порою их неумение вести свое хозяйство, а также неумение найти общий язык с односельчанами.

Более 50% состава всех деревенских партиячек в 1925–1926 годах составляли работники сельсоветов, волисполкомов, руководители коммун, артелей, потребительской кооперации. Для того чтобы улучшить показатели вступления в партию рабочей прослойки, с 1925 года в нее стали принимать батраков и наемных работников, записывая их в категорию «*сельский пролетариат*» или «*полупролетариат*», хотя они все вели свои личные крестьянские хозяйства. Они имели в деревне дома, некоторые имели скот, обрабатывали землю личным трудом, а с осени до весны нанимались в батраки к зажиточным крестьянам или наемными работниками к кустарям.

Первоначально при волостях организовывали партийные ячейки из 3–5 коммунистов, это были рабочие, прибывшие ранее в деревню в качестве членов бывших продотрядов, или вернувшиеся с партийным билетом в свои деревни из Петрограда рабочие остановившихся заводов и фабрик, а также демобилизованные красноармейцы. Со временем ряды партии стали пополняться местными комсомольцами и представителями бедноты, избранными в сельсоветы и волостные исполкомы.

Некоторые молодые люди вступали в партию в возрасте 17–20 лет, с 1922 года с ними начали вести активную работу по вступлению в

ряды комсомола. Например, милиционерам Бежецкой уездной милиции Андреевой и Гириному предлагали вступить в комсомол в августе, затем в сентябре 1922 года. В феврале 1923 года Бежецкий уездный комитет партии на основании решений XI съезда РКП(б) потребовал от всех партячек, чтобы каждый коммунист, не достигший 23-летнего возраста, вступал в комсомол [72].

Для учебы секретарей партячек и коммунистов с 29 января 1923 года в Бежецке провели их казарменный сбор. На казарменное положение перевели 23 деревенских и 9 городских коммунистов. Им читали лекции по политграмоте, земельным вопросам, они занимались чтением книг и газет, в том числе газеты «Бежецкая жизнь», которая издавалась 3 раза в неделю тиражом 1,5 тысячи экземпляров [73].

На 1 октября 1923 года по Бежецкому уезду насчитывалось 19 волостных партийных ячеек с общим числом членов партии 168 и 17 кандидатов, из них 148 крестьян [74].

В августе 1924 года Бежецкий уездный комитет РКП(б) своим письмом разъяснял всем членам партии и комсомольцам, что они не должны принимать участие в обысках и отборе самогонки у граждан, а должны лишь давать сведения о самогонщиках в милицию [75].

В резолюции XVIII Тверской губернской партконференции, проведенной осенью 1927 года, отмечалось, что в деревенских партячках очень мало коммунистов, всего до 10 человек. Они недостаточно выполняют важнейшие директивы партии по работе среди бедноты и беспартийного актива. Причина в том, что сами коммунисты недостаточно четко разбираются в этих директивах и не умеют перейти к их практическому разрешению.

Подавляющее число коммунистов по губернии в 1927 году были служащими – 51,8%, крестьяне – 34,6%, из них с индивидуальными хозяйствами – 22,8%, членов партии из коллективных хозяйств – 0,6%. Служащие из прибывших в деревню рабочих и крестьяне, работавшие на платной выборной работе в волисполкомах, сельсоветах и в сельских партячках, составляли 63% коммунистов губернии [76].

Отмечалось, что коммунисты недостаточно внимательно относятся к вопросам сельского хозяйства, они не могли отговорить крестьян от перехода из деревень на отруб и хутора. Агитируют за многополье и пользу клевера, но голые слова до крестьян не доходят. У коммуниста-крестьянина такое же хозяйство, как у его соседей, и никакого примера в улучшении своего хозяйства он не подает.

С мест в Тверской губернский комитет партии сообщали, что в деревне расслоения крестьян нет. Бедняки во многих деревнях говорили, что до революции оттуда уходили работать в пастухи и няньки. Сейчас они, бывшие бедняки, могут сами держать няньку, в деревне безлошадников и бескоровников нет. Земли всем хватает, бедные хозяйства лишь у вдов.

Средняки поднимаются, почти в каждом хозяйстве есть веялка, появляются молотилки и льномялки. По Тверской губернии середняками считали тогда те хозяйства, которые имели до 6 десятин пахотной земли, по одной лошади и корове, а также имели сельскохозяйственный инвентарь, зажиточными власть считала те хозяйства, которые имели более 6 десятин пахотной земли.

Сдача в аренду земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря на один год или полгода никем не регистрировалась, а более длительной аренды в деревне нет. Однолошадники нередко сообща пахали по очереди свои поля, а зажиточный крестьянин помогал однолошаднику или безлошаднику лошадью. Местные советские работники говорили, что отработки за аренду скота почти нет, есть отработка на хозяина за аренду сельскохозяйственных машин [77].

Таким образом, за время НЭПа коммунисты накапливали свои силы за счет прибывающих в деревню рабочих, деревенской бедноты и подрастающего поколения комсомольцев. Одним из путей укрепления партийных рядов в деревне был прием в партию комсомольских активистов. НЭП для коммунистов был своего рода подготовкой ко второй решительной попытке кооперации сельского хозяйства в виде колхозов. Первая попытка создания сразу после Октябрьской революции коммун, товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей и построения безрыночного капитализма успехом не увенчалась.

Партийная организация Сулежской волости

Как создавались партийные организации на местах, можно проследить на примере Сулежской волостной организации Бежецкого уезда Тверской губернии. Она была создана на базе *Сулежской и Фешевской* (Яковлевской) ячеек, объединенных в одну партийную ячейку в сентябре 1924 года.

До ноября 1923 года секретарем Сулежской волостной партийной ячейки был Семен Андреевич Андреев, 1887 года рождения. С 21 ноября 1923 года решением бюро Бежецкого уездного комитета РКП(б) был утвержден Петр Феодорович Козлов, а Андреев был избран председателем Сулежского волостного исполкома совета.

В Сулежскую партиячейку входили 4 коммуниста и 2 кандидата в члены партии, собрания проводились в доме Козлова, проживавшего в деревне Плишкино [78].

При проверках партиячейки было установлено, что коммунисты в Сулежской партиячейке разбились на два лагеря по родственным признакам из-за дележа имущества бывшей коммуны, которое ранее принадлежало дворянам Кузьминым-Караваевым. Как доказательство этому – происходившие драки между членами ячейки. Для разбора ситуации туда дважды выезжал инструктор Бежецкого уездного комитета партии.

В своих докладных записках он указывал, что интриги наблюдались между С. Бойцовым и Ивановым на почве личных счетов. Это негативно действовало на беспартийных из-за того, что коммунисты не могут ужиться друг с другом. Было предложено С. Бойцова перебросить на другую работу. Недостатком в работе ячейки было и то, что она проводила лишь закрытые партийные собрания. Предлагалось это явление изжить, особенно в зимний период, когда крестьянин дома свободен [79].

В других деревнях имущество помещичьих имений, которое еще оставалось к тому времени, делили между крестьянами на деревенских сходах. Тогда в деревне нужда была во всем, грабили все, что можно. Из имений растаскивали по домам стекла, рамы, двери, посуду, столы, шкафы, стулья, зеркала. После схода к вечеру в имении не оставалось ничего, лишь ветер гулял между оконными и дверными проемами. А тут вот решили разделить оставшееся имущество Кузьминых-Караваевых два семейных клана деревенских коммунистов, не допуская никого чужих.

На собрании Сулежской партиячейки 21 января 1924 года обсуждали вопрос о введении в стране новой экономической политики (НЭП), хотя ввели ее почти три года назад. Говорили, что ее введение вызвано разрухой промышленности, НЭП – это временная мера, способствующая развитию промышленности и торговли.

На собрании говорилось, что в сельскохозяйственном отношении Тверская губерния менее развитая, так как крестьяне не могут

выбросить на рынок столько хлеба, сколько необходимо купить. Для крестьянина остается затруднением купить на рынке столько хлеба, сколько нужно ему для прокормления своей семьи. Отмечалась гибкость частного торговца в смысле торговых операций и вялость государственной кооперации [80].

Фешевская партийная ячейка вышла из «коллектива рабоче-крестьянской партии Яковлевской волости», ликвидированной в марте 1924 года. Свое название получила в связи с тем, что все собрания ячейки проводились в доме ее секретаря Ивана Федоровича Кокарева, работавшего председателем Фешевского потребительского общества, проживавшего в деревне Фешево, в партиячку входили 10 коммунистов.

2 июня 1924 года Бежецкий уездный комитет партии своим письмом поручил секретарю Сулежской партийной ячейки П.Ф. Козлову созвать общее собрание членов и кандидатов в члены партии *Сулежской и Фешевской* ячеек, избрать волостной комитет из 3 членов. Уездный комитет рекомендовал избрать членами волостного комитета партии Андреева, Козлова и Кокарева. В письме было указано иметь в виду, что волостной комитет партии является органом, руководящим всей жизнью волости [81].

В сентябре 1924 года секретарем объединенного Сулежского волостного комитета партии был избран И.Ф. Кокарев [82].

В 1924 году был введен ежемесячный отчет всех партийных ячеек о проделанной работе, в отчетах указывали:

- количество членов и кандидатов в члены партии, а также беспартийных, которые постоянно посещали открытые партийные собрания;
- влияние партийной ячейки на работу волостного исполкома и сельскохозяйственных товариществ;
- отношение крестьян к советской власти и рабоче-крестьянской партии;
- какие книги за отчетный период прочитали члены партии, сколько и какие газеты выписывает ячейка и коммунисты;
- как идет ликвидация неграмотности среди коммунистов;
- какую работу проводят коммунисты среди беспартийных, в том числе: работа среди комсомольцев, женщин, работа избычтальни, организация митингов, лекций, докладов и конференций;

- что нужно сделать уездному комитету партии, чтобы повысить работоспособность ячейки [83].

Коммунисты Сулежской партячейки, порою не понимая своих задач и функций, нередко подменяли волостной исполком. На ее партийных собраниях в числе других были приняты решения о закрытии библиотеки для изъятия оттуда литературы, об утверждении заработной платы некоторым работникам исполкома, о переводе учителя в другую школу и другие решения, не входящие в компетенцию партийных организаций.

Деревенские мужики откровенно ёрничали в отношении коммунистов, что на их собраниях хотели обсуждать помощь бедноте, но ни хлеба, ни денег нет, пришлось коммунистам обсуждать борьбу с мировым империализмом. Эти откровенные насмешки имели под собой конкретную почву. Так, по докладу о международном положении Сулежский волостной комитет РКП(б) постановил: *«доклад принять к сведению, волкому поручить принять меры к свержению мирового капитализма»*. На своих собраниях, слушая частые доклады о международном положении, коммунисты заявляли, что сначала надо расправиться с местными частниками, как представителями новой буржуазии, а потом отправиться воевать с мировой буржуазией [84].

24 октября 1925 года был избран новый состав бюро Сулежского волостного комитета партии, в него вошли: С.А. Андреев, С.Т. Бойцов, И. Векшин, П.Ф. Козлов и секретарь комитета Николай Иванович Мельников. Это было связано с разногласиями сулежских коммунистов во главе с С.А. Андреевым, и фешевских коммунистов во главе с секретарем партячейки И.Ф. Кокаревым.

Бюро Бежецкого уездного комитета РКП(б) 1 декабря 1925 года рассмотрело дело бывшего секретаря Сулежского волостного комитета партии И.Ф. Кокарева, который в «День урожая» 25 октября 1925 года, на другой день после освобождения его с должности секретаря Сулежской партячейки, организовал попойку среди членов партии и беспартийных.

Иван Федорович Кокарев, 1886 г. р., член РКП(б) с февраля 1918 года, крестьянин, секретарь Фешевской партячейки с марта по сентябрь 1924 года, секретарь Сулежского волостного комитета партии с сентября 1924 года по октябрь 1925 года, оклад 60 рублей, многосемейный. Бюро Бежецкого уездного комитета РКП(б) постановило:

признать необходимым переброску Кокарева в другую парторганизацию.

Секретарем Сулежского волостного комитета партии вместе него был избран Николай Иванович Мельников [85].

С 1926 года ЦК ВКП(б) перешел с ежемесячной, никому не нужной, отчетности на трехмесячную отчетность партячеек. В отчет дополнительно ввели указание в национальных республиках и областях указывать национальность подавших заявления кандидатов. На территории Тверской губернии эти графы не заполнялись до 1931 года, когда были выделены карельские национальные сельсоветы и национальные районы [86].

При Сулежском волостном комитете партии до декабря 1925 г. работала школа-передвижка политграмоты, она находилась в 12 верстах от волостного центра. С 28 декабря 1925 г. начала работать стационарная школа политграмоты деревенского типа. Занятия проводились 2 раза в неделю по вечерам. Они заключались в том, что руководитель школы Н.И. Мельников ставил доклад на 5–10 минут, потом начиналось его обсуждение слушателями, с перерывом на перекур через каждые 45 минут. Каждая такая беседа, по отчетам Мельникова, продолжалась по 3–4 часа. К занятиям в декабре 1925 г. приступили 15 слушателей, потом их число увеличилось до 25, а проверочные испытания прошли 19 слушателей.

Руководитель стационарной школы секретарь волостного комитета партии Мельников просил Бежецкий уездный комитет прислать другие учебники, считая, что учебник Ярославского устарел и в нем много повторов. Просил также организовать в Тверской губернии курсы для руководителей таких школ [87].

Тверской губернский комитет партии спустил план Бежецкой уездной партийной организации принять за 1928 год в члены ВКП(б) 333 кандидата, из них 35 крестьян, что составляло 10,5% от общего числа кандидатов. По Бежецкому уезду в 1928 году насчитывалось 49 партийных ячеек, в том числе 13 городских и 36 деревенских ячеек. Всего в деревенских ячейках по уезду к концу 1928 года состояло 368 членов и 312 кандидатов в члены партии [88].

12 января 1929 года инструктор Бежецкого уездного комитета партии Александров обследовал Сулежскую партячейку. Он сделал вывод, что партячейка вела слабую работу среди бедноты, наблюдалось полное отсутствие должного руководства работой групп бедноты, созыв которых проходил лишь по мере необходимости.

Отсутствовала также специальная работа с батрачеством по вовлечению их в партию и подготовку для выдвижения на руководящую работу в советы, кооперативы и другие органы. Не было системы проведения женских собраний по селениям, а также отсутствовала работа с беспартийным активом [89].

За все годы существования НЭП почти на каждом партийном собрании, как волостной, так и первичных партячеек, а также на собраниях бедноты непременно обсуждали вопросы международного положения, тем самым отвлекая внимание крестьян от их внутренних житейских проблем. В то же время, например, о жизни крестьян карельских деревень, входящих в Сулежскую волость, даже не заикнулись ни разу.

Местные коммунисты вообще редко затрагивали вопросы жизни крестьянства волости, не выезжая в деревни, не проводя ни собраний, кроме перевыборов в советы, ни праздничных мероприятий. По протоколам партийных собраний создается впечатление, что коммунисты Сулежской волости собирались для того, чтобы делить должности в волостном совете и сельских советах. Распределять обязанности в самих партячейках, да обсуждать вопросы международного положения, а до жизни крестьян им было далеко. Ждали указаний вышестоящих организаций и отчитывались в их исполнении один раз в три месяца.

Бокаревская партийная ячейка Бежецкой волости Бежецкого уезда

Интересно знать, кто же устанавливал советскую власть в других карельских деревнях нашей местности, которые относились не к Сулежской, а к Бежецкой волости Бежецкого уезда? Ответственность за работу в карельских деревнях в 1922–1923 годах несла Бокаревская партийная ячейка, к чьей волости относились эти деревни. С 1924 года, после ликвидации Бокаревской волости, работа Богородского, Синего-Дубровского и Горского сельсоветов Бежецкой волости, куда относились 7 карельских деревень Карело-Кошевского прихода, по-прежнему оставалась под контролем Бокаревской партийной ячейки.

Первое собрание партийной ячейки, куда входило 10 коммунистов, прошло 1 марта 1921 года. Хотя ячейка продолжала называться

Бокаревской, собрания проходили в доме секретаря ячейки Михаила Николаевич Русакова, в то время его возраст был 22 года, в деревне Гостиницы Горского сельсовета. По состоянию на 23 октября 1923 года в ячейку входили коммунисты, все крестьяне, некоторые имели дополнительные ремесла и приработки:

1. Краснов Владимир Иванович, 1897 г. р., в партии с 1918 года, председатель Бокаревского волисполкома, 26 лет.
2. Петров Иван Иванович, 1903 г. р., в партии с 1920 года, член Бокаревского волисполкома, 20 лет.
3. Русаков Михаил Николаевич, 1899 г. р., в партии с 1918 года, секретарь партийной ячейки, 24 года.
4. Сумерин Василий Васильевич, 1896 г. р., в партии с 1918 года, председатель сельсовета, 27 лет.
5. Куликов Федор Васильевич, 1888 г. р., портной.
6. Тихонов Гаврила Михайлович, 1885 г. р., в партии с 1918 года, бондарь.
7. Андреев Василий Андреевич, 1894 г. р., в партии с 1919 года, столяр, председатель сельсовета, 29 лет.
8. Ракитин Петр Иванович, 1892 г. р., в партии с 1918 года, сапожник.
9. Смирнов Михаил Иванович, 1903 г. р., в партии с 1920 года, портной.
10. Крюков Александр Федорович, 1880 г. р., в партии с 1920 года.

К этому времени из Бокаревской партиячейки выбыл Иванов Иван Иванович, 1888 г. р., в партии с 1923 года, сапожник, в связи с направлением в политсостав Красной Армии, а также Смелков Георгий Андреевич выбыл в распоряжение Бежецкого уездного комитета партии. Карел среди коммунистов Бокаревской партиячейки не было [90].

В справках Бежецкого уездного комитета партии за 1923 год сообщалось, что в Бокаревской партиячейке преобладают ремесленники, активных работников в партиячейке нет, рядовые члены развиваются слабо, бюро не работает, секретарь партиячейки М.Н. Русаков политически малоразвит и слаб как организатор. В августе 1924 года секретарем партиячейки был избран П.И. Ракитин, сообщалось, что он политически развит и активен. С выбором нового секретаря ячейка заметно оживилась, налажена тесная связь с комсомольцами, с волисполкомом, с кооперацией. Коммунист В.И. Краснов, 27 лет, был переведен на должность заместителя председателя Бежецкого уездного исполкома [91].

При обследовании волостным комитетом партии работы Бокаревской партячейки от 6 февраля 1925 года в отношении карельских деревень указывалось, что местные коммунисты содействовали переводу лечебного пункта из карельской деревни Бережки в село Головское и прикреплению там врача вместо фельдшера. В Горском сельсовете действовала тогда одна изба-читальня в селе Хонеево [92].

Таким образом, в Бережках не осталось ни лечебного пункта, ни фельдшера, которые могли бы обслуживать 13 карельских деревень и село Кошево Корельское.

На заседании бюро Бежецкого волостного комитета партии 4 декабря 1926 года П.И. Ракитин заявил: «У нас будет прореха по сбору недоимки по единому сельскохозяйственному налогу, так как некоторые крестьяне не платят его по три года. Были случаи, что крестьянин может платить, и хозяйство у него хорошее, а налог не платит. К моменту описи его имущества он все вывозит к соседям, и у него ничего не оказывается, описывать нечего. Надо подталкивать крестьян к уплате сельхозналога, пока они богатые, есть лен, скот, имущество, а не дожидаться, когда придется описывать кур и тому подобное» [93].

23 декабря 1926 года Бежецкий уездный комитет партии направил телеграмму секретарю Бежецкого волостного комитета ВКП(б) о неуплате единого сельхозналога. По волости на 1 ноября 1926 года было собрано 24,2% налога, на 15 декабря – 44%. Указывалось, что среди неплательщиков имелись зажиточные хозяйства, к которым волостной исполком применял недостаточные административные меры. Поручалось не позднее 7 января 1927 года обеспечить выполнение налога в полном объеме, а в случае невыполнения бросить в деревни 80% советского аппарата для принудительного взыскания налога и недоимок [94].

Партячейка Бежецкого волостного комитета 12 января 1927 года на своем собрании рассмотрела вопрос о ходе сбора единого сельхозналога. Отмечалось, что на 1 января поступило 64,4% налога вместо планового поступления 80% от общей суммы сбора налога. Для сбора налога в сельсоветы и деревни направлялись уполномоченные волисполкома и волостного комитета партии. На партсобрании отмечалось, что в Богородском сельсовете его председатель к сбору налога подходил не как администратор, а как товарищ, и там налог платят, а жесткие меры много не дадут.

Коммунисты говорили, что много бедняков, а вместе с ними и середняков писали заявления на освобождение от налогов и не платили их, дожидаясь решений сельсоветов, а те затягивали с их разрешением. Уполномоченные нередко неправильно подходили к неплательщикам. Например, начальник волостной милиции Макаров угрозами заставил бедняка зарезать корову, чтобы уплатить налог. Увеличение сбора налогов до 64,4% связано с тем, что в 1925 году 20% крестьянских хозяйств волости было освобождено от них, а в 1926 году платили все, освобожденных не было. Налог упал не на кулака, не на добавочный заработок, а на все деревенские прослойки.

С высылкой уполномоченных в сельсоветы и деревни надо покончить, а надо нажать на сельских исполнителей, отдать под суд хоть одного, который не работает. А то все члены волостного исполкома выезжают в деревни, как сборщики податей, и полгода не выполняют своей работы. На этом собрании было решено взять на особый учет все сильные крестьянские хозяйства волости, имеющие 3 и более голов скота [95].

Таким образом, анализ протоколов собраний Бокаревской партийной ячейки дает возможность говорить о том, что основная работа коммунистами проводилась по сбору единого сельскохозяйственного налога, а также улучшению работы сельскохозяйственных и потребительских кооперативов.

Первые коммунисты-карелы

Первым коммунистом-карелом среди карельского населения Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда стал уроженец деревни Климантино Бокаревской волости Алексей Александрович Волков, 1902 г. р., образование низшее, крестьянин, член РКП(б) с 26 августа 1924 года [96].

В период с 1918-го по 1922 годы, когда карельские деревни еще входили в Сабуровскую волость, Алексей Волков был избран секретарем волостной комсомольской организации. Он сообщал в Бежецкую уездную организацию, что 20 декабря 1920 года выбыли два комсомольца – Дмитрий Бордаков и Иван Михайлов, граждане деревни Климантино. К 1 марта 1921 года в комсомольской организации Сабуровской волости был 21 комсомолец, в том числе одна девушка.

В письме не указывалось, по какой причине выбыли из организации эти два комсомольца, но через 10 лет, в марте 1931 года вся семья Дмитрия Ивановича Бордакова была признана кулацкой и выселена из деревни Климантино в Казахстан.

25 июня 1921 года комсомольская организация Сабуровской волости была переведена из села Сабурово в деревню Климантино, по месту жительства ее секретаря Алексея Волкова. Туда же из Сабурова перевели клуб в дом Ивана Васильевича Волкова с его согласия [97].

Первым коммунистом-карелом в Сулежской партийной ячейке стал Иван Степанович Беляков из деревни Поцеп. Осенью 1925 года в списке увольняемых в бессрочный отпуск красноармейцев Ленинградского военного округа, направленных Бежецким уездным комитетом партии на партийный учет в Сулежскую волостную ячейку РКП(б), находился кандидат в члены партии И.С. Беляков. В направлении указывалось, что он в воинской части вел работу библиотекаря, групповода, поэтому может быть рекомендован на должность председателя волостного крестьянского комитета общественной взаимопомощи.

И.С. Беляков, будущий первый секретарь Карельского окружного комитета партии, встал на партийный учет осенью 1925 года, и уже с 22 января 1926 года вел протоколы заседаний бюро и партийных собраний Сулежской ячейки как технический секретарь [98].

18 февраля 1926 года И.С. Белякова избрали в Сулежский волостной крестьянский комитет общественной взаимопомощи (ККОВ). На бюро волостного комитета партии 27 марта 1926 года рассмотрели заявление о переводе его из кандидатов в члены ВКП(б).

8 июня 1926 года секретарь волостного комитета Н.И. Мельников обратился с письмом в Бежецкий уездный комитет партии, в котором просил сообщить причину неперевода Белякова из кандидатов в члены партии.

В письме Мельников сообщал, что Беляков бедняк, из-за бедности ему пришлось на время работать на стороне маслоделом. С 1922 года Беляков состоит активным членом комсомола, с апреля 1925 года – кандидат в члены ВКП(б). В одно и то же время исполняет ряд общественных обязанностей: председатель ревизионной комиссии Сулежского волисполкома, член Сулежского сельсовета, член комитета рабочего просвещения, а основная его должность – избач. Красноар-

меец, демобилизован в конце 1925 года, в 1926 году с успехом окончил школу-передвижку политграмоты и отнесен ко второй группе. Пользуется авторитетом среди населения, но его больше года не переводят из кандидатов в члены партии [99].

На заседании Сулежского волостного комитета партии 25 января 1927 года был заслушан отчет избача волостной избы-читальни И.С. Белякова. В своем отчете Беляков много говорил о работе со справочной литературой, которую он наладил. Беляков заявил, что его опыт работы со справочной литературой можно передавать в другие избы-читальни и «красные уголки». Коммунисты волости беспокоились, не будет ли нарушена эта работа после его отъезда в Тверь на учебу в совпартшколу.

Дело в том, что еще 28 июля 1926 года на бюро Сулежского волостного комитета партии курсантами Тверской губернской школы были направлены Иван Федорович Бойцов, Иван Степанович Беляков и Владимир Михайлович Кангур [100].

После окончания курсов Беляков домой не вернулся, его направили на работу в Максатихинский райком партии, затем – первым секретарем Рамешковского райкома партии, оттуда – первым секретарем Карельского окружного комитета партии. О дальнейшей судьбе И.С. Белякова я писал в книге «Карельский национальный округ».

5 января 1925 года Сулежская партия приняла кандидатом в члены партии красноармейца Алексея Ивановича Лежушкина из карельской деревни Байки. В 1926 году он перешел жить в деревню Бережки, которая относилась к Горскому сельсовету, поэтому А.И. Лежушкина в 1926 году поставили на учет в Бокаревской партиячейке как кандидата в члены партии. Лишь по истечении двух лет, в январе 1927 года А.И. Лежушкина перевели из кандидатов в члены партии, после чего он в списках Бокаревской партиячейки нигде не значился, скорее всего, он из деревни выехал [101].

Таким образом, до начала создания колхозов в 1931 году коммунистов в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода не оставалось. Колхозы там создавали уполномоченные коммунисты, направленные из района вместе с местными комсомольцами, ставшими в скором времени также членами партии.

Чистки рядов партии

*Коммунисты научились
заставлять крестьян
отдавать хлеб государству.*

В.И. Ленин

Первая чистка рядов партии проводилась в 1921–1922 годах. 27 июля 1921 года в газете «Правда» было опубликовано обращение ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям. Об очистке партии». В обращении ставилась задача освободить партийные ряды от кулаков, мещан из крестьян, обывателей и проявить строгость к советским служащим – выходцам из буржуазии. Также исключить из большевистской партии выходцев из других партий, прежде всего бывших меньшевиков.

С этой целью были созданы губернские и уездные контрольные комиссии, в задачу которых входила чистка партии от чуждых для большевистской партии элементов, борьба со склоками и группировками внутри партии. Коммунисты считали, что особое значение эта задача имеет в условиях НЭПа, так как происходило разложение наименее стойких членов РКП(б). Одни члены партии пытались завести больше скота, покупать сельскохозяйственные машины, нанимать работников в пределах установленных норм. Другие члены партии, находясь при власти, пьянствовали и вели аморальный образ жизни.

Чистка партии проводилась на открытых партийных собраниях, куда допускали беспартийных жителей деревень, которые могли выступать с критикой в отношении отдельных коммунистов. Каждый коммунист предстал перед комиссией из трех человек, клал на стол партбилет и отвечал на вопросы членов комиссии, присутствующих членов партии и беспартийных участников собрания. При признании его «чистым» и незапятнанным коммунисту возвращали партбилет для прохождения перерегистрации.

В результате проведенной чистки к весне 1922 года общая численность членов РКП(б) по стране сократилась с 732 тысяч до 410 тысяч человек. Третья часть исключенных коммунистов считались «ненужными для советской власти элементами», 25% коммунистов исключили за дискредитацию советской власти – шкурничество, карьеризм, пьянство, разложение в быту, буржуазный образ жизни, религиозные убеждения и взяточничество.

На 1 сентября 1922 года по всей Тверской губернии насчитывалось всего 4130 членов и 376 кандидатов в члены РКП(б). За период с 15 сентября 1922 года по 15 марта 1923 года добровольно вышли из партии 63 человека, из них 42 крестьянина. Руководители партячеек объясняли выход из нее крестьян, вступивших в партию во время Гражданской войны или службы в Красной Армии, разобщенностью деревни. Партийные лидеры заявляли, что деревенские коммунисты разбросаны порою до 40 верст друг от друга, они активно заняты своим личным хозяйством, чтобы прокормить семью. Поэтому они не являлись на партийные собрания и учебу, не выполняли партийные указания, постепенно отрываясь от партии большевиков.

За указанный выше период по Тверской губернии были исключены из партии за разные проступки 169 человек, в том числе 76 крестьян. За пьянство исключили 47 членов и кандидатов в члены партии, за нарушение партийной дисциплины – 62 человека [102].

В апреле 1924 года ЦК ВКП(б) направил циркуляр всем низовым структурам, которым запретил принимать заявления от бывших эсеров, меньшевиков, бундовцев и представителей других партий. Исключение делали тем, кто ранее отработал в пользу коммунистов не менее 3 лет или кто имел особые заслуги перед партией большевиков, при этом поручалось принимать таких кандидатов только из числа рабочих.

Кроме зажиточных крестьян деревенскими нэпманами со временем становились советские чиновники из коммунистов. Новоявленных нэпманов из числа коммунистов деревенские жители называли «красными купцами» или сокращенно «краскупами» или «советской буржуазией». Тогда же среди коммунистов возникло новое слово «перерожденец» – тот, кто изменил их идеалам, начав обогащаться.

В сентябре 1924 года из Тверской губернской контрольной комиссии всем секретарям партячеек ВКП(б) под грифом «совершенно секретно» было направлено письмо о «хозяйственном обрастании». В нем указывалось, что среди членов партии большевиков наблюдается улучшение своего личного хозяйства и увеличение личной собственности. Коммунист со значительной собственностью не может быть пролетарски настроенным, его собственный быт влияет на его сознание в сторону сочувствия кулачеству и нэпмановским элементам.

Далее в письме обращали внимание секретарей всех партийных ячеек: «Явление это опасное, грозящее перерождением отдельных членов партии, с этим явлением необходима борьба очень серьезная.

Проверки выявили случаи, когда коммунист строит себе лишний дом на имя брата, свата или имеет на каком-нибудь предприятии частный пай. Он начинает увеличивать на своем дворе количество скотины, далеко превышая нормы требования к его хозяйству.

При этом надо иметь в виду, что к коммунисту-крестьянину отношение должно быть очень осторожным. Крестьянин-коммунист является примером для деревни в ведении хозяйства. Но если у него появляются кулачские замашки, то это позорное явление, и такого товарища надо отдернуть или совсем исключить из партии. Необходимо также обратить внимание на расширяющегося и обзаводящегося хозяйством коммуниста, за счет каких доходов он обрастает, так как случается, что при обрастании страдают общественные доходы».

Обо всех таких подобных явлениях уполномоченный Тверской губернской контрольной комиссии просил сообщать в уездные контрольные комиссии [103].

В 1925–1926 годах проводились местные чистки деревенских партийных ячеек с целью очищения их от кулацких элементов. Тогда были предприняты меры по улучшению ситуации в деревне. Проведена проверка деревенских партийных ячеек, во время которой были отстранены от работы наиболее революционно настроенные местные советские и партийные работники. По некоторым сельсоветам отменили результаты выборов 1924 года и провели повторные выборы без административного нажима. В сельсоветы тогда избрали действительно авторитетных сельских жителей, правда, позднее, во время коллективизации, некоторые из них были признаны «кулаками» и выселены из своих деревень в Сибирь, на Север или в Казахстан.

В тех же 1925–1926 годах несколько отошли от применения репрессивных мер по отношению к недоимщикам по единому сельхозналогу. Коммунисты и комсомольцы перестали активно участвовать в работе по выявлению скрытых объектов обложения налогом. При такой ситуации председатели сельсоветов, волисполкомов, руководители деревенских партячеек растерялись, не зная, как работать дальше, и заняли выжидательную позицию.

На собраниях в партячейках некоторые коммунисты выступали за необходимость возврата чрезвычайных мер к крестьянству, какие были во время Гражданской войны. Со стороны же крестьян сильнее звучал лозунг о создании Крестьянского союза, который власть оценивала как антисоветскую организацию и препятствовала его созданию.

В 1929–1930 годах вновь проводилась тотальная проверка членов ВКП(б) на лояльность к советской власти, многие члены партии были исключены из нее по разным причинам, другие привлекались к уголовной ответственности. Чистка партии была связана не только с внутривнутрипартийными распрями и проблемами, но и с серьезными промахами коммунистов при первых попытках коллективизации крестьянских хозяйств.

По примеру 1921 года были созданы областные, окружные и районные комиссии по чистке партии. Первоначально по всему Советскому Союзу было исключено из партии 174 тысячи коммунистов, но многие подавали апелляции и восстанавливались, в итоге исключенные составили 10,2% от всего состава партии.

18 июня 1929 года проверочная комиссия парторганизации Бежецкой волости Бежецкого уезда в составе председателя Спинова, членов Новикова и Брейдака провела проверку и чистку Горской партячейки. В то время шла реорганизация, создавались районы и округа, но партячейка относилась еще к Бежецкой волости Бежецкого уезда.

На собрании по проведению чистки присутствовало 2 коммуниста, 3 кандидата в члены партии и 52 беспартийных гражданина, в том числе жители из деревни Горка и коммунары коммуны «Красный октябрь». Чистку прошли коммунисты:

- Петр Иванович Ракитин, 1892 г. р., член ВКП(б) с 1918 года, крестьянин-сапожник, председатель коммуны «Красный Октябрь», секретарь Горской партячейки;
- Владимир Александрович Нежкин, 1877 г. р., член ВКП(б) с 1921 года, коммунары коммуны «Красный Октябрь», имел партвызыскание за религиозность жены. Выступившие при этом беспартийные крестьяне говорили, что партия неправильно суется в личную жизнь коммунистов, и выговор Нежкину дали неправильно. Но комиссия рекомендовала ему всеми силами отвлечь жену от религии и вовлечь ее в коммуну.

Чистку прошли кандидаты в члены ВКП(б):

- Федор Михайлович Ермаков, 1897 г. р., прибыл недавно из Сибири, в годы Гражданской войны воевал с Колчаком. Во время чистки партии был служащим, работал начальником станции Подобино Виндаво-Рыбинской железной дороги, одновременно являлся на этой станции избачом;
- Анастасия Ивановна Баркова, 1896 г. р., прибыла в сельсовет беженкой, в Гражданскую войну служила в Красной Армии,

была ранена. Кандидат в члены ВКП(б) с 14 июня 1928 года, крестьянка, домохозяйка. Заведовала детскими яслями, руководила ликвидацией неграмотности населения;

- Арсений Иванович Блинов, 1903 г. р., кандидат в члены ВКП(б) с 15 ноября 1928 года, маляр. На время проведения чистки работал избачом в Горском сельсовете, занимался индивидуальным крестьянским хозяйством, бедняк. Ко времени чистки написал заявление о вступлении в коммуну «Красный Октябрь».

Комиссия по чистке партии всех пятерых посчитала проверенными коммунистами без партийных взысканий, но всем им предложила более активно работать с беднотой и уделять особое внимание организации новых колхозов [104].

Проводилась проверка по чистке членов партии Сулежской партийной ячейки. Чистку прошли 5 коммунистов и 4 кандидата в члены ВКП(б), кроме них на собрании присутствовали 7 комсомольцев и 35 беспартийных жителей. В числе других проверили коммуниста Сергея Тимофеевича Бойцова, 1893 г. р., члена партии с 1924 года, крестьянина-середняка, работал председателем Сулежского волисполкома. В 1924 году именно он враждовал и дрался с другим коммунистом Ивановым из-за делажа имущества из имения Кузьминых-Караваевых в деревне Борисково.

Всех коммунистов Сулежской волости засчитали проверенными членами партии без партийных взысканий, кроме С.Т. Бойцова. За недостаточное руководство волостной организацией ВЛКСМ ему поставили на вид.

15 августа 1929 года были подведены итоги чистки партии. По Бежецкому уезду Тверской губернии проверке подверглись 538 коммунистов и кандидатов в члены партии из 680 человек, подлежащих проверке. Исключили из партии 70 человек, из них добровольно выбыло 15 бывших коммунистов, партийным взысканиям подверглись 74 коммуниста [105].

Письмом Бежецкого окружкома комитета ВКП(б) от 23 декабря 1929 года указывалось, что партийная чистка по Бежецкой окружной партийной организации в основном закончена [106].

В период чистки не только к партийной, но и уголовной ответственности нередко привлекались невиновные коммунисты. Так, 7 января 1930 года бывший секретарь Сулежского волостного комитета пар-

тии Николай Иванович Мельников написал записку ответственному секретарю партколлегии Бежецкой окружной контрольной комиссии Филиппову: «Тов. Филиппов! Второй день нахожусь в милиции, допрос сделали и не освобождают. Думаю, что десятилетний партстаж и десятилетняя общественная и партийная работа ужели только этого и стоят. Выясните, пожалуйста».

На другой день Мельников написал подробное письмо в Бежецкую окружную контрольную комиссию, приложив к нему свой партийный билет. Мельников просил контрольную комиссию больше не считать его членом партии, куда он вступил в самый разгар Гражданской войны в 1919 году. Через четыре дня после вступления в партию он был направлен на фронт против Юденича в район города Луги сначала рядовым связистом, затем – комиссаром команды связи. После окончания Гражданской войны окончил в Петрограде учительский институт.

После демобилизации из рядов Красной Армии вернулся в Бежецкий уезд, где в скором времени был избран секретарем Сулежского волостного комитета партии. Позднее его перевели управляющим Бежецким городским коммунальным трестом.

«На всех должностях, – писал Мельников, – кроме одобрения и хороших отзывов ничего не получал. Почти за 11 лет пребывания в партии не имел ни одного партийного взыскания.

И все награды за участие в боях, за работу, за утерянное здоровье – арест. За что и почему. В городе Бежецке капитально отремонтировали баню, установили дизель на электростанции, город стал освещаться. По постановлению горсовета за перебои в электричестве, которые можно было устранить в течение суток, арестовали главного машиниста и мастеров подстанции, а по приезду из Ленинграда и меня. Сижу под арестом трое суток, не чувствую за собой никакой вины. Простояв в милиции на голом полу две ночи, пришел в выводу, что партбилет надо сдать, так как беспартийному работать лучше. И пусть суд судит, как беспартийного».

Суд оправдал Н.И. Мельникова, 29 мая 1930 года ему вернули партийный билет [107].

Дело Н.И. Мельникова было показательным уроком для тех коммунистов, председателей сельсоветов и волисполкомов, которые постоянно заявляли в вышестоящие партийные организации, что они не знают, как надо работать с бедняками и батраками и чем они отличаются от других крестьян.

В период НЭПа в СССР было сформировано не советское, а партийное государство, в котором партийные аппараты поглотили советы и другие государственные структуры. Созданная политическая система представляла собой централизованную структуру, основу которой составляли партийные комитеты. Деятельность всех советских, профсоюзных, правоохранительных, комсомольских, кооперативных органов находилась под непосредственным контролем соответствующих партийных комитетов.

Нужно тут сказать, что формирование Советского государства на основе партийных ячеек и организаций коммунистов, а не на основе советов, стало одной из основных причин развала Советского Союза в 1990-е годы, после того как коммунистическая партия рухнула. Но это было через 70 лет после объявления новой экономической политики и через 60 лет после создания колхозов.

Глава III

Расслоение крестьянского общества

Ремесла и промыслы в деревне

*Мелкие крестьянские
ремесла и промыслы
представляют собой
типичный мелкобуржуазный
строй.*

В.И. Ленин

К 1927 году крестьянство Тверской губернии, по отчетам советских и партийных органов, расслоилось следующим образом: середняки и зажиточные крестьяне (деревенские нэпманы) – 79,4%, кулаки – 4%, бедняки вместе с батраками, наемными работниками – 16,6% от всех крестьянских хозяйств губернии. В связи с отсутствием надлежащего персонального учета кулаков и зажиточных крестьян в 4% кулацких хозяйств включили по сумме доходов тех крестьян, которые не занимались ростовщицеством и не имели наемных работников сверх установленных советскими законами норм.

Тверская земля по своей скудости не могла сытно накормить деревню и город. Деревенские жители были вынуждены покупать хлеб на рынке, для этого нужны деньги. Их зарабатывали разными способами – одни крестьяне выращивали на продажу скот, другие уходили на промыслы и разные работы в города, третьи в свободное от сельского хозяйства время занимались ремеслами, вплоть до создания мелких промышленных предприятий.

Еще до Октябрьской революции 1917 года в своей работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин назвал домашней промышленностью переработку сырых материалов в крестьянском хозяйстве: домашняя выработка изделий из льна, конопли, дерева и прочих материалов. Но промышленности как профессии в России долгое время не было, весь промысел был неразрывно связан в одно целое с земледелием.

Материал в мелких деревенских мастерских мог принадлежать как заказчику, так и самому ремесленнику, оплату труда которого

проводили деньгами или натурой. Ремесло в значительной степени было распространено в деревнях, служа дополнением крестьянского хозяйства. Значительный процент сельского населения представляли собой специалисты-ремесленники, занимавшиеся выделкой кож, пошивом обуви и одежды, кузнечными работами, окраской домашних тканей, переработкой зерна в муку и другими ремеслами.

На примере скорняков В.И. Ленин показал, что их сначала было мало, но у них работало много наемных рабочих. Научившись ремеслу, эти наемные работники расходились по своим деревням и сами открывали мелкие заведения. Процесс распространения крестьянских промыслов из их старых центров в окрестные селения наблюдался в очень многих случаях.

Так, в числе других развивался кожевенно-сапожный промысел в Кимрах (сюда можно отнести валяльный промысел в Калязине, дегтярный промысел в Максатихе. – А.Г.) и другие. Таким образом, один за другим виды обработки сырья превращались в особые отрасли промышленности. Мелкие крестьянские ремесла и промыслы, по утверждению В.И. Ленина, представляли собой типичный мелкобуржуазный строй, такой же, как и среди мелких земледельцев. Поэтому в мелких крестьянских промыслах, по его утверждению, наблюдались самые явственные зачатки капитализма. Развитие мелких промыслов расширяло спрос на рабочую силу из рядов сельского пролетариата.

На примере мелких промышленных предприятий в деревне Московской губернии В.И. Ленин показал, что у их рабочих, нанятых по найму, было в 2 раза меньше лошадей и коров, в 3 раза меньше овец, чем у крестьян – хозяев предприятий. Если крестьяне – хозяева предприятий не обрабатывали всего 8,7% своих наделов, то наемные рабочие – 35% наделов. Если все наделы земли хозяева предприятий обрабатывали трудом членов своих семей, то рабочие более 21% своих земельных наделов передавали в наем кому-то из односельчан, которые своим скотом и инвентарем обрабатывали их земли на определенных условиях.

В.И. Ленин сделал вывод, что крестьяне-промышленники принадлежали к исправным земледельцам, а нанятые ими рабочие относились к разоренным крестьянам. Занимающиеся сапожным промыслом крестьяне-общинники Кимрской волости находили более выгодным нанимать для обработки своих полей батраков и работниц, приходящих в Кимры из Тверского уезда и соседних местностей [108].

Деревенские умельцы могли при помощи своего опыта и обычных инструментов производить необходимые в крестьянских хозяйствах промышленные товары. Со временем на основе этих деревенских ремесел в России возникали различные направления промышленности. Во время НЭПа основными ремеслами в тверских и бежецких деревнях оставались:

- прядильное и ткацкое ремесла;
- плотницкое и столярное;
- кузнечное;
- скорняжное, сапожное и валяльное;
- печное;
- мельничное и пекарное;
- плетение из лозы, бересты и лыка;
- бондарное и шорничное;
- дегтярный промысел.

На первом месте у большинства крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии, в том числе и проживавших здесь тверских карел, была обработка льна, связанная с ткачеством, шитьем, вязанием, вышиванием и другими ремеслами. Лен также связан с торговлей и выжимкой льняного масла на маслобойнях, которые порою даже считали мелкими промышленными предприятиями в деревне.

За годы революции и Гражданской войны число крестьянских хозяйств, занимавшихся дополнительно различными видами ремесел и промыслов, резко сократился. Если в 1912 году по Тверской губернии ими занимались 76,8% от всех крестьянских хозяйств, то в 1920 году – всего 41%.

Основными видами деятельности всех ремесленников во времена НЭПа по-прежнему оставались земледелие и скотоводство. Ремеслами крестьяне занимались в период после уборки урожая и до весеннего сева. По данным статистики, начиная с 1922 года, около 90% ремесленных и промысловых предприятий, получивших патенты на свою деятельность, были мелкими домашними мастерскими, имевшими от одного до трех наемных работников.

Эти мелкие кустарно-ремесленные предприятия в годы НЭПа обеспечивали население обувью и другими кожаными изделиями на 68%, мукой, крупой и печеным хлебом – на 57%, изделиями деревообработки – свыше 40%, кузнечными изделиями металлообработки – на 25%. Большинство этих предприятий работали на дому, в том числе

сами мастера и наемные работники. Производительность труда в них была в 2 раза выше, чем в государственных предприятиях подобных направлений.

Между хозяином и наемными работниками, как правило, устанавливались добрые деловые отношения. Хозяева помогали наемным работникам в трудные моменты жизни деньгами, семенами, рабочим скотом и сельскохозяйственными машинами. Никакого классового антагонизма в деревне не наблюдалось, несмотря на активное искусственное деление крестьянского общества со стороны коммунистов.

Но с 1928 года политика советской власти на постепенное вытеснение частного капитала сменилась политикой его полной ликвидации. После Октябрьской революции 1917 года одни деревенские ремесленники вступали в коммунистическую партию большевиков. Они вместе с другими коммунистами составляли списки кулаков, в которые включали и своих братьев по цеху – ремесленников с целью выселения их из родных деревень.

Других трудяг-ремесленников, работавших без выходных и отдыха, советская власть разделила на середняков и кулаков. Одних хозяев отнесли к кулакам за то, что они имели доход больше соседей-коммунистов или бедняков-активистов, вторых – за применение узаконенного наемного труда, третьих – за имеющиеся в хозяйствах риги, кузницы, мельницы, маслобойни и другие «мелкие промышленные предприятия», четвертых – за то, что имели много скота или земли. Эти обстоятельства для многих земледельцев-ремесленников стали трагическими, их при коллективизации выслали из родных мест в Сибирь, Казахстан, на Урал и Север, а все нажитое имущество отобрали.

Работа со льном

Лен был одной из основных культур, которая давала достаток и прибыль крестьянской семье. Если крестьянское хозяйство терпело убытки от остальных культур земледелия, то один лен не только перекрывал эти убытки, но и давал прибыль.

У деревенских жителей северных уездов Тверской губернии, к которым относился Бежецкий уезд, была особая любовь и уважение ко льну, который одевал и кормил их. Они носили льняные рубахи, штаны, сарафаны, на столах были льняные скатерти, на окнах льняные

занавески, на кроватях – льняные наволочки и подвески, утирались льняными полотенцами с вышитыми концами. Из льна делали и до сих пор изготавливают вату и бинты, которые исключают заражения больных.

Изделия из льна, убранного и обработанного вручную, отличались мягкостью, свежестью, прочностью, долговечностью и красотой. Они смогли выдержать конкуренцию со стороны английской шерсти, азиатского хлопка, первых синтетических материалов.

Но лен требует напряженного труда и большого терпения. В мае его чаще всего сеяли ручным способом из лукошка, так как сеялок во времена НЭПа было мало. В июне руками пололи сорняки, в августе лен теребили, связывали в снопы, которые ставили в суслоны. Крестьяне знали, что лен надо вытеребить быстро, не дольше 12 дней, чтобы в нем не было основного сорняка – колючего пырея, уколы которого крестьянки и подростки при теревлении испытывали на себе. Ручное теревление льна обеспечивало высокое качество как льноволокна, так и семян, в которых сорняков не наблюдалось.

Потом снопы льна отвозили с поля на гумно, там их молотили и провеивали семена. Льносолону снова отвозили в поле, расстилали под августовские росы, а через месяц поднимали отлежавшуюся тресту. Тресту привозили на гумно или в ригу, там ее мяли, трепали, очищали от костры до получения льноволокна.

Из льноволокна долгими зимними вечерами бабы и девки пряли на расписных прялках нити, из которых потом ткали льняное полотно. Орудиями для прядения было веретено и прялка. Веретено – это гладкая тонкая палочка, суженая к верхнему концу с утолщением на нижнем конце. Длина веретена примерно 25 см, диаметр в средней части 10–12 мм. Прялку в деревне делали из хорошей ели с мощными корнями. Из корня тесали основание прялки, а из ствола саму тонкую прялку с широкой лопастью на конце. На лопасть наносили рисунок, а на основу – резьбу, на какую только был способен мастер.

В долгие зимние вечера собирались деревенские девушки с прялками в нанятой просторной избе и начинали прядь, посматривая на других – чья же пряжа тоньше и кто больше напрял. Пряли, пока не приходили к ним парни с гармошкой, которые рассказывали разные случаи из жизни, пели частушки, хороводились, влюблялись. В это время дома пряли льняную нить их матери и бабушки. В деревне не было ни одной женщины, которая не умела бы прядь нить и ткать холст.

А потом начинали в деревенских избах стучать ткацкие станки до самой весны. Весной расстилали холсты на мартовский снежный наст, от солнца и морозов холст отбеливался. Из него начинали кроить и шить рубахи, сарафаны, занавески, полотенца и другие изделия. Обязательным элементом для карельского мужского и женского костюма был пояс, их делали в достаточном количестве. Карелы считали большим грехом и неприличием ходить без пояса, то есть «распоясаться».

Домашнее ткачество в наших карельских деревнях сохранялось до конца 1950-х годов. Ткали только изо льна, из шерсти не ткали, шерстяные нити использовались для вязания рукавиц, носков, свитеров, безрукавок и других теплых изделий.

Одну необходимую часть льняных семян откладывали на посев, а из оставшихся семян били льняное масло. В деревнях обычно применяли самые простые маслобойки. В толстой липовой или осиновой чурке насквозь выдалбливали прямоугольное отверстие в виде усеченного конуса, сужением вниз. Между двумя плоскими клиньями закладывали холщевый мешочек с льносеменем. Маслобойку устанавливали надежно на двух деревянных плашках, снизу под отверстие подставляли деревянную плоску или алюминиевую миску. Сверху по клинью били большим молотком или кувалдой, масло вытекало в плоску. Назначение более производительных маслобоен и крупорушек выполняли ветряные мельницы.

Плотники и столяры

В карельских деревнях Бежецкого уезда основным видом ремесел была работа с деревом, из которого строили дома, хозяйственные постройки, мебель, одры, телеги, сани, другие транспортные средства, посуду и многое другое. Основными инструментами у плотника и столяра были топор, пила и стамеска с молотком. Топорище изготавливали из сухой березовой плашки с помощью другого топора, ножа и осколка стекла, которым шлифовали топорище. У каждого плотника было до десятка топоров, один из которых – любимый, именно с ним он ходил на строительство домов и построек. Были топоры с кривым топорищем для тесания бревен внутри избы после строительства дома.

Технология строительства деревенского дома для плотника-специалиста была несложной. Сначала ошкуривали бревна с помощью

двуручного струга. Оструганные им бревна заваливали корьем и оставляли сушиться до готовности, чтобы потом от солнца и влаги не появились на бревнах трещины. Деревенский дом, двор, сарай или ригу обычно строила плотницкая бригада из 4–5 плотников, больше не было нужно, чтобы не мешали друг другу. В наших карельских деревнях дома рубили «в угол», вырубая чаши по форме круглого бревна, а не «в лапу», как это делали в других местах. Между бревнами клали боровой мох, собранный в сухом бору, но не на болоте.

В нашей местности в избытке было дерева разных видов: ель, береза, ольха, осина, черемуха, можжевельник. Все виды этих деревьев легко поддаются обработке. Из одних деревьев строят дома и хозяйственные постройки, из других делают мебель, транспортные средства, бочки, посуду и многое другое. Войдя в любую деревенскую избу, можно определить мастерство хозяина, у каждого мастера были свои приемы и свой почерк.

В избе умелого столяра лавки, столы, шкафы, полки, сундуки, табуретки, стулья и другая мебель была изготовлена своими руками. Хозяин дома сам делал ложки, миски, доски для разделки мяса и рыбы, рукоятки для ухватов и сельскохозяйственного инвентаря.

Кузнецы

Во многих деревнях были свои кузницы, без них крестьянину никуда. Кузница обычно стояла при въезде в деревню, на некотором расстоянии от домов. Сруб ее строили из дерева, пол был земляным. Ремесло кузнеца было обычно семейным и передавалось из поколения в поколение. Попастъ в ученики к кузнецу в деревне считалось удачей, так как это ремесло могло прокормить семью во все времена.

В послевоенном детстве я еще мог заходить в последние деревенские кузницы, в которых пахло дровами, углем и каленым железом. Перед началом работы большой и сильный кузнец раскладывал по местам инструменты, железные заготовки и готовые изделия. Потом он дровами разжигал горн, помощник начинал вверх-вниз двигать рукоятку мехов, подавая в горн воздух, а кузнец подкладывал туда древесный или каменный уголь. Стол горна выкладывался из огнеупорного кирпича, а боковые стены его и дымоход – из простого красного кирпича.

В раскаленный уголь кузнец клал железные заготовки большими щипцами, потом вытаскивал раскаленную докрасна заготовку, клал ее на большую наковальню, и начинался перестук большого молота кузнеца с маленьким молотком помощника. Помощник у кузнеца мог быть постоянным, им же мог быть сам заказчик или его сын.

Наковальня стояла на большом дубовом пне, сверху она была плоской, с одной стороны ее торчал рог, а с другой стороны – хвост, с двумя отверстиями: круглым и квадратным. И рог, и хвост нужны для сгибания заготовок и придания им нужной формы. Готовое изделие окуналось в бак с водой, оттуда поднималось облако пара, так его закачивали, чтобы изделие было твердым и крепким.

Без кузнеца в деревне в то время нельзя было обойтись, по любой мелочи обращались к нему. Он мастерил самодельные гвозди из твердой проволоки, дверные петли из металлических пластин, зубья борон, сошники, подковы для лошадей и многое другое.

Скорняки, сапожники и валяльщики

Выделка кож и пошив кожаной обуви были распространены в деревне в годы НЭПа и еще долго после его ликвидации. Кожа из шкур животных нужна была не только для обуви, но и для лошадиной сбруи. Ею обтягивали хомуты и седла, изготавливали уздечки, вожжи и ремни. Для сырья скорняки и сапожники использовали шкуры лошадей, крупного рогатого скота, овец и свиней. Из овчин портные шили в основном шубы, полушубки и тулупы.

Скорняки выделывали меха и кожи известными им способами. Шкуры сначала замачивали, затем разными способами очищали их от мездры и волоса и дубили дубильными веществами – корой дуба, ольхи или ивы. Кроме дубильной кожи мастера своими способами изготавливали сыромятную кожу.

Выделывать кожи умели и сапожники, которые шили из них сапоги – кирзовые из свиной кожи или хромовые из мягкой телячьей кожи. Инструментами у сапожника были сапожные ножи, кривые круглые и ромбовидные шилья, набор деревянных березовых или липовых колодок, сапожные деревянные гвозди, пробойники и нитки. Технология изготовления обуви была непростой, сапожники передавали ее в семье из поколения в поколение.

На подошвы они оставляли самые толстые участки выделанной кожи, их прибавляли к шитым сапогам заостренными деревянными гвоздиками из березового гонта. Для этого сапожник шилом проделывал отверстие в подошве, вставлял в него конусный деревянный гвоздик и забивал его в сапог, натянутый на колодку. Острые концы гвоздя об колодку сплющивались и не ранили ноги, деревянные гвозди служили долго, не боясь влаги.

Кроме сапожников в деревне очень ценился труд мастера-валяльщика или каталя, так как таких мастеров было немного. Они передавали секреты своего мастерства из поколения в поколение, не допуская к нему посторонних глаз. Валяльщики из овечьей шерсти в бане катали валенки. Сначала каталь струной из бараньих кишок разбивал свалявшуюся овечью шерсть, иногда шерсть разбивали отдельные специалисты-шерстобиты. Разбитую пушистую шерсть каталь раскладывал на холстину, мочил ее водой, сминая руками, потом на нее клал прокладку в виде буквы «Г» и соединял края.

Этот будущий валенок каталь варил в банном котле, вынув его, бил колотушкой и валял, разминая изо всех сил. Вытаскивал прокладку, натягивал заготовку на колодку и снова варил ее в котле с водой. Вынув, снова бил заготовку, мял, катал и очищал пемзой, высушенный валенок был готов. Валенки во время НЭПа могли иметь не все члены крестьянской семьи, стоили они дорого, кроме двух килограммов шерсти за одну пару каталь брал с заказчика деньгами за работу. Валенки служили долго, у них подшивали стертые задники и подошвы, и передавали их по наследству.

Бондари

Без бондаря в деревне было не обойтись, так как почти все емкости изготавливались из дерева. Работа бондаря отличалась высоким профессиональным мастерством, терпением и тщательностью, чтобы изготовленные им изделия не протекали. Бондарь делал бочки и шайки от 50 до 200 литров, в которых солили огурцы и грибы, устанавливали на улицах для дождевой воды. Кроме них мастера изготавливали много ведер емкостью 10–12 литров, пивные и квасные жбаны на 1–3 литра, ушаты на 2–6 литров, лоханки разных размеров от 6 до 25 литров емкостью.

Для изготовления всех этих изделий бондарь из толстого елового или соснового кряжа, разделанного на 8 частей, раскалывал по годичным кольцам тонкие доски. Тщательно обрабатывал их, внизу вырезал прорезы для днища и стягивал можжевельновыми обручами. Свой опыт бондарь передавал детям, его мастерство передавалось из поколения в поколение.

Плетение из лозы, бересты и лыка

В нашей местности из ивовых прутьев плели корзинки разных размеров и большие круглые корзины для сбора картофеля. Также делали продолговатые низкие корзины для хранения лука на русской печке и мерды (верши) для ловли рыбы в весенний период. Заготавливали ивовые прутья в конце марта – начале апреля, когда до низменных болотных мест, где растет ива, можно было добраться по твердому насту. Ивовые прутья отмачивали 1–2 дня в деревянных корытах с водой или в пруду и приступали к плетению изделий. Корзинки с крышкой плели также из тонких можжевельновых корней.

В крестьянском обиходе было много изделий из бересты. Легкие короба у коробейников, берестяные футляры на поясе каждого косца для точильного бруса и другие изделия плели из бересты. Наиболее распространенным видом берестяной посуды был цилиндрический туес с крышкой, в котором обычно дети носили в поле косцам и жнецам квас или молоко.

Из бересты плели большие берестяные короба, в которых хранили молоко, сметану, творог, ягоды. Эти короба были для деревенских жителей своего рода термосами, в которых продукты хранились дольше, чем на полках или в посудных шкафах. Надо помнить, что никаких холодильников тогда не было.

Самый древний вид крестьянской обуви – лапти, их тоже плели не только из лыка, но и из бересты. Бересту для плетения заготавливали весной, когда начиналось сокодвижение.

Из лыка чаще всего в деревне плели лапти, плести их умели почти в каждом крестьянском доме. Плетение лаптей считалось легким делом, им занимались в свободное от других работ время. Про пьяного человека, который не был способен что-то делать или ходить, говорили, что он «лыка не вяжет».

Липовое лыко драли весной, пока не распустились листья. Наши предки умели дерево «не обдирать, как липку», а расчетливо сдирать с него часть лыка, чтобы дерево не погубить. Во времена НЭПа лапти стали символом нищеты, бедности и отсталости, к 1930 году они почти полностью вышли из домашнего деревенского обихода.

Мельницы

С хозяев ветряных мельниц во времена НЭПа государство брало гарнцевый сбор за помол муки, который составлял 1–2 кг за перемол одного пуда, или 16 кг зерна.

На все 13 карельских деревень Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии было всего две ветряные мельницы, в Акинихе и Душкове, при ветряной погоде к ним выстраивались очереди. Крылья ветряной мельницы вращались от потоков воздуха, к ним крепился горизонтальный вал с передаточным колесом. Оно передавало движение на вертикальный вал, который крепился к верхнему каменному жернову. Принцип работы жерновов такой же, как и в ручной мельнице.

В то же время почти в каждом карельском доме были ручные мельницы – жернова. Жернова устанавливали обычно в сенях или кладовке, на массивном столе крепили нижний круглый камень-жернов диаметром с полметра. В его середине было отверстие для деревянной оси, на которую устанавливали верхний камень-жернов. В середине верхнего жернова также было отверстие, в которое засыпали зерно. Его плотно обхватывал деревянный обруч с деревянной скобой. В скобу вставляли шест длиной в 2,5 метра, верхний конец которого входил в отверстие бруса, как раз над центром жернова. Брус из толстой доски прибавляли к балкам сеней.

На столе с жерновами делали деревянный короб с лотком, к которому крепили мешок для муки. Правой рукой с помощью шеста вращали верхний жернов, а левой – подсыпали зерно в его отверстие. Со временем муку из короба через лоток ссыпали в мешок.

Я в детстве еще имел возможность крутить жернова и помогать матери молоть муку, их сняли у нас в 1967 году, когда ежемесячно начали платить деньги, а в сельский магазин завозить хлеб.

Дегтярный промысел

Распространенным был дегтярный промысел, которые карельские переселенцы принесли с собой с Карельского перешейка и Приладожья. Тогда в избытке было сырье для него – сосновые пни и береста. Этим промыслом занимались карелы осенью, закончив полевые работы.

В яму закладывались сосновые пни с берестой, сверху яма накрывалась дерном. Яма соединялась с соседней ямой глиняным желобом. Под воздействием малого огня при незначительном доступе воздуха из сырья выгонялся деготь и оседал на дно ямы. Оттуда по желобу деготь стекал в соседнюю яму, где под него подставляли тару.

Потом этот метод заменил более современным – металлическими котлами и казанами. Путем перегонки дегтя и смолы получали другие ценные продукты: скипидар, канифоль, вар. Деготь применялся для смазки осей колес на телегах, одрах и дрогах, для смазки замков и сапог. Им промазывали нижние венцы деревянных срубов от гниения. С помощью дегтя выделывали юфть – кожу для изготовления обуви [109].

Наемные работники

*Крестьяне-промышленники
принадлежат к исправным
земледельцам, а нанятые
ими рабочие относятся
к разоренным крестьянам.*

В.И. Ленин

Кроме бедняков, советская власть в деревне делала опору на наемных работников, называя их «сельским пролетариатом», тем самым отделяя их от крестьян-земледельцев. При анализе отчетов советских и партийных органов можно сделать вывод, что по Бежецкому уезду Тверской губернии их число было незначительным. В 1926 году их количество определялось в пределах 3% к общему числу работоспособных крестьян, в 1927 году – 1,7%, в 1928 году – 1,4% к общему числу крестьян уезда.

Можно сравнить жизнь в деревне наемных крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии во времена расцвета НЭПа в 1927 году с до-революционной жизнью этой категории людей. Тогда экономисты

и статистики сравнивали экономику с 1913 годом, так как во время НЭПа и после него в СССР развитие экономики проводили под лозунгом: «Превзойдем уровень 1913 года!»

В 1913 году действовали следующие расценки на проведение работ наемными работниками:

1. Работник с лошадейю во время весенней вспашки, будучи на своих харчах – 65,7 руб., на хозяйских харчах – 48 руб. в месяц.
2. Рабочему пешему во время сева, будучи на своих харчах – 34,8 руб., на хозяйских харчах – 27 руб. в месяц.
3. Работник пеший во время сенокоса, будучи на своих харчах, зарабатывал в среднем 24,6 руб., на хозяйских харчах – 17,1 руб.
4. Работница во время жатвы, находясь на своих харчах, зарабатывала 30 руб. в месяц, на хозяйских харчах – 23,1 руб.
5. Работник, нанятый на весь летний сезон, с апреля по ноябрь, и находившийся на хозяйском содержании, получал за все время работы в среднем 77,5 руб., а работница за это время получала 46,25 руб.

На рынках северо-восточных городов Тверской губернии – Бежецке, Весьегонске, Красном Холме были следующие цены:

1. Один центнер ржи тогда стоил 6,56 руб., овса – 5,63 руб.
2. Русское топленое масло – 17 коп. за фунт, или 6 руб. за пуд.
3. Белый сушеный гриб – 40 коп. за фунт, или 14 руб. за пуд.
4. Клюква мороженая – 15 коп. за фунт, или 5 руб. 28 коп. за пуд.
5. Мед в бортиках – 10 коп. за фунт, или 5 руб. 28 коп. за пуд.
6. Рябчик, тетерев и куропатка – по 10 коп. за штуку.
7. Заяц вместе со шкурой – 25 коп. за штуку.
8. Кожа конная – 2 руб. 50 коп. за штуку, кожа телячья – 30 коп. за штуку.
9. Севрюга астраханская – 12 коп. за фунт, или 4 руб. 22 коп. за пуд.
10. Осетрина – 20 коп. за фунт, или 7 руб. за пуд.
11. Сазан-маломер и сельдь астраханская – 3 коп. за штуку.
12. Икра паюсная – 60 коп. за фунт, или 21 руб. 12 коп. за пуд.
13. Пара кожаных сапог – 3 руб. 50 коп.
14. Лошадь – 50–80 руб. [110].

Таким образом, дореволюционный наемный работник с лошадейю во время одной весенней вспашки мог заработать деньги на покупку одной лошади. Чтобы полностью обеспечить семью из 6 едоков по

норме 15 пудов на едока в полном объеме покупным хлебом, не имея своего, дореволюционный наемный крестьянин должен был пахать на своей лошади два месяца во время весенней вспашки и один месяц во время осенней вспашки. Но не целый год, как было во времена НЭПа.

Стоимость хлеба на семью из 6 едоков в 1913 году была равна: 90 пудов, или 14,4 центнера при цене 6,56 рубля за центнер = 94,46 рубля.

Зарплата на вспашке в месяц 32,85 руб. × 3 мес. = 98 руб. 55 коп.

До Октябрьской революции 1917 года на месячный заработок на сенокосе наемный деревенский работник мог купить 5,3 центнера ржи или 6,18 центнера овса, то есть *в 4–5 раз больше, чем во время НЭПа*. Кроме хлеба и картофеля, как это было при НЭПе, наемный крестьянин до Октябрьской революции 1917 года мог покупать на заработанные деньги для своего питания мясо, рыбу, масло и другие необходимые продукты.

В 1927–1928 годах, во время расцвета НЭПа, действовали следующие расценки на проведение работ с указанием числа наемных работающих по Бежецкому уезду:

- на полевых и других сельскохозяйственных работах 1960 наемных работников при среднем заработке 11 руб. 24 коп. в месяц;
- наемных рабочих мелких сельских промышленных предприятий – 121 человек при средней месячной зарплате 15 руб. 14 коп.;
- наемных нянь – 3335 человек при средней зарплате 5 руб. в месяц;
- пастухов и прочих наемных работников – 173 человека при средней зарплате 15 руб. 94 коп. в месяц;
- в 1928 году число наемных работников в сельской местности по уезду сократилось до 5274 человек, средняя месячная зарплата взрослого мужчины составляла 19 руб. 40 коп. в месяц, а женщины – 10 руб. 27 коп. в месяц [111].

При этом один центнер ржи на базаре в Бежецке, в зависимости от времени года, стоил от 8,5 до 20 рублей;

- один центнер овса – от 8 до 14 рублей;
- одна лошадь крестьянская среднего качества на базаре в Бежецке в 1927–1928 годах стоила от 150 до 180 рублей;
- одна дойная корова – от 130 до 140 рублей, овца – 13–15 рублей [112].

Всего по состоянию на середину августа 1927 года по Бежецкому уезду насчитывалось 84 775 крестьянских хозяйств и всего 5589 наем-

ных работника в единоличных крестьянских хозяйствах. Это составляло 6,6% от всех крестьянских хозяйств, с учетом даже нетрудоспособных членов семей. Если учитывать, что во многих хозяйствах было по 2 работника и более, то процент крестьянских хозяйств, в которых трудились наемные работники, по уезду составлял менее 3%. Эти хозяйства, в которых работали наемные работники, можно отнести к зажиточным, а хозяев – к деревенским нэпманам.

Процент же самих наемных работников числом 5,6 тысячи человек по Бежецкому уезду к общему числу проживавших крестьян 388,3 тысячи человек в 1927 году составлял 1,4%, а по отношению ко всем трудоспособным крестьянам уезда – 3%.

Чтобы купить лошадь по самой низкой цене, наемному крестьянину во время НЭПа нужно было отработать на сельскохозяйственных работах не 2 месяца, как это было в 1913 году, а 14 месяцев.

Наемный крестьянин во время НЭПа должен был отработать почти целый год, чтобы закупить хлеб по минимальной цене для своей семьи из 6 едоков при годовой норме по 15 пудов на едока:

Стоимость хлеба равна: 14,4 центнера при цене 8 руб. 50 коп. = 122 руб. 40 коп.

Эту сумму он мог заработать: 122,4 руб. : 11 руб. 24 коп. за работу в месяц = 10,9 месяца.

На свой месячный заработок мужчина, будучи наемным работником, в 1927–1928 годах мог купить 1–1,5 центнера ржи или 2 центнера овса, женщина – 0,5–1 центнер ржи или овса.

С учетом действовавших тогда цен на одного едока минимальные месячные потребности в питании в 1927 году составляли:

- хлебные продукты на 2 руб. 67 коп.;
- овощи на 81 коп.;
- мясные продукты на 2 руб. 77 коп.;
- селедка и другие рыбные продукты на 28 коп.;
- молочные продукты на 1 руб. 32 коп.;
- масло, яйца и сахар на 1 руб. 22 коп.;
- соль и чай на 25 коп.;
- табак и спички на 25 коп. [113].

Таким образом, минимальный расход на питание одного едока в семье без учета фруктов, конфет, водки и вина составлял в 1927 году 9 рублей 57 копеек, то есть две месячных зарплаты одной няни или

вся месячная зарплата одной взрослой женщины на наемных работах. Но в каждой семье было по 4–6 едоков, им нужно было продуктов на 40–60 рублей по тем деньгам. Кроме того, нужна была одежда и обувь. Нянями обычно работали девочки-подростки 10–13 лет из бедных семей, до перевода их на работу в поле наравне с взрослыми членами семьи.

Но перечисленные выше данные – это не показатель реальной жизни крестьян, так как процент наемных работников по Бежецкому уезду был сравнительно низок, в пределах 2–3% трудоспособного населения, а их семьи не порывали со своими хозяйствами. В связи с низкими зарплатами по найму и высокими ценами на продукты питания все крестьянские хозяйства, за очень редким исключением, питались продуктами со своих полевых наделов, огорода и своего двора, в том числе и наемные работники, которые, как правило, были сезонными, а не постоянными. Это были не одиночки, а семейные люди, где другие члены семьи занимались сельским хозяйством и направляли детей или жен на подработку к ремесленникам или более зажиточным односельчанам.

Сельскохозяйственная кооперация

Все виды единоличного земледелия проходящие и отживающие.

Из декрета Совнаркома
от 13 февраля 1919 года

Все виды кооперации в Советском государстве после Октябрьской революции 1917 года формировалась преимущественно в сельской местности. Возникшие в 1918 году первые сельскохозяйственные кооперативы до 1922 года входили в систему потребительской кооперации, потом стали самостоятельным ее видом.

Первые сельскохозяйственные кооперативы, в виде коммун, в Бежецком уезде Тверской губернии возникли в 1918 году на базе бывших помещичьих усадеб, которых в уезде до революции 1917 года насчитывалось 239. После революции многие дворяне погибли в годы Гражданской войны и объявленного большевиками «красного террора»,

другие эмигрировали за границу. Оставшиеся по каким-то причинам дворянские семьи разместили в отведенных небольших комнатах в их же бывших имениях.

Сразу же после революции у помещиков отобрали все жилые и нежилые постройки, рабочий и другой скот, сельскохозяйственные машины и орудия, семена и всю домашнюю утварь. Где крестьяне не успели разграбить помещичьи имения и растащить все по домам, их хозяйства перешли сельскохозяйственным коммунарам. В коммуны вступали представители самой бедной части деревни, не желавшие или не умеющие вести свое индивидуальное сельское хозяйство, а также осевшие в деревнях бывшие рабочие, прибывшие из городов.

Коммунары обобществляли свой скот и сельскохозяйственный инвентарь, если их имели. Распределение доходов было не по участию в труде, а по едокам. Члены коммун не имели своего личного подсобного хозяйства. Кроме помещичьей земли, жилых и нежилых построек, скота и инвентаря коммунары получали от государства семена, муку, другие продукты, освобождались от налогов.

В декрете Совнаркома РСФСР от 13 февраля 1919 года говорилось, что необходим переход от единоличных форм пользования землей к товарищеским формам, поэтому на все виды единоличного земледелия следует смотреть, как на проходящие и отживающие виды хозяйствования. Создаваемым на месте бывших частновладельческих, монастырских и церковных хозяйств коммунарам передавались здания, скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь бывших хозяев.

Наемный труд в коммуне воспрещался, но на время запашки, посева, жатвы и других спешных работ коммунары могли привлекать в качестве временных работников лиц, не состоявших членами коммуны. Временные работники могли участвовать в решении дел в коммуне с правом совещательного голоса.

Каждая коммуна была обязана вести культурно-просветительскую работу в соседних деревнях, всеми мерами поддерживать бедноту в ее борьбе против кулаков. Коммуна могла добровольно в любое время прекратить свое существование и ликвидировать дела по решению общего собрания коммунаров [114].

В 1920 году в бывшем имении Гумилевых-Львовых в деревне Слепнево была образована Синьковская коммуна, в основном, жителями деревни Синьково Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда. Ка-

рельская деревня Синьково была образована во время Столыпинской реформы в 1911–1913 годах из 5 семей жителей деревни Поцеп.

В 1920 году в Синьковской коммуне насчитывалось 16 трудоспособных едоков и 15 нетрудоспособных едоков, 118 десятин земли. Коммуна имела 3 лошади, 4 коровы, из сельскохозяйственного инвентаря – 3 плуга и 3 бороны. Кроме жителей деревни Синьково в коммуне трудились крестьяне карельских деревень Акиниха и Поцеп, а также русской деревни Слепнево. Председателем коммуны был назначен житель деревни Акиниха Василий Федорович Румянцев.

В справке Тверского губернского комитета партии указано, что коммуна находилась в Корельской волости Бежецкого уезда, хотя такой волости не существовало. Карельские деревни, в том числе Акиниха, Поцеп и Синьково, в то время относились к Сабуровской волости Бежецкого уезда, а русская деревня Слепнево, где располагалась Синьковская коммуна, тогда относилась к Новской волости Бежецкого уезда [115].

К 1927 году деревня Синьково полностью распалась, так как оставшиеся там жители вернулись в Поцеп, откуда они ранее вышли. Коммуна в Слепневе была до 1929 года, пока ее не преобразовали в сельскохозяйственную артель, а в начале 1931 года во всех деревнях создали колхозы. Среди коммунаров была Анна Ивановна Круглова, которая позднее, в годы Великой Отечественной войны, держала в деревне Поцеп колхоз «За Новый Быт», будучи его председателем.

С введением НЭПа в 1921 году коммуны и другие коллективные хозяйства были менее всего приспособлены к новым условиям хозяйствования. Они объясняли свою неприспособленность к хозяйствованию уходом значительной части коммунаров в города, ослаблением внимания к ним со стороны советской власти, предоставления возможности самим решать свои организационно-хозяйственные задачи. Поэтому с введением НЭП число коммун и других коллективных хозяйств стало сильно сокращаться [116].

О кооперировании крестьянства, как самой важной экономической задаче Советского государства, было заявлено в апреле 1923 года на XII съезде РКП(б). Кооперацию в сельском хозяйстве не надо путать с потребительской кооперацией на селе.

ЦИК и Совнарком СССР 22 августа 1924 года приняли постановление о сельскохозяйственной кооперации. Гражданам, занимающимся сельским хозяйством, вновь предоставлялось право образовывать

кооперативные объединения – товарищества по совместной обработке земли, артели и коммуны. Наименьшее число членов сельскохозяйственного кооперативного объединения не могло быть менее 5 человек.

Проев все доставшееся им от помещиков и помощи государства, к 1924 году члены многих коммун переформировали свои уставы на кооперативные товарищества по совместной обработке земли и стали вновь просить помощи у государства. Им давали семена, рабочий и молочный скот, орудия производства, но чаще всего не впрок. Многие товарищества не развивались, а постепенно приходили в упадок, пока бывшие коммунары не начинали каждый работать на себя, как индивидуальные крестьянские хозяйства.

* * *

Коммуна «Красный Октябрь» в Подобине. К декабрю 1927 года в Бежецкой волости Бежецкого уезда насчитывалось 8 сельскохозяйственных и 5 потребительских кооперативов. В декабре 1927 года жителя деревни Горка Бежецкой волости Бежецкого уезда коммуниста, секретаря Бокаревской партийной ячейки кустаря-сапожника Петра Ивановича Ракитина назначили председателем сельскохозяйственной коммуны, созданной на базе бывшего помещичьего имения Неведомских в Подобине, которую называли сначала «Подобино», а с 1928 года – коммуной «Красный Октябрь».

На собрании коммунистов Бежецкой волости в декабре 1927 года был заслушан отчет секретаря Бокаревской партячейки П.И. Ракитина о своей работе. Акцент был направлен на популяризацию среди местного населения сельскохозяйственного кооператива «Подобино» (позднее названного коммуной «Красный Октябрь». – А.Г.), оказав ему всемерное содействие в объединении и организации. На том собрании секретарь Бокаревской партячейки П.И. Ракитин был назначен председателем сельскохозяйственного кооператива «Подобино», секретарем партячейки вместо него избрали В.Н. Русакова из деревни Гостиница [117].

После образования в июне 1929 года Сонковского района П.И. Ракитина назначили заведующим районным земельным отделом. Но уже в октябре того года в Сонковский районный женский отдел пошло письмо его жены В.Н. Ракитиной от имени женщин коммуны «Красный Октябрь». Она писала, что женщины недовольны руководством коммуной

со стороны нового председателя Нежкина. Упала производительность труда, председатель проявляет бесхозяйственность и зажим критики.

На заседании Сонковского райкома партии от 19 октября того же года слушали вопрос о необходимости возврата П.И. Ракитина обратно в коммуну «Красный Октябрь» в Подобине для работы в ней. Приняли решение оставить вопрос открытым, поручить Ракитину за 2 недели подготовить отчет об итогах осенней кампании 1929 года и план подготовки к весеннему севу 1930 года в районе.

На заседании пленума Сонковского райкома партии 6 декабря 1929 года решили освободить П.И. Ракитина от работы заведующим районным земельным отделом и отпустить обратно в коммуну «Красный Октябрь» председателем Горского колхозного куста [118].

Коммуна «Красный Октябрь» в деревне Подобино Горского сельсовета Бежецкого уезда Тверской губернии, а с 1929 года – Сонковского района Московской области просуществовала около 4 лет с 1927-го по февраль 1931 года, когда она была преобразована в колхоз.

Кооперативное товарищество им. Урицкого. Коммуна имени Урицкого на территории Сулежской волости Бежецкого уезда была образована в 1919 году на базе помещичьего имения Мышенковой с указанием адреса – станция Толстикovo. В 1920 году в коммуне было 42 трудоспособных едока и 45 нетрудоспособных едоков, 220 десятин земли. В коммуне имелось 4 лошади, 8 коров, 1 теленок, 1 овца, из сельскохозяйственного инвентаря – 4 плуга и 4 бороны [119].

С ноября 1923 года коммуна им. Урицкого была преобразована в кооперативное товарищество. Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) были в основном созданы после принятия в 1924 году Положения о них, они, чаще всего, возникали в тех же бывших помещичьих имениях вместо существовавших коммун. Орудия, средства производства и скот, принадлежавшие крестьянам, в ТОЗах не обобществлялись. В единый массив объединялись лишь их земельные наделы, покосы и выгоны.

Члены ТОЗа вели совместную обработку земли, во время которой каждый из них предоставлял свой инвентарь, сельскохозяйственные машины, лошадей и транспортные средства. В конце хозяйственного года владелец средств получал долю дохода, в зависимости не только от количества вложенного им труда, но и от предоставленных им в товарищество средств производства.

22 мая 1925 года на собрании коммунистов Сулежской ячейки был заслушан доклад о состоянии сельскохозяйственного товарищества им. Урицкого его председателя М.Ф. Ульянова. Он сообщил, что собственные средства у товарищества отсутствовали, единственным источником незначительной прибыли являлось молочное производство, без которого товарищество не могло бы существовать. Производственный союз, которому сдали 800 пудов льноволокна, выдал незначительный кредит [120].

Вопрос о сельскохозяйственной кооперации в Сулежской волости был рассмотрен на совещании кооператоров 29 июня 1925 года. Говорилось, что в деревне наряду с потребительской кооперацией необходимо развивать сельскохозяйственную кооперацию. К этому вопросу надо подойти осторожно, изучить опыт районов (сельсоветов), где имеются кооперативные товарищества, коммуны и другие виды сельскохозяйственной кооперации [121].

На территории Сулежской волости действовали тогда два кооперативных товарищества: имени Урицкого и Сулежское товарищество. Оба работали очень слабо, поэтому Сулежский волостной комитет партии летом 1925 года снял с работы членов правления товарищества им. Урицкого Дмитриева и Ульянова как не справившихся с работой. Оставил члена правления Семена Бойцова и направил членом правления члена РКП(б) С.А. Андреева, а третьего члена предложили избрать от беспартийного крестьянства.

Также были сняты с должностей все члены правления Сулежского кооперативного товарищества, введен туда кандидат в члены РКП(б) А. Печенов, а остальных рекомендовали выбрать на месте [122].

10 марта 1926 года инструктор по кооперации Бежецкого уездного комитета партии Зайцев провел обследование кооперативного товарищества им. Урицкого. В акте обследования он указал, что коммуна им. Урицкого возникла в 1919 году на земле бывшего имения помещицы Мышенковой, получила в свое пользование хозяйство с постройками, скотом и засеянными полями. Коммуна существовала до 23 ноября 1923 года, после чего перешла на устав кооперативного сельскохозяйственного товарищества, а фактически самоликвидировалась.

То обстоятельство, что бывшую коммуну продолжают считать коммуной или сельскохозяйственным товариществом, по заявлению инструктора Зайцева, не соответствует действительному положению вещей. Фактически она стала выселком самого обыкновенного типа. К моменту

обследования коммуна состояла из 10 семей, 54 человека. Все они – бывшие крестьяне из окрестных деревень, порвавшие с ними всякую связь. Из коммунаров С.А. Андреев – председатель Сулежского волисполкома, М.Ф. Ульянов – председатель кооперативного товарищества.

Все – бывшие члены коммуны, ни в хозяйственном, ни в бытовом отношении несколько друг от друга не зависят, живут и работают каждый совершенно самостоятельно.

На момент проверки в коммуне находились 11 государственных и 14 личных коров, одна государственная и 6 личных лошадей, а также 2 овцы, 6 свиней и боров-производитель. Коммуна снабжала местное население поросятами, продав за 5 месяцев 1925–1926 гг. больше 100 голов.

Жители окрестных деревень относятся к коммунарам недоброжелательно, прежде всего из-за земли. Коммунары на 54 едока имеют 53 десятины пашни, а жители деревни Малая Щетинка – 35 десятин на 66 едоков, деревни Булычево – 30,5 десятины пашни на 54 едока. После Октябрьской революции жители этих деревень и деревни Гнездово надеялись, что бывшие помещичьи земли отойдут им.

Инструктор уездного комитета партии Зайцев предлагал государственное хозяйство, занимаемое бывшей коммуной им. Урицкого, ликвидировать. Землю передать в постоянное пользование бывшим коммунарам, наделив их по установленной трудовой норме. Излишки земли распределить и закрепить в пользование между необеспеченными землей крестьянами деревень Булычево, Гнездово и Малая Щетинка.

Постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода передать на выкуп бывшим коммунарам с рассрочкой платежа на ряд лет. Причем провести эту передачу как можно скорее, в целях предотвращения строений от дальнейшего разрушения [123].

* * *

Всего в начале 1927 года коллективных хозяйств в Бежецком уезде было 21, из них: 5 коммун, 4 сельскохозяйственных артели и 12 товариществ по общественной обработке земли. Количество семей, объединяемых этими коллективными хозяйствами, по уезду было всего 325, или 0,38% от всех крестьянских хозяйств уезда. На 1 октября 1927 года коллективных хозяйств осталось всего лишь 7, объединявших 144 семьи.

Средний размер землепользования на одно коллективное хозяйство – 116,4 гектара; земельная обеспеченность на 1 едока – 2,17 гектара. За 1927 год было землеустроено 16 коллективных хозяйств, остальные, как вновь возникшие, находились в стадии землеустройства.

По мнению Бежецкого уездного исполкома, хозяйственные успехи колхозов характеризовались следующими данными. Посевная площадь по пяти старым колхозам увеличилась на 24,4%. Урожайность в колхозах, благодаря применению улучшенных способов обработки земли и засеву полей чистосортными семенами, значительно выше средней урожайности единоличных крестьянских хозяйств. Урожайность ржи составила 80–85 пудов с десятины (12,8–13,6 центнера), ячмень – 62–64 пуда, корнеплоды – 1300 пудов.

В деле улучшения продуктивного скота первое место занимала Бежецкая трудовая коммуна, в которой средняя удоинность коров поднялась с 82 пудов (1312 литров) в 1924 году до 184 пудов (2944 литров) в 1927 году. Большинство колхозов имели усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь и сложные сельскохозяйственные машины. 5 колхозов имели 8 тракторов. За 1927 год колхозами было приобретено 3 трактора, 2 дисковых бороны, 3 полусложных молотилки, 3 жнейки, 2 сенокосилки, 2 конных грабель [124].

Эти данные уездный исполком считал достижениями коллективных хозяйств, хотя многие из них к концу года распались.

В 1927 году во всех коммунах и сельскохозяйственных артелях крестьян, имевших 2–3 десятины земли, было 29,6%, имевших по 1–2 десятины земли – 23,2%. Однолошадные крестьяне составляли 81,3% коммунаров и артельщиков, 9,9% их хозяйств имели по 2 лошади. Имели по одной корове 40,2% членов коллективных хозяйств, по 2 коровы – 37,1%, по 3 коровы – 13,9% хозяйств.

В 1927 году в Бежецком уезде, как и по всей Тверской губернии, снизились цены в сравнении с предыдущим 1926 годом:

- на сахар – на 22,2%;
- соль – на 26,4%;
- мыло – на 24,6%;
- ситец – на 7,7%.

Одновременно повысились цены на лен, который являлся главным сельскохозяйственным продуктом, на 17,4% [125].

На 1 ноября 1929 года по образованному недавно Бежецкому округу из 10 районов всего числилось 227 сельскохозяйственных коопе-

ративов, в том числе: 16 коммун, 94 сельхозартели и 117 товариществ по общественной обработке земли.

В только что образованном Сонковском районе в то время было организовано 3 коммуны и 4 сельхозартели, в том числе:

- коммуны «Красный Октябрь» в Подобине, «Вперед» в Литвинове и «Пробуждение»;
- сельхозартели в Слепневе, Бокареве, Пирогове и Ильинская артель «Заря». В секретной справке Бежецкий окружной комитет партии отмечал, что в Сонковском районе бедняцкая часть деревни в ряде случаев не только по инициативе кулака, но и по своей собственной инициативе противодействует проведению коллективизации. А члены профсоюзов в этом районе сами подчас ведут антиколхозную агитацию [126].

По-видимому, к 1 ноября 1929 года еще не определились с конкретными границами районов, поэтому Синьковскую сельскохозяйственную артель в деревне Слепнево, в которую входили жители соседних карельских деревень Акиниха и Поцеп, в отчетах относили не к Бежецкому, а к Сонковскому району.

Многочисленные первые эксперименты советской власти по созданию в деревне коммун, товариществ по совместной обработке земли, сельскохозяйственных артелей оказались неудачными, несмотря на передачу им государством денежных кредитов, скота, семян, сельскохозяйственных орудий и оказания другой помощи.

Потребительская кооперация

Многие сельские потребительские общества при НЭПе замерли, а частники богатеют.

Д.И. Логинов

Декретом Совнаркома РСФСР от 16 марта 1919 года «О потребительских коммунах» за основу создания подобных коммун в сельской местности определили сельскую потребительскую кооперацию. Каждый гражданин данной местности, согласно Декрету, был обязан стать членом потребительской коммуны. К коммунам переходили все изъятые у бывших владельцев и ставшие советскими кооперативные

лавки, магазины, склады, распределительные пункты, без какого-либо изъятия. Права в области заготовок также переходили к потребительским коммунам и их союзам. С целью контроля над их работой в правление коммуны вводились по одному представителю от губернского или уездного продовольственного комитета [127].

По мнению руководителей страны, именно потребительская кооперация должна была стать основой распределения продуктов и товаров в новом советском обществе. 27 января 1920 года вышел декрет Совнаркома РСФСР «Об объединении всех видов кооперативных организаций». Но подобный эксперимент не дал положительных результатов. Действия советских руководителей противоречили основным принципам кооперативного движения. Добровольное вступление в кооперативы заменялось обязательным членством, одному виду кооперации были подчинены все другие виды кооперативов.

Возрождение кооперативов началось со времени провозглашения новой экономической политики (НЭПа). 7 апреля 1921 года Совнарком РСФСР принял декрет «О потребительской кооперации», по которому все граждане данной местности включались в единое потребительское общество. Вернулись к добровольному членству в кооперативах, к практике вступительных взносов и паев, свободному избранию правлений кооперативов. *Одновременно ранее единая кооперация была разделена на сельскохозяйственную, промысловую, кредитную и потребительскую кооперации.*

Потребительским обществам предоставлялось право обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно кустарных и ремесленных изделий и сбыт их. Никакие предметы продовольствия и широкого потребления, предоставляемые населению государством, не могли распределяться среди населения иначе, как через потребительские общества. Единые потребительские общества объединялись в губернские союзы.

С первых дней НЭПа потребительская кооперация рассматривалась руководством Советского государства как один из основных рычагов борьбы с частным капиталом. В своем письме от 9 мая 1921 года Центральный Комитет РКП(б) указывал всем партийным организациям, что задачей кооперации является:

- вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов;
- освободить потребителей и производителей от эксплуатации скупщиков;

- направить главный приток излишков мелкого хозяйства в руки советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста.

В условиях НЭПа государство активно воздействовало на потребительскую кооперацию путем регулирования закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, назначение руководящих кадров, регулирование социального состава кооперации.

* * *

На собрании уполномоченных потребительской кооперации Бежецкого уезда Тверской губернии, проведенном 26 мая 1923 года, были предоставлены некоторые сведения о заготовках сельскохозяйственной продукции. За период с 1 июня 1922 года по 1 мая 1923 года потребительская кооперация уезда, как слаборазвитая, произвела заготовок некоторых видов продукции значительно меньше, чем было продано частниками на рынке:

Продукция	Общества потребителей	Частный рынок
Лен	2,2 тыс. руб.	17,6 тыс. руб.
Кудель	78 руб.	2,1 тыс. руб.
Картофель	1,8 тыс. руб.	27,9 тыс. руб.

Через общества потребителей больше всего заготавливалось от крестьян: ржи, ячменя, овса, масла сливочного, яиц, творога и сметаны – в виде продовольственного налога.

Правления потребительских обществ объясняли недостаточность заготовок продукции, не входящей в список видов продовольственного налога, недоверием крестьян к обществам потребителей, слабостью аппаратов обществ, неспособностью их работников.

При этом цена на хлеб при закупках в потребительских обществах была на 2 рубля за пуд ниже, чем крестьянин мог продать его на рынке. Из-за низкого доверия крестьян по всему Бежецкому уезду за год было собрано аванса на покупку сахара, хлеба и мануфактуры всего 13,9 тысячи рублей. Это случилось потому, что потребительские общества при внесении аванса не называли крестьянам цены, по которым они будут им продавать товары за внесенный аванс [128].

Вел собрание 26 мая 1923 года председатель комиссии уполномоченных от потребительских обществ уезда Дмитрий Иванович Логинов, уроженец деревни Большое Заболотье Константиновской волости Бежецкого уезда. На собрании говорилось, что крестьянин не получает товары и продукты в сельских магазинах потому, что у него нет денег. Он везет на рынок в Бежецк продукты своего хозяйства, продает их, добывает себе деньги и на них в городе покупает товары. Чтобы не посылать его в город с продуктами, надо принимать их на месте, но по настоящим рыночным ценам, а не по низким ценам.

Например, льна от крестьян закуплено совсем немного, большинство льна крестьянин увез на рынок и продал его по более высокой цене, чем предлагало потребительское общество. Крестьянин продавал лен не потребительскому обществу, а частным торговцам потому, что те большей частью ему платили деньгами, а не товарами. Нередко потребительские общества получали товары и продукты в счет уплаты за лен, которые в деревне не пользовались спросом – рис, сукно и другие. Эти товары крестьянам не были нужны, их приходилось продавать, а уже потом на вырученные деньги вести заготовки, в том числе и льна. Кроме того, в потребительских обществах на местах вообще не было специалистов, которые могли бы определить качество и сортность льна.

Одновременно потребительские общества продают свои товары по более высокой цене, чем на рынке, ассортимент товаров мал. Имелись случаи продажи обществами некачественных товаров. А частники нередко скрывали свои истинные доходы, уклонялись от уплаты уравнительного сбора. Это позволяло им продавать свои товары дешевле, чем в обществах, их брали лучше. Поэтому многие сельские потребительские общества замерли и работы не проводили, а частники богатели.

На работе потребительских обществ сильно отражалось быстрое падение курса рубля, так как Тверской губернский союз потребителей отпускал товары по твердой валюте, а сельские общества торговали и отчитывались в советских знаках.

На собрании 26 мая 1923 года во многих выступлениях звучало, что основная задача потребительских обществ – это борьба с частным капиталом [129].

С 1924 года потребительская кооперация Бежецкого уезда стала увеличиваться за счет перехода с обязательного на добровольное членство пайщиков и увеличения суммы кредитов. 19 марта коопера-

тивная комиссия при Бежецком уездном комитете ВКП(б) установила торговую наценку в пределах 5–10% к оптовой цене. При этом наценку на рожь установили 5%, на белую муку – 8%.

Вел заседание комиссии ее председатель, секретарь Бежецкого уездного комитета партии Гурий Андреевич Князев, 1893 г. р., член партии с 1910 года. Членами комиссии были председатель Бежецкого уездного исполкома Алексеев Александр Георгиевич, 1888 г. р., член партии с 1917 года, и председатель правления потребкооперации Барков Павел Андреевич, 1883 г. р., член партии с 1919 года. Д.И. Логинов в то время работал председателем Тверского губернского комитета потребсоюза [130].

22 октября 1924 года состоялось первое собрание потребительских кооператоров Сулежской волости Бежецкого уезда, на нем присутствовало 18 человек от 9 кооперативных организаций, в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода тогда членов-пайщиков потребительских кооперативов еще не было. С докладом выступал председатель волисполкома Николай Фролович Бойцов, назначенный на эту должность в конце сентября, до него председателем Сулежского волисполкома работал Андреев [131].

В 1925 году на территории, заселенной карелами, была организована Карело-Кошевская торгово-заготовительная кооперация, которую возглавил уроженец и житель деревни Климантино Бокаревской (в те годы Бежецкой. – А.Г.) волости Алексей Александрович Волков, 1902 г. р., образование низшее, крестьянин, член ВКП(б) с 26 августа 1924 года [132].

Торгово-заготовительная кооперация, созданная А.А. Волковым, постепенно расширялась за счет увеличения числа членов-пайщиков, обзавелась магазином в селе Карело-Кошево и складскими помещениями. Эта кооперация тогда была примером не только в Бежецкой волости, но и в других волостях Бежецкого уезда.

Случилось так, что членами-пайщиками Карело-Кошевской торгово-заготовительной кооперации были крестьяне 6 карельских деревень, входящих в Сулежскую волость, и 7 карельских деревень, входящих в Бежецкую волость. Поэтому свои отчеты о работе этой кооперации писали как коммунисты Бокаревской партячейки Бежецкой волости, так и партячейка Сулежской волости.

11 января 1926 года на собрании Сулежской волостной партячейки был рассмотрен вопрос о потребительской кооперации, указывалось,

что на 1 октября в Сулежской волости насчитывалось 1050 членопайщиков потребительской кооперации, к 31 декабря 1925 года их число увеличилось до 1450 членов. Это означало, что 40% личных хозяйств волости были кооперированными [133].

9 марта 1926 года на собрании Бокаревской партийной ячейки, проходившем в деревне Бережки, был заслушан отчет председателя правления кооперации А.А. Волкова. Отметили, что торговые обороты растут, но среди членопайщиков есть должники. Постепенно увеличивался товарооборот, цены не дороже, чем на рынке в городе Бежецке. Членам-пайщикам была установлена скидка в 5% от стоимости товара.

22 августа вновь заслушивали А.А. Волкова о работе кооператива на партсобрании Бокаревской партийной ячейки, где он состоял на учете. Было заявлено, что если на 1 октября 1925 года в кооперативе было 1160 рублей средств, то к августу 1926 года – 4058 рублей. Кооперировано 282 двора из имеющихся на территории кооперации 642 дворов. В 1926 году кооперация заготовила сельскохозяйственных продуктов у населения на 30,6 тысячи рублей, примерно на такую же сумму закуплено товаров. Членам-пайщикам продано товаров на 12 тысяч рублей, не членам кооперации – на 18,1 тысячи рублей. На территории кооперации кроме 501 двора в карельских деревнях был еще 141 двор в русских деревнях Гостиницы, Заболотье, Подобино и Слепнево.

В кооперации была установлена торговая надбавка к себестоимости товаров – 12%, к закупленным товарам – 15%, валовой прибыли в 1926 году получено 5,7 тысячи рублей, чистой прибыли – 1632 рубля. А. Волков предлагал исключить скидку для членопайщиков, разъясняя им, что цена на товары тогда уменьшится.

На партийном собрании решили, что Карело-Кошевская торгово-заготовительная кооперация дала положительные результаты. Но при закупке сельскохозяйственной продукции не обращалось внимание на ее качество, например, хлеб закупался у крестьян разного сорта, но по одной цене. Волков допускал ошибки в отчетности, на что тот возразил, что ошибок не было, если даже на все 13 карельских селений он учел одного кулака как середняка [134].

На 10 августа 1927 года на кооперирование бедноты Карело-Кошевскому торгово-заготовительному кооперативу было передано 80 рублей. Всего по Бежецкой волости отпущено средств на создание 12 подобных кооперативов.

19 ноября 1927 года коммунисты Бокаревской партийкеи вновь заслушали доклад председателя правления Карело-Кошевского торгово-заготовительного кооператива А.А. Волкова за прошедший год. Тот отметил, что паевой взнос был увеличен, за год принято 50 членов-пайщиков из числа бедноты, но произошел упадок торговли. Он связан с сокращением одного приказчика (в нашей местности карелы называли продавцов приказчиками до начала 1980-х годов. – А.Г.), их осталось двое. За год продали товара на 49 тысяч рублей, или 98% к намеченному плану. Средняя продажа составляла 160 рублей на одного покупателя, товар лежал в магазине в среднем 19 дней, что можно считать нормальным, оборот товара – 12 раз за год. Расходы на содержание правления и культурно-просветительскую работу среди населения по нормативу установлены 8% от доходов, фактически по кооперативу – 7,3% [135].

Председатель Карело-Кошевской торгово-заготовительной кооперации А.А. Волков был направлен для передачи опыта и организации подобной кооперации в село Градницы Новской волости Бежецкого уезда.

По Бежецкому уезду пай на одного пайщика составлял на 1 октября 1926 года 3 руб. 45 коп., на 1 октября 1927 года – 3 руб. 77 коп. К концу 1927 года пайщики не выплатили более одного рубля на каждый пай. На собраниях членов-пайщиков крестьяне говорили, что частные магазины и лавки никаких паев не собирают, а товаров у них сколько угодно и чего угодно. Они разрешают смотреть на товар и его оценить, а не дают тот, который хочет передать продавец в кооперативной лавке. У частника нет счетоводов, председателей, заведующих и сторожей, поэтому товары у них дешевле и качественнее [136].

Осенью 1930 года на общих районных собраниях представителей кооперативов было решено объединить все кооперативы, находящиеся на территории районов, в районное потребительское общество (райпо). В числе других было создано райпо Сонковского района Московской области, куда вошла и Карело-Кошевская торгово-заготовительная кооперация в качестве сельпо [137].

Большинство бывших торгово-заготовительных кооперативов в системе райпотребсоюзов стали сельскими потребительскими обществами (сельпо).

Опора советской власти на бедноту

*Партийным комитетам
содействовать
в выдвижении малоимущих
крестьян на советские
посты.*

Из стенограммы
XIII съезда РКП(б)

Большевики искусственно разделили крестьянство на три класса: *бедняки, середняки и кулаки*. Они считали бедняка союзником советской власти, а кулака – врагом советской власти, заявляя, что середняка надо приближать на свою сторону. Но в деревне каких-либо бытовых отличий от бедняка кулак не имел. Зажиточный крестьянин, названный «кулаком», имел более добротную избу, крепкие хозяйственные постройки, что-то из сельскохозяйственных машин и инвентарь. Он несколько лучше других односельчан одевал членов своей семьи, и она лучше питалась.

Советская власть сделала своей опорой не сильного крестьянина, а слабого – бедняка. Эксплуатация человека человеком была провозглашена государственным преступлением. Со временем многие зажиточные крестьяне хотели бы казаться бедней и скромней, чем были до революции, чтобы не оказаться в лагерях или высланными с места постоянного проживания с конфискацией земли и нажитого имущества. С этой целью они делили свое хозяйство на 2–3 отдельных хозяйства для сыновей и других близких родственников.

Многие из деревенских бедняков были возвращенцами из городов, толковые и работающие из них в скором времени выходили на уровень зажиточных крестьян. Другие бедняки становились зажиточными благодаря перераспределению бывшей помещичьей, церковной и монастырской земли и их имущества, а также близких связей с местными руководителями партийных и советских органов, или став председателями сельсоветов и волисполкомов. Основными критериями или мерилем богатства в деревне советская власть определила: *количество десятин земли, голов скота, наличие мелких промышленных предприятий и сельскохозяйственных машин*.

В результате тяжелого материального положения незначительной части безлошадной бедноты развивалось батрачество. Беднякам, ко-

торые не имели своих семян для посева и хлеба для прокормления семьи, приходилось наниматься в работники к зажиточным крестьянам и кустарям. При этом не каждый крестьянин, использовавший наемный труд, чаще всего – сезонный, являлся эксплуататором или кулаком. И далеко не всякий бедняк был тружеником, среди них встречались лодыри и пьяницы, не желавшие заниматься тяжелым сельским трудом.

Свою землю бедняки сдавали в аренду с последующим разделом урожая между ними и арендатором. При этом преобладали скрытые формы аренды, без какой-либо регистрации, поэтому налоги за сданные в аренду участки земли платили сдатчики, а не арендаторы. По устной договоренности арендаторы учитывали налоги, выплаченные бедняками, возвращая их.

Одновременно было распространено предоставление беднякам в пользование рабочего скота (лошадей и волов), сельскохозяйственных машин и инвентаря за последующую отработку или долю урожая. За 2 пуда данной в долг ржи бедняк обычно отработывал 5 дней, за передачу лошади для вспашки надела он осенью передавал ее хозяину до 15 пудов (240 кг) хлеба. За посев весной всего своего надела чужой лошастью бедняк осенью передавал ее хозяину до половины полученного урожая.

14 мая 1921 председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин подписал декрет о создании крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (название сократили до ККОВ. – А.Г.). Было поручено образовать эти комитеты при сельсоветах и волисполкомах. Создавать натуральный фонд социального обеспечения, куда направлять конфискованные по суду и в административном порядке продукты питания первой необходимости, а равно бесхозное имущество.

Заместитель народного комиссара по социальной помощи Н. Милютин подготовил и разослал инструкцию о порядке создания денежных и натуральных фондов крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. С целью их создания внутри волости или села, применять самообложение крестьян и сборы. Размеры обложения, порядок взноса определять по постановлениям сельских сходов и волостных съездов комитетов взаимопомощи, которые являлись обязательными для исполнения для всех граждан села или волости.

Уклоняющиеся от взноса самообложения крестьяне привлекались к судебной ответственности, при этом причитающиеся с них по обло-

жению деньги или продукты питания взыскивались принудительно через местные органы власти, сельсоветы, волисполкомы и милицию. Комитеты взаимопомощи были обязаны учитывать все хозяйства, нуждавшиеся в помощи, определять размер и характер этой помощи [138].

В июне 1923 года Бежецкий уездный комитет партии потребовал от всех партячек, чтобы до 1 июля на территории уезда не оставалось ни одного дезертира из Красной Армии. Дезертирство во время весенних полевых работ происходило потому, что оставшиеся дома семьи были бедные и малообеспеченные, им надо было помогать [139].

Многие бедняцкие семьи, которым после Октябрьской революции 1917 года распределили землю по едокам, к 1925 году становились середняками, некоторые из них к 1930 году выбились в зажиточные крестьяне, имели по 2 лошади, 3–4 коровы, и не очень-то желали вступать в коммуны или в колхозы. Протоколы партийных собраний свидетельствуют, что коммунисты были в растерянности, они не знали, как приступить к работе с беднотой, и долго к этой работе не приступали.

Дело в том, что сначала на апрельском пленуме 1925 года ЦК РКП(б) констатировали, что вместе с развитием рыночных отношений в деревне, усилением торговой связи деревни с городом будут укрепляться основные массы середняцких хозяйств. При этом в ближайшие годы будут одновременно расти, с одной стороны, зажиточные слои деревни с выделением капиталистических элементов – кулачества, а на другой стороне будут батраки и деревенские бедняки.

Но уже через несколько месяцев, в декабре 1925 года, XIV съезд РКП(б) поставил перед коммунистами задачу победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом.

Из-за непоследовательной политики государства хлебозаготовительная операция 1925/1926 годов была провалена. Коммунистическое руководство страны перенесло акцент активности коммунистов на работу с беднотой, а не на привлечение в советы авторитетных крестьян.

Но малоэффективная экономическая помощь бедняцким хозяйствам привела к недовольству, как со стороны зажиточных крестьян и середняков, так и со стороны самих бедняков. Зажиточные крестьяне раздражались в связи с чрезмерным вниманием к лодырям и пьяницам, а беднота ожидала большей помощи, в ней сильнее укреплялись иждивенческие настроения. Навязывание бедноте главной роли в

местных органах порождало недоверие к советской власти не только зажиточных крестьян, но и середняков.

В результате прогрессивного налога и нажима на зажиточных крестьян они просто-напросто были вынуждены увольнять наемных работников, отказывать беднякам давать в долг хлеб и семена, передавать в аренду молотилку, лошадь или плуг. В условиях нехватки хлеба ситуация ставила бедняцкие семьи на грань выживания. Бедняки понимали, что помощь от зажиточного соседа придет быстрее, чем от государства, поэтому стали поддерживать обеспеченные хозяйства и превратились, по определению советской власти, в «подкулачников».

Другая часть бедняков покорила власть от безысходности или рассчитывая на ее поддержку. Но этой поддержки не было, так как все бывшее помещичье имущество было разграблено, разделено и проедено, а у сельсоветов не было никаких средств не только для помощи беднякам, но и для ведения всей хозяйственной деятельности на местах.

В мае 1926 года Бежецкий уездный комитет партии обобщил работу коммунистов среди бедноты. В отчете указано, что работа среди них только начиналась, поэтому необходимо выявить действительно бедняцкие хозяйства. При обсуждении этого вопроса на волостных партийных собраниях высказывалось опасение, как бы не посорить середняка с бедняком. Поэтому к вопросу предоставления лучших земельных участков бедноте при намеченном землеустройстве надо было подойти серьезно и осторожно.

На собраниях бедняки говорили, что советская власть им все равно не поможет, потому что у нее нет средств. Хотя бы освободили от налога, так как им стыдно не платить, на собраниях на них показывают пальцем. *Секретарь Сулежского волостного комитета партии Н.И. Мельников жаловался в Бежецкий уездный комитет партии на отсутствие практических указаний по работе среди бедноты, а у самого волостного комитета ясных представлений о работе среди бедноты нет.*

На деревенских собраниях сами бедняки говорили, что им приходится залезать в долги к зажиточным крестьянам, а потом молчать перед ними. Помощь партии коммунистов остается лишь обещаниями. Даже при сборе единого сельскохозяйственного налога у бедноты описывают вещи, которые потом за бесценок продают богачам. Поэтому бедняк все больше и больше закабаляется. И единства среди самих бедняков нет, а есть рвачество [140].

Постановлением Совнаркома СССР от 29 октября 1926 года было предусмотрено создание фондов кредитования деревенской бедноты. Порядок кредитования деревенской бедноты за счет фондов определялся законодательством союзных республик.

Политика советского правительства, направленная на оказание всемирной помощи маломощным крестьянским хозяйствам, нашла свое отражение в следующих мероприятиях, проведенных по Бежецкому уезду в 1926–1928 годах:

- бесплатно землеустроено было бедняцких хозяйств: в 1926/1927 году – 2371 двор, а в 1927/1928 году – 4587 дворов, причём бедноте при землеустройстве отводилась лучшая земля. Размер скидок бедноте по землеустройству составлял в 1926/1927 году – 15 тысяч рублей, а в 1927/1928 году – 86 тысяч рублей;
- фонд для освобождения бедноты по сельхозналогу, составлявший в 1926/1927 году 36 620 рублей, в 1927/1928 году – 131 тысячу рублей, был увеличен на 1928/1929 год до 176 529 рублей. Освобождено вовсе от налога хозяйств в 1928 году на сумму 26 697 рублей;
- льгот и скидок по государственному страхованию бедноте было предоставлено в 1926/1927 году на сумму 24 100 рублей, при числе хозяйств, которым скидки предоставлены, – 10 183 дворов. В 1927/1928 году размер льготного фонда был увеличен до 55 421 рублей;
- при сельскохозяйственном кредитовании в первую очередь преследовались интересы беднейших хозяйств, что видно из распределения кредитуемых по социальному составу. Так, например, по выборочным данным, на 1 октября 1926 года ссуды беднейшим хозяйствам в процентном отношении к общей сумме ссуд составляли 50,7% и на 1 октября 1927 года – 61,9%;
- бесплатно было отпущено леса беднейшему населению в 1926/1927 году – 232,6 десятины и, кроме того, беднейшим хозяйствам была представлена скидка с таксовой стоимости леса в сумме 23 602 рубля, с увеличением против предыдущего года на 40%;
- за счёт фонда кооперирования бедноты кооперативными союзами в 1927/1928 году было кооперировано по всем видам

- кооперации – 9709 хозяйств, против 7069 хозяйств, кооперированных за предыдущий год;
- фонд помощи детям бедноты, обучавшимся в школах, был увеличен с 300 рублей, отпущенных в 1927/1928 учебном году, до 3700 рублей в текущем году.

Кроме того, из числа не поддающихся точному цифровому учёту льгот и преимуществ для маломощных крестьянских хозяйств нужно отметить:

- рассрочку при покупке сельскохозяйственных машин;
- сниженную плату за обучение;
- посылку бедняков на курорты за счет государства и ряд других льгот, имеющих целью помочь бедноте улучшить свое хозяйство и повысить культурный уровень [141].

В материалах подготовки к XVIII Тверской губернской партийной конференции в 1927 году отмечалось, что общие кредиты в основной массе не попадали в бедняцкие хозяйства, так как губернский сельскохозяйственный банк заставлял кредитные товарищества передавать кредиты в наиболее надежные по платежеспособности хозяйства. Передача кредитов зажиточным хозяйствам была связана с тем, что кредиты были краткосрочными и с большими процентами. Чтобы общие кредиты доходили до бедноты, предлагалось установить их долгосрочными и дешевыми [142].

27 января 1928 года Бежецкий уездный комитет партии направил письма во все волостные партийные организации, в которых выражали обеспокоенность снижением заготовок льноволокна, льносемени, кожсырья. Частники срывали государственные цены, так как низовые сельскохозяйственные кооперативы, состоявшие в основном из бедняков, сдавали заготовленное сырье не государству, а частникам [143].

7 мая 1929 года Бежецкий уездный комитет партии в своих письмах в волостные комитеты указывал, что на поля выходят землеустроители для работ по землеустройству. Лучшие земли предполагалось передавать колхозам и беднякам, поэтому власти остерегались, что кулаки прибегнут ко всем возможным действиям, чтобы помешать организации колхозов и развалу существовавших колхозов. При этом кулачество будет привлекать на свою сторону наиболее авторитетных лиц среди бедняков и середняков.

Коммунисты остерегались, что кулаки будут воздействовать на землеустроителей путем предоставления им квартир и продажи про-

дуктов по более низким ценам. Поэтому за всеми селениями, где будет проводиться землеустройство, поручалось закрепить политически развитых и авторитетных членов партии. Добиваться создания колхозов, чтобы в каждом из них было не менее 20–30 крестьянских хозяйств, с наибольшей площадью земли. Чтобы не допускать нарекания со стороны крестьян и распада существовавших колхозов, поручалось не задерживать с оформлением и малых колхозов с 8–10 крестьянскими хозяйствами [144].

За годы НЭПа большинство крестьянских хозяйств поднялись и твердо встали на ноги. Об этом свидетельствуют некоторые цифры по Бежецкому уезду Тверской губернии:

- если к 1924 году число безлошадных бедняков в сравнении с 1920 годом увеличилось в 1,6 раза, то к 1927 году число безлошадников уменьшилось в 2 раза в сравнении с 1924 годом;
- если число крестьянских дворов, не имевших коров, в 1922 году увеличилось в сравнении с 1917 годом в 2,3 раза, то к 1927 году число бескоровных хозяйств уменьшилось в 3 раза в сравнении с 1922 годом;
- если число крестьянских дворов, имевших 2 и более лошадей, в 1922 году уменьшилось в 4,7 раза в сравнении с 1917 годом, то к 1927 году их число увеличилось в 2,2 раза уже в сравнении с 1922 годом;
- если число крестьянских дворов, имевших в 1922 году по 3 и более коров, уменьшилось в сравнении с 1917 годом в 18 раз, то к 1927 году таких хозяйств стало в 9 раз больше в сравнении с 1922 годом.

Но если в 1922/1923 году от натурального продовольственного налога были освобождены всего 3% крестьянских хозяйств, считавшихся бедными, то в 1927 году от единого сельскохозяйственного налога были освобождены 35% крестьянских хозяйств. Когда же стали вести поименный учет бедняков, то в разных сельсоветах и волостях Бежецкого уезда Тверской губернии их вместе с батраками и наемными работниками оказалось в пределах 17–20%, но не 35%. Одновременно с освобождением бедняков от налога ужесточили налоговую политику в отношении зажиточных крестьян.

По Бежецкому уезду в 1926/1927 году было землеустроено 2370 крестьянских дворов, которые власть посчитала бедняцкими хозяйствами. При общем числе по уезду 84 775 крестьянских дворов можно опре-

делить, что в отчет включили 20,1% дворов. По-видимому, в общий список дворов Бежецкий уездный исполком включил все крестьянские хозяйства, в которых были проведены землемерные работы, не разделяя их по признаку доходности. Эти доводы подтверждаются анализом хозяйственных и партийных документов, откуда исходит, что по всей Тверской губернии количество бедняков в 1921 году составляло 30% к общему числу крестьян, в 1923 году – 23,3%, а в 1927 году вместе с батраками и наемными работниками – 17–20%.

Нужно учесть, что Бежецкий уезд считался одним из зажиточных в масштабах области. Этот тезис подтверждается цифрами: по Сулежской волости в 1928 году бедняки составляли 8,7%, а по карельским деревням уезда – в пределах 3,2% от общего числа проживающих крестьян.

Работа коммунистов с беднотой на местах

*Мы должны выделить
бедняцкие группы, чтобы
не облагать их налогом.*

А.Д. Цюрупа

Сулежская волость Бежецкого уезда

Коммунистов Сулежской волости, как и по всей стране, усиленно направляли на работу с беднотой, в связи с этим за 1925 год ими были формально проведены всего 3 собрания с беднотой в деревнях Ежево, Плишкино и Поцеп. На этих собраниях обсуждали вопросы перехода с трехпольной системы обработки полей на многополье, и обработки бросовых полей трактором, купленным на собранные у крестьян деньги в виде средств самообложения. Никаких решений принято не было, например, в бывших удельных деревнях вообще бросовых полей не наблюдалось, а на многополье перейти крестьяне не спешили, исходя из небольших площадей своих наделов.

17 апреля 1925 года на партийном собрании Сулежской ячейки Бежецкого уезда рассматривали вопрос о Крестьянском комитете общественной взаимопомощи, председателем которого был П.Ф. Козлов. Приняли решение о срочном сборе среди крестьян средств самообло-

жения на общественные нужды, прежде всего, на приобретение сельскохозяйственных машин и семян. Также использовать общественную запашку в пользу комитета взаимопомощи [145].

Группы бедноты к 1926 году в волости не были организованы и не работали. При разных советских, партийных и профсоюзных организациях групп бедноты также не было. Помощь некоторым беднякам оказывалась не только за счет комитета крестьянской взаимопомощи, но и за счет налоговых льгот. В 1925–1926 годах освободили от всех налогов на сумму 3035 рублей 40 копеек 360 бедняцких хозяйств по всей Сулежской волости из имевшихся тогда 4156 крестьянских хозяйств, или 8,7% ото всех хозяйств.

Коммунисты волости заявляли, что они так и не усвоили смысл и формы работы среди бедноты. Предлагали Бежецкому уездному комитету партии сообщать о достижениях в работе с бедняками в других волостях, чтобы они поделились опытом [146].

5 января 1927 года на расширенном заседании Сулежского волостного комитета партии в числе других рассматривался вопрос о работе среди бедноты. «Эта работа была связана с перевыборами советов и необходимостью подбора кандидатур из бедняков в советы, чтобы они могли защищать права бедноты, а не зажиточной и кулацкой части крестьянских хозяйств. Зажиточные крестьяне проявляют активность, чтобы пройти в советы и оттолкнуть бедняков». Так говорил в своем докладе представитель Бежецкого уездного комитета партии.

Коммунисты волости говорили о том, что если проводить выборные собрания только с бедняками, то они от себя оттолкнут середняка. О работе с бедняками говорится более года почти на каждом собрании, но никакая работа с ними не проводится из-за большой загруженности партактива. Партийные ячейки учли бедняков по имущественному положению для освобождения от налогов, но работы с ними не вели.

На собрании постановили создать 20 пунктов по работе с бедняками, в том числе: Борисковский район (то есть сельсовет) волости – 5, Сулежский – 5, Плишкинский – 5, Лесоклинский – 2 и Морозовский – 3 пункта. В эти пункты командировать от волостного комитета членов и кандидатов в члены партии для проведения бесед на тему: «Перевыборы советов и задачи бедноты», а также наметить кандидатуры от бедняков по каждому сельсовету [147].

В январе 1927 года состоялись перевыборы в сельсоветы, в них приняли участие 41% избирателей. Участие бедноты в выборах было

активным, хотя в Сулежском районе волости с нею не было проведено ни одного собрания [148].

В связи с перевыборами в советы в 1927 году были составлены списки беспартийного актива Сулежской волости. В карельских деревнях в него вошли:

- Петряйцево – Василий Васильевич Паскин, Дмитрий Иванович Иванов и Василий Васильевич Соколов;
- Поцеп – Николай Дмитриевич Соколов, Василий Петрович Костров и Матвей Чесноков;
- Шейно – Алексей Васильевич Маров;
- Муравьево – Михаил Смирнов и Г.И. Смирнов;
- Байки – Иван Михайлов [149].

Нужно отметить, что в скором времени четверо из этого списка: В.В. Паскин, Д.И. Иванов, Н.Д. Соколов и А.В. Маров будут объявлены кулаками. Н.Д. Соколова из деревни Поцеп и Д.И. Иванова из Петряйцева жители деревень смогли отстоять при условии, что все они подали заявления в колхоз, а семьи Паскина и Марова сослали в Сибирь.

На собрании 24 ноября 1927 года коммунисты говорили, что беднота смотрит на советскую власть, как на дойную корову, которая должна им постоянно что-то давать и давать [150].

2 февраля 1928 года на собрании Сулежской партийной ячейки был рассмотрен вопрос о работе коммунистов среди бедноты. Протокол собрания вел Лебединский, будучи уже вместо Н.И. Мельникова секретарем волостной парторганизации, переведенный туда для укрепления партийных рядов из парторганизации Бежецкой волости. На собрании коммунисты говорили, что никакой работы среди бедноты не проводится. Было решено созвать районное собрание бедноты Сулежского сельсовета.

Собрание бедняков, проживавших на территории сельсовета, состоялось 5 ноября 1928 года, на собрании был один представитель от 6 карельских деревень – Михаил Богданов, пастух из деревни Петряйцево. Он в другой русской деревне имел свою избу, двор, лошадей и корову, семья состояла из 4 человек, из них двое малолетних детей, 4 года работал в деревне Петряйцево пастухом по найму [151].

28 января 1929 года Бежецкий уездный комитет направил письма во все волостные комитеты партии. В нем говорилось, что поступающие сведения о первых результатах перевыборов говорят о промахах в ра-

боте со стороны коммунистов. Важнейшим промахом является обход середняка в предвыборной работе, непривлечение середняцкого актива на предвыборные собрания. В Сулежской волости был взят курс на увеличение процента бедноты, и первые итоги дали 80% бедняков в советы.

На это письмо секретарь Сулежского волостного комитета партии Лебединский 29 января направил срочные телеграммы всем секретарям партийных ячеек волости. В ней он указывал, что собрания бедняков и батраков надо проводить с участием середняцкого актива. Не допускать роста процента бедноты в составе сельсоветов более 50%, установленной партией нормы. Но означенный процент должен быть выдержан, во что бы то ни стало [152].

Выборные собрания проходили не в сельсоветах и волисполкоме, как было ранее, а прямо в деревнях, в них участвовали все те, кому были вручены повестки на выборные собрания. Такие повестки не вручались зажиточным крестьянам, лишенным права голоса, и почему-то жителям старше 50 лет. На собраниях голосование проводили открыто, путем поднятия рук за того или кандидата в делегаты (члены) сельсовета или волостного совета.

По действовавшей тогда Конституции РСФСР в сельские советы избирался один делегат на каждые 100 жителей. Но общее число делегатов должно быть не менее 3 и не более 100. Сельские советы в 1929 году избирались сроком на один год [153].

В своих заявлениях крестьяне нередко указывали на факты явного несправедливого разделения деревни на бедняков и середняков. Так, в заявлении в Бежецкую комиссию по чистке партии в 1929 году крестьянина одной деревни было указано, что он вместе с односельчанином и их женами уезжали на зиму в Москву разносчиками, торговали с корзинками в руках.

У него семья 6 человек, старшему сыну 8 лет, хозяйство имеет избу, сарай и корову, хлеба он намолотил 6 пудов, его хватило на семью всего на 1,5 месяца. Они с женой наняли старуху нянчить их детей, а сами поехали в Москву торговать, чтобы семья не умерла с голоду, но его засчитали середняком и установили единый сельхозналог в сумме 5 руб. 50 копеек.

У его односельчанина, который вместе с ними торговал в Москве, семья 4 человека, имел избу, сарай, амбар, лошадь и корову. Но его хозяйство засчитали бедняцким, хозяина избрали членом сельсовета и полностью освободили от налогов [154].

Активность работы с беднотой в Сулежской волости проявилась с 1929 года, после того, как вместо Н.И. Мельникова секретарем волостного комитета партии стал Григорий Петрович Лебединский, 1900 г. р. крестьянин Бокаревской волости, образование низшее, член ВКП(б) с 26 августа 1924 года [155].

5 января 1929 года провели общее волостное собрание представителей групп бедняков, от карельских деревень на нем не было ни одного представителя. На повторном собрании 26 февраля 1929 года от карел были представители бедняков: Соколов Иван и Костров Василий из Поцепа, Иванов Петр Иванович из Петрайцево и Морев Андрей Петрович из Душкова.

К 1 апреля 1929 года были проведены первые собрания с беднотой в карельских деревнях:

- Байки, приняли участие 13 мужчин и 3 женщины;
- Муравьево, 11 мужчин и 3 женщины;
- Душково, 9 мужчин и одна женщина;
- Петрайцево, 15 мужчин и одна женщина;
- Поцеп, приняли участие 12 мужчин и 2 женщины [156].

На собраниях обсуждались общие вопросы положения в деревне и были избраны представители на совещание групп бедноты Сулежской волости, которое прошло в конце марта 1929 года. Совещание групп бедноты приняло резолюцию: «Заслушав информацию о предстоящей чистке партии от разложившихся и неустойчивых элементов, волостное совещание групп бедноты со своей стороны считает:

- в момент подготовки к чистке партии обсудить на группах бедноты членов партии, потерявших классовое чутье, и немедленно сообщать о них в волостной комитет партии;
- волостное совещание групп бедноты предостерегает всех товарищей батрацко-бедняцкого актива не подпасть под кулацкую агитацию, направленную, как правило, против всех коммунистов;
- пополнять ряды партии более устойчивыми товарищами из батрацко-бедняцкой части деревни» [157].

На 20 апреля 1929 года по Сулежской волости среди 41 члена союза сельхозработников, куда включили пастухов, батраков и служащих, из карел была одна батрачка – 19-летняя Нетрусова Мария Семеновна из деревни Петрайцево, отработавшая к тому времени по найму 6 лет. Других батраков по 6 карельским деревням Сулежского сельсовета не выявили.

В 1929 г. составили новые списки актива, но уже лишь из бедноты и середняков, по карельским деревням волости в него вошли 10 человек, из них 5 человек были определены бедняками и избраны делегатами в Сулежский сельсовет: И.Т. Соколов (Поцеп), Ф.Ф. Травкин (Муравьево), В.В. Соколов и П.И. Иванов (Петряйцево), Я.И. Смирнов (Байки) [158].

Горский сельсовет Бежецкой волости

В 1927 году начали активно выявлять бедняков и в Бежецкой волости Бежецкого уезда, куда относились 7 карельских деревень Карело-Кошевского прихода. В январе по Горскому сельсовету составили списки бедняков, но провели лишь одно собрание в русской деревне Заболотье, в карельских деревнях собраний не проводили. Собрание в Заболотье проводилось с целью рекомендации представителей бедноты в члены сельсоветов, составления списков бедноты для предоставления им льгот по единому сельскохозяйственному налогу.

В деревне Заболотье Горского сельсовета в 1927 году было 60 дворов, 282 жителя, из них безлошадных 18 дворов, население деревни преимущественно бедняцкое, бедняки составляли 30% от числа жителей. Коммунистов в деревне не было, был один комсомолец Архаров, но влияния среди жителей он не имел. На том собрании крестьяне жаловались на начальника волостной милиции Макарова, который говорил, что он выбьет из них «хлебную чахотку», которой страдает беднота, и вытащит «все пёнышки с корешками» [159].

5 апреля 1927 года коммунисты волости рассмотрели вопрос по работе среди бедноты. Выступающему с докладом новому начальнику волостной милиции Лузину, назначенному вместо Макарова, они задавали вопросы, которые остались без ответа: «Нужно ли учитывать всю бедноту или только там, где вызывает необходимость? Есть ли где-нибудь положительные результаты работы среди бедноты? Если бедняки лодыри, нужно ли учитывать ту их часть, которая временно сделалась беднотой?» [160].

Первые сведения о бедняках в карельских деревнях Горского сельсовета появились 13 августа 1928 года:

1. Деревня Горбовец, 32 двора, из них шесть бедняков: Блинов Андрей, Голубев Иван, Михайлова Анна, Петров Сергей, Петров Иван, Чистякова Екатерина.

2. Деревня Гремячиха, 20 дворов – один бедняк Николай Мартовский.
3. Деревня Калиниха, 30 дворов – одна беднячка Киселева Акулина.
4. Деревня Климантино, 32 двора – один бедняк И.М. Елкин.
5. Деревня Терехово, 22 двора – один бедняк В.П. Венедиктов.

В деревне Бережки, 35 дворов, бедняков не выявили. Все бедняки, включенные в списки, были освобождены от уплаты единого сельскохозяйственного налога за год [161].

10 сентября 1928 года член комиссии по обследованию Бежецко-го волостного комитета партии Дубовик обследовал Горскую ячейку ВКП(б) Бежецкой волости. В Горский сельсовет тогда входили 30 селений, в том числе 7 карельских деревень и село Карело-Кошево. В то время секретарь партячейки В.Н. Русаков обучался в губернской совпартшколе, председатель Карело-Кошевского кооператива А.А. Волков был направлен для налаживания работы в Градницы. Вся работа была возложена на председателя коммуны «Красный Октябрь» П.И. Ракина.

Председателем сельсовета работал Бажеев, заведующей почтой в Хонеевской Горке – Пушкин. При проведении собраний по самообложению 4 деревни отказались от его уплаты. В Горском сельсовете имелся торгово-закупочный кооператив с тремя отделениями, молочная артель и опытное поле, но работа с ним не велась.

На территории сельсовета за период с октября 1927 года по сентябрь 1928 года вообще не проводились никаких собраний с беднотой, с беспартийным активом, с женщинами. За отчетный период председатель сельсовета отчитался по своей работе перед избирателями всего в 4 деревнях из 30. Нотариальные действия в сельсовете не велись, хотя в других сельсоветах их вели давно.

Горский сельсовет не стал руководящим органом власти в деревне. Его работа выражалась в сборе единого сельскохозяйственного налога, страховки и других платежей. Бежецкий волостной исполком завалил сельсовет циркулярами, распоряжениями и другими бумагами, которые не исполнялись, а лишь подшивались к делу, отмечалось в справке проверяющего представителя [162].

В карельских деревнях Бежецкого уезда Тверской губернии процесс социального расслоения был выражен слабо. Как и по всей стране, с 1924 года наблюдался общий подъем благосостояния бежецкой дерев-

ни, возрастал вес середняков и зажиточных крестьян. Бедняков не считывали единицы, поэтому их могли записать наперечет, поименно.

Советская власть заявляла, что по стране тогда было 35% бедняков от численности всех крестьян, такую же цифру указывали и в отчетах Бежецкого уездного исполкома. В карельских деревнях Бежецкой волости Бежецкого уезда были определены всего 10 бедняцких хозяйств, Сулежской волости Бежецкого уезда – 5 бедняков да одна батрачка, всего 16 бедняков на 501 карельское крестьянское хозяйство – это всего 3,2% от общего числа крестьянских хозяйств в 13 карельских деревнях.

Кулаки в деревне

*Кулаком является не владелец
имуществом вообще,
а тот, кто ростовщически
эксплуатирует местное
население.*

М.И. Калинин

Слово «кулак» – это не изобретение советской власти, его можно найти в романе И.С. Тургенева «Новь», оно появилось в ходе реализации крестьянской реформы 1861 года, когда началось расслоение среди мужиков. Успешные хозяева могли скупать у сельской общины или у других крестьян участки земли, давать в долг зерно под проценты или за отработку на своем участке, преумножая свои богатства.

В деревне их называли разными словами: *перекупщик, маклак, прасол, сводчик*. Перекупщики разъезжали по деревням, покупали у крестьян скот, зерно, муку, масло, другие продукты и продавали их на рынке по более высокой цене. Маклаки, прасолы (скупщики скота. – А.Г.), сводчики выступали в роли посредников при торговых сделках.

Нередко их люди останавливали крестьянские подводы на подъезде к рынку или базару, предлагали продать им оптом зерно, мясо, рыбу или другие продукты, которые они везли на рынок. Говорили, что сами заклеят тушу теленка или быка, выплатят торговый сбор на рынке. Потом продавали эти товары на рынке по более высокой цене, получая себе барыш. В деревне было явно негативное отношение к истинным кулакам – перекупщикам.

Современники И.С. Тургенева писали, что кулак не любит ни земли, ни хозяйства, ни труда, он любит только деньги. Все у кулака держится на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Капитал ему достался по наследству или добыт неизвестно какими средствами.

Владимир Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» писал: «Кулак – это перекупщик, переторговец, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером». Здесь также имеется в виду, что сам кулак ничего не производил, не пахал, не сеял, не убирал хлеб и не молотил его, никакими ремеслами не занимался.

Руководители Советского государства и коммунистической партии применяли произвольное расширительное толкование понятия «кулак», подводя под него как единичных крестьян-ростовщиков, так и массовый слой зажиточных крестьян. В официальных советских документах не было понятия «деревенские нэпманы», в них зажиточных крестьян называли не иначе как «кулаки», «сельские эксплуататоры», «сельская буржуазия», «нетрудовые хозяйства», «лишенцы». Позднее из всех этих понятий осталось одно определение зажиточного крестьянина – «кулак», независимо от того, занимался крестьянин ростовщичеством, давал хлеб в долг под большие проценты или сам и его семья наживали капитал своим личным трудом.

Руководитель Советского государства В.И. Ленин заявлял, что *кулаком надо считать даже всякого крестьянина, который собрал хлеб своим трудом и даже без применения наемного труда, но прятал хлеб.*

Использование крестьянами наемного труда во время НЭПа допускалось при условии, что все наличные члены хозяйства работали наравне с наемными работниками, и что эту работу самому хозяйству выполнить было невозможно. Право граждан на организацию промышленных и торговых предприятий было закреплено в Гражданском кодексе РСФСР, введенном в действие с 1 января 1923 года.

Всех зажиточных крестьян советская власть называла не иначе как «кулаками», она навязывала всем это понятие и навязывала признание кулака как классового врага, который подлежал ликвидации. Признание кем-либо из оппонентов кулаков зажиточными трудолюбивыми и рачительными крестьянами руководители большевистской партии рассматривали не иначе как «правый уклон» к линии партии.

Советская власть умышленно поделила деревенских жителей на классы, начиная с 1925/1926 годов, введя необлагаемый налогом доход малоимущих крестьян, и одновременно – прогрессивный налог для экономически крепких хозяйств. В печати стали последовательно формировать образа «кулака-миroeда», как злейшего врага социализма. Руководители советского правительства пытались определить критерии класса «кулачества».

Председатель Моссовета *Л.Б. Каменев (Л. Розенфельд)* в 1925 году утверждал, что кулацким является любое хозяйство, имевшее свыше 10 десятин земли, независимо от территории страны и числа едоков в семье.

Секретарь ЦК ВКП(б), отвечавший за работу в деревне, *В.М. Молотов (Скрябин)* в 1927 году заявлял, что к кулакам надо отнести тех крестьян, которые арендуют землю и нанимают работников не на сезон, а на год и более длительные сроки.

Но тогда землю арендовали как середняки, так и бедняки, а середняки нанимали работников как на сезон, так и на более длительный срок.

Председатель Совнаркома *А.И. Рыков* относил к кулацким хозяйствам те, которые хорошо обеспечены и применяют наемный труд, а также владельцев сельских промышленных заведений – мельниц, кузниц, маслобоен, толчей и других.

Председатель ЦИК СССР, деревенский выходец, *М.И. Калинин* говорил, что кулаком является не владелец имущества вообще, а тот, кто ростовщически эксплуатирует местное население, отдает в рост капитал и использует средства под ростовщические проценты. *М.И. Калинин* был ближе всех к истине в понятии слова «кулак».

Ростовщики чаще всего сами не занимались сельским хозяйством, скупка и перепродажа хлеба и скота были их основным занятием. На вырученные обманом, обсчетом или обвесом деньги ростовщик осенью закупал хлеб по низкой цене не только впрок для своей семьи, а набивал им амбары. Весной же продавал хлеб на рынке по высокой цене или давал зерно на семена в долг под большие и неподъемные для крестьян проценты, то есть себе в рост.

В деревне тогда было распространено не денежное, а натуральное ростовщичество. Долг платили хлебом, собственным трудом или услугами. В любой деревне все жители хорошо знали, кто дает хлеб в долг без наживы, а кто сделал это дело для себя промыслом, на котором богатеет. Весной, когда в бедных хозяйствах не оставалось хлеба,

ростовщик давал мешок зерна, чтобы бедняк в августе вернул ему два мешка. Если ростовщик давал зерно на семена, то требовал вернуть ему половину урожая.

Кроме того, ростовщик закупал хлеб по низким государственным ценам у бедных крестьян, которые не имели лошади и не могли везти его на рынок за 20–30 километров. Продавал его на рынке по высоким рыночным ценам, обычно весной, или молот муку и продавал ее в 2 раза дороже, чем стоит зерно.

Таким образом, в годы НЭПа классическими кулаками в деревне оставались перекупщики, которые скупали по деревням скот, хлеб, мясные и молочные продукты и продавали их на рынке по завышенной цене или давали хлеб в долг под большие проценты. Таких истинных кулаков в тверской деревне к 1925 году оставались единицы, не более 1% крестьянских хозяйств.

Многие из них были раскулачены сразу же после Октябрьской революции 1917 года. У них отобрали часть земли, промышленные предприятия, магазины и торговые лавки. Во время продразверстки подчистили все закрома, отобрав запасы хлеба. Им запретили иметь наемную рабочую силу, они не могли заниматься некоторыми ремеслами из-за национализации мельниц, кузниц, маслобоен и других мелких предприятий. Во время НЭПа к 1925 году им возвратили некоторые национализированные предприятия и магазины.

В 1925 году зажиточные крестьяне, имевшие мельницу, маслобойку, стадо скота, давали в долг хлеб и другие продукты бедноте, в основном за отработку долга в летнее время. Постепенно во время НЭПа из маломощных деревенских групп стали появляться новые зажиточные крестьяне. Эта группа постоянно росла, получив название «советские кулаки». К ней относилось большинство деревенских коммунистов, по дешевке покупавших имущество и скот сначала разоренных помещичьих усадеб, а затем – у бедняков.

К классическим кулакам относились перекупщики хлеба, скота и сельскохозяйственных продуктов, а также ростовщики, дававшие хлеб в долг под большие проценты, то есть в рост. *Остальных всех зажиточных крестьян можно было отнести к категории «деревенских нэпманов», но такого понятия при советской власти не было, и до настоящего времени в литературе его нет.*

22 ноября 1926 года была утверждена новая редакция Уголовного Кодекса РСФСР, она вступила в силу с 1 января 1927 года. Начиная с

1927 года все виды скупки и перепродажи стали считать спекуляцией, многих скупщиков привлекли к уголовной ответственности. Это был ответ советской власти на нежелание крестьян продавать хлеб государству по низким закупочным ценам. В декабре 1927 года органы ОГПУ начали проводить массовые аресты частных скупщиков, заготовителей и торговцев.

За спекуляцию предусматривалось наказание от 1 месяца до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества и запретом заниматься частным предпринимательством до 5 лет. В результате судебных решений на треть сократилось число частников, имевших патенты на торговлю.

Нужно отметить, что их судили суды после проведения дознания в персональном порядке и за совершение конкретных действий, нарушающих принятый закон. В то же время, выступая за насилие против кулаков, советская власть во времена НЭПа не допускала их полной экспроприации, так как они надежно вели хозяйство на земле, и значительную часть капиталов накопили своим трудом.

С 1928 года понятие «кулак» было включено в советское законодательство, в котором попытались определить критерии этой группы деревенских жителей. Главный критерий, по которому советская власть стала считать хозяйство кулацким, – применение наемного труда более 70–80 дней в году.

В законе о сельхозналоге на 1928/1929 годы были выделены зажиточные крестьяне, которые должны были выплачивать налог с процентной надбавкой, и кулацкие эксплуататорские хозяйства, которые должны были выплачивать высокий прогрессивный налог. Таким образом, основным критерием отношения к кулакам стало использование труда наемных работников. Но почему же тогда, сезонный наемный труд, как основной критерий понятия «кулак», применялся в коммунах и сельскохозяйственных артелях, которые советская власть считала образцами будущего деревни? Крестьяне об этом хорошо знали, а некоторые бедняки сами нанимались в коммуны на время сева и уборки урожая.

Учитывая, что долгое время других конкретных критериев определения понятия «кулак» так и не было выработано, в 1928 году этот вопрос был передан на усмотрение местных органов советской власти. Местные органы власти относили к кулацким хозяйствам как зажиточные, так и середняцкие крестьянские хозяйства. Они не делали

никакого различия между зажиточными крестьянами, добившимся благополучия своим трудом, и перекупщиками-спекулянтами, пользующимися плодами чужого труда.

В 1928–1929 годах стали активно практиковать индивидуальное обложение налогом крестьянских хозяйств под разными предлогами. Но так как критерии индивидуального обложения законами не были выработаны, на местах его применяли, кому как вздумается. Партийцы и волисполкомы выработывали местные «признаки» для повышенного индивидуального обложения: «имеет лучший племенной скот», «хорошо обрабатывает землю», «отказался от покупки крестьянского займа», «сократил посевную площадь» и другие подобные критерии.

В постановлении Совнаркома СССР от 21 мая 1929 года «О признании кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» к кулацким хозяйствам отнесли:

1. Хозяйство, которое систематически применяет наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах и предприятиях, за исключением случаев применения наемного труда в тех пределах, в которых оно, согласно законодательству о выборах в советы, не влечет за собой лишения избирательных прав.
2. Хозяйство, в котором имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие, при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также если в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя или более поставами.
3. Если хозяйство систематически сдает в наем сложные сельскохозяйственные машины с механическим двигателем.
4. Если хозяйство сдает в наем постоянно или на сезон отдельное оборудованное помещение под жилье или предприятие.
5. Если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

Этот документ советской власти, наряду с другими принятыми документами, был направлен на уничтожение в деревне самостоятельных трудолюбивых хозяев. Основанием для признания кулаком

являлось не только ростовщичество или уровень нетрудовых доходов, а применение наемного труда или наличие мелкого промышленного предприятия, сельскохозяйственных машин с механическими двигателями.

Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР в июне 1929 года была узаконена конфискация имущества крестьян по решению сельского совета за невыплату налоговых платежей. В том же году были определены правовые основания для полной экспроприации кулацких хозяйств по решению органов исполнительной власти за невыполнение государственных повинностей.

Но деревенские жители хорошо отличали кулака-ростовщика от более богатого соседа и относились к зажиточным крестьянам по-доброму, в деревнях было много случаев, когда они защищали их от нападков советской власти. Представители советской власти порою пытались любой ничтожный конфликт превращать в эпизоды классовой борьбы.

Подобный ничтожный конфликт произошел в одной большой деревне Бежецкого округа Московской области в 1929 году. С 1921 года в деревенской школе работала сторожихой М.К. Ильина, а чуть раньше учителями школы стали супруги Николаевы. Некоторое время назад, в годы Гражданской войны, они создали молочный кооператив из нескольких крестьянских хозяйств, но он быстро распался.

Из-за создания учителями Николаевыми в соседней деревне молочной артели отношение к ним со стороны деревенских жителей несколько изменилось в худшую сторону, о чем им говорила сторож школы Ильина. В один из дней, 10 марта 1929 года, Ильина утром не приготовила воды для учеников, налила воду в бак только во время большой перемены. Учителя Николаевы стали добиваться увольнения Ильиной за этот проступок. В конфликт между учителями Николаевыми и сторожихой Ильиной были постепенно втянуты ученики и их родители. Деревня разделилась на две части, большинство было за Ильину, меньшинство – за Николаевых.

1 апреля 1929 года учительница А. Николаева написала письмо своей хорошей знакомой Вассе Вассальевне Васильевой, которая ранее состояла на учете в Плишкинской партячейке Сулежского волостного комитета партии, а к тому времени работала на ответственной должности в Бежецке: «Совсем погибаем. Ильина забирает под свое влияние ребят вместе с родителями. Как кто приезжает, так шесть

человек бегут туда, родители заявляют, что детей учителя колотят книгой и грубо обращаются с ними. Местком тоже сыграл злую штуку за то, что сделано за 10 лет работы, мы осрамлены, опозорены. После этого конфликта лучше ставить вопрос: не лучше ли уйти в сторону от массового расслоения деревни? Гложет зависть к части учительства, которая живет беззаботно.

Ведь вопрос должен разрешиться просто – техническая служащая не выполняет своих обязанностей. Было дано не первое заявление в волостной отдел народного образования, а ее снять никак нельзя. Она и сейчас не хочет работать, в бак воду наливает в большую перемену. В ответ на замечания говорит: «Подите к черту, меня все равно не поймать».

Уехать из деревни, значит, идти по линии наименьшего сопротивления, сдать, быть униженной перед той частью деревни, с которой ведешь борьбу. Васса Васильевна, приеду в Бежецк в понедельник, думаю застать тебя дома, поговорить лично, так много надо рассказать. А. Николаева».

После этого письма Николаевой в волостной отдел народного образования пошла, как было написано, «не совсем официальная справка» за подписью некоего А. Ларионова. В справке Ларионов писал, что второй муж Ильиной был мятежником и расстрелян на Муроме, а она носит фамилию первого мужа. В апреле 1929 года Ильину со сторожей школы уволили, она осталась с двумя нетрудоспособными детьми без средств существования. Соседи, считавшиеся советской властью кулаками, помогали Ильиной одеждой и продуктами питания. Население деревни поднялось на ее защиту, направив три приговора сельской общины в Московский союз рабочих просвещения, их оттуда переслали в Бежецкий уездный союз рабочего просвещения.

4–5 июня 1929 года председатель правления Бежецкого уездного союза рабочих просвещения провел собрание бедноты деревни, где проживали Николаевы и Ильина. На этом собрании выяснилось, что когда в 1928 году судили по ст. 107 УК РСФСР зажиточного крестьянина этой деревни Бойкова, вся беднота встала на его защиту. Она защищала его и на том собрании в июне 1929 года, заявляя дословно следующее: «Советская власть только говорит о бедноте, а когда бедняк придет, так ему хода нет. Нам советская власть ничего не дает, а только с нас тянет. Бойков, кулак, нас кормит и обувает, а вот советская власть что дала? Мы разутые без Бойкова ходим, к нему неправильное отношение власти».

Проводивший собрание председатель правления Бежецкого уездного союза рабочих просвещения Протопопов в своей докладной записке на имя руководства назвал всех выступающих представителей бедноты «подкулачниками», «злостными неплательщиками налогов» и «друзьями лишенцев». Он сообщал, что уездное правление рабочих просвещения от защиты уволенной Ильиной отказывается, так как травля учителей Николаевых проводится группой кулака Бойкова, участницей которой является Ильина.

По Бежецкому уезду это второй случай, когда технические служащие используются в целях травли учителей-общественников, одно дело уже передано прокурору, указывалось в справке Протопопова.

По этому факту была статья в Бежецкой уездной газете, где анонимный автор писал: «В 1928 году Бойков попал под суд по доносу учителя Николаева. Но чего стоила эта история Николаевым! Кулацкой травле пора перегородить не только прямые, но и обходные пути» [163].

* * *

Советская власть навязывала деревенским жителям мысль, что «кулак» и «нэпман» – одно и то же понятие в их неразрывном единстве. *Но я специально и умышленно отделил кулаков-ростовщиков от других зажиточных крестьян, то есть от деревенских нэпманов.* Абсолютное большинство зажиточных крестьян по всем признакам не относились к понятию «кулак-ростовщик». Во многих директивах ЦИК и Совнаркома СССР повторяли указание, чтобы на местах не путали кулаков и зажиточных крестьян, давая понять местным органам власти, что разница между ними есть. Сельское ростовщичество отличалось от обычного тем, что расчет шел не деньгами в рост, а хлебом, трудом и другими услугами. В любой деревне хорошо знали, кто чем живет, кто дает хлеб в долг из сострадания, а кто на этом наживается.

Кулаки, то есть перекупщики, ростовщики, маклаки и прасолы порою нарушали действовавшие законы, их судили суды персонально за конкретные противоправные действия, прежде всего за спекуляцию. Подобное негативное отношение к ним было не только со стороны власти, но и со стороны крестьян, как бедняков, так и середняков. После принятия в 1926 году новой редакции Уголовного Кодекса РСФСР кулаков судили за спекуляцию по статье 107 УК.

Категории зажиточных крестьян, которые относились к деревенским нэпманам, перечислены в следующем параграфе. Они не были преступниками, не нарушали законов, жили честно и достойно своим трудом. Нарушили закон те, кто во время коллективизации отправлял деревенских нэпманов под видом «кулаков», «классовых врагов советской власти» в Сибирь, Казахстан и на Север. Эти властные нарушители понимали, что поступают не по закону, поэтому выслали крестьян с семьями без проведения следствия или дознания, массово, без решения суда, «тройками», и без права и возможности обжалования этого решения. Получилось так, что властью являлись сами нарушители законов, разве такое бывает? Но в истории СССР такое было.

Хотя большевики подвели под слово «кулак» трудолюбивых зажиточных крестьян, как классовых врагов советской власти, но сразу сломать вековые традиции общинности в деревне они не смогли, ломали их силовыми методами с 1918-го по 1931 год, а потом еще до 1938 года. Большинство из раскулаченных крестьян были обычными середняками, которые более активно, чем другие, выступали против коллективизации крестьянских хозяйств. Лишь после принятия Конституции СССР в 1936 году крестьяне, лишённые избирательных прав и оставшиеся в живых, стали равноправными гражданами страны с точки зрения политических прав.

Проблемы «кулаков» государство могло решить экономическим путем. В крайнем случае, при нарушении закона их могли судить судом по закону за спекуляцию или мошенничество, но не признавая «классовым врагом пролетариата», то есть репрессивным путем, по которому пошла советская власть.

Судя по ситуации в крупном Бежецком уезде Тверской губернии, на его территории во время коллективизации в разных сельсоветах и волостях насчитывали «кулаков» в пределах 10–12% от всех крестьянских хозяйств. Но если исходить из вышеперечисленных признаков кулацких хозяйств, фактически по Тверской губернии их было не более 1%. Например, когда персонально составляли списки кулаков по созданному Сонковскому району в 1930 году, их насчитали всего 0,2% от общего числа крестьянских хозяйств. Но раскулачили и выслали из своих хозяйств не менее 10–12% крестьянских хозяйств, или в 10 раз больше, чем числилось кулаков-ростовщиков. В числе раскулаченных было значительно больше зажиточных крестьян и середняков, то есть деревенских нэпманов.

Деревенские нэпманы

*Источник обогащения
деревенской буржуазии –
здоровая, творческая,
действительно
полезная хозяйственная
деятельность.*

В.П. Рябушинский

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова к понятию «нэпман» отнесены частный предприниматель и торговец во времена НЭПа, в то же время «зажиточный хозяин» в словаре указан, как обладающий достатком, состоятельный человек.

Чем же деревенский нэпман, то есть трудолюбивый, старательный, зажиточный крестьянин – «культурный хозяин», отличался от кулака? Тем, что все свое богатство он наживал своим тяжелым трудом и трудом своей семьи, а кулак-ростовщик наживал капитал за счет спекуляции, мошенничества, обмана, обсчета и применения труда наемных работников.

Русский фабрикант В.П. Рябушинский, отец которого с 1869 года, в числе других предприятий, владел бумагопрядильной фабрикой в Вышнем Волочке Тверской губернии, будучи в эмиграции, написал книгу «Русский хозяин», изданную в Париже в 1928 году. Говоря о времени НЭПа в России, он делил всех людей по отношению к собственности на четыре основные группы:

1. Хозяева – работающие, бережливые и деловые люди, организаторы труда, созидатели ценностей, накопители богатств.
2. Святые – бескорыстные, неприхотливые, невзыскательные люди, для них житейские блага не имеют никакого значения.
3. Завистники – люди озлобленные и бесплодные, не требующие дальнейшего пояснения. В России широко известен завистник-обличитель, вечный искатель чужих ошибок и проступков, вздорный, мелочный, придирчивый и всегда бестолковый человек.
4. Неудачники – бесхозяйственные, безалаберные люди, лишенные делового чутья и понимания, бездарные, расточительные, бестолковые и ленивые. Сюда же нужно отнести фантазеров, далеких от жизни теоретиков и наивных мечтателей.

Во время революции, Гражданской войны и НЭПа в СССР, по утверждению Рябушинского, господствовали идеи завистников и неудачников. Возникла новая буржуазия, как в городе, так и в деревне. Городской нэпман наживает капитал главным образом рвачеством, обходом большевистский законов, умением давать взятки, пронырством.

«Другой тип буржуазии возникает в деревне, – писал Рябушинский. Источником ее обогащения – здоровая, творческая, действительно полезная хозяйственная деятельность». Эта группа очень однородная по своему составу – ее пополняет крестьянство, за ней, по утверждению Рябушинского, будущее.

«На двух фронтах бьется деревенская буржуазия против коммунистов – на деловом и на церковном фронте, ибо и сейчас хозяйственный мужик является ревнителем благочестия. В России возрождается не только хозяйская сознательность, но и созревает основательная «теория хозяина» и оправдание собственности. Большевики превратили всю Россию в громадный экономический семинарий, посвященный доказательству правильности идей Маркса и Ленина. Но работа этого семинария воочию доказала значение частной собственности и пользу хозяев» – писал Рябушинский в книге «Русский хозяин».

В.П. Рябушинский утверждал, что хотя дорогую цену платим мы за проверку экономических аксиом, но усваиваем их теперь твердо: *выстрадавшую идею собственности русский народ никогда больше не отдаст.*

После Октябрьской революции большинство из зажиточных крестьян потеряло часть земельных участков, купленных ими ранее за свои деньги и отобранных советской властью. Но в результате накопленных ранее средств, трудолюбия и предприимчивости, в годы НЭПа они сумели приумножить свои капиталы и средства производства. Одни, скупая осенью у односельчан и в соседних деревнях хлеб по одной цене, они хранили его до весны и продавали в 2–3 раза дороже. Также поступали со скотом, когда беднякам или середнякам нечем было платить продналог, и они продавали скот богатым односельчанам.

Другие крестьяне увеличивали посевы хлеба и льна для продажи, всю зиму занимались ремеслами, уходили в города на промыслы, зарабатывали деньги, на которые покупали сельскохозяйственные машины и орудия. Эти машины сдавали в аренду другим крестьянам в счет будущего урожая, продавали изделия своих промыслов на рынке, зарабатывая деньги на питание и одежду своей семье.

В то время помещики и купцы были разорены советской властью, частью погибли в Гражданскую войну и после нее, другие бежали за границу, оставшиеся в большинстве своем стали нищими, так как все земли, дома, постройки и имущество их было конфисковано. Деревенскими нэпманами в первую очередь становились зажиточные крестьяне, которых позднее объявили «кулаками» – врагами советской власти.

До революции 1917 года не считали и не называли «кулаками» тех зажиточных крестьян, которые могли одеть, обуть, прокормить свою семью и иметь запасы хлеба благодаря своему личному труду. О зажиточных крестьянах тогда писали, что хотя они и пользуются наемными работниками, но никаких кулацких черт в них нет, всего они добиваются своим трудом, а не перепродажей продуктов чужого труда.

Но большевики подвели под слово «кулак» идеологическую основу, считая всех зажиточных крестьян «классовыми врагами» советской власти.

Новая экономическая политика ярко выразила расслоение деревенского общества. Во второй половине 1920-х годов зажиточными крестьянами и середняками большевики считали более 65% хозяйств, хотя фактически их было около 80%, а бедняцких хозяйств вместе с батраками и наемными работниками, судя по Тверской губернии, – не более 17–20%.

Каждый трудовой день большинства крестьян начинался с восходом солнца и заканчивался летом затемно, а зимой – поздно вечером. Ни хозяин, ни члены семьи без дела никогда не были.

По утверждению представителей советской власти, около 35% крестьянских хозяйств по стране были признаны бедняцкими, их освободили от продовольственного налога и оказывали помощь хлебом. Большинство тех, кого освобождали от налогов, были середняки, близкие к представителям власти на местах. Бедняком становился тот, кто сидел без дела или имел человеческие пороки, особенно – пьянство. Многие лентяи, голытьба, асоциальные элементы были возвышены и становились опорой советской власти на местах.

Некоторые зажиточные крестьяне, пытаясь уйти от повышенных налогов, дробили свои хозяйства на более мелкие, производя семейные разделы, число которых увеличилось в 2 раза в сравнении с до революционным периодом.

ВЦИК и Совнарком РСФСР декретом от 7 июля 1921 года разрешили каждому гражданину свободно заниматься кустарным промыслом

и организовывать мелко-промышленные предприятия, в которых могли работать до 20 наемных работников, включая надомников. Кустари и владельцы мелкопромышленных предприятий получали право свободно распоряжаться продуктами и изделиями своего производства. При этом мелкопромышленные предприятия, по декрету, не подлежали ни национализации, ни муниципализации.

Основными видами деятельности крестьян оставались земледелие и скотоводство, но многие крестьяне продолжали заниматься на дому бытовым обслуживанием за деньги или продукты: пошив и ремонт одежды и обуви, парикмахерское, бондарное и шорническое дело. Стали или продолжали производить пищевые продукты, запуская мельницы, маслобойни, хлебопекарни, сыроварни, колбасные цеха.

Мельницы, маслобойки, кузницы превращали их хозяев в деревенских промышленников. Некоторые из них были национализированы государством еще до НЭПа, потом возвращены хозяевам после его провозглашения. Благополучие НЭПа покоилось на частной инициативе. Воскресные базары и рынки действовали в каждом городе и поселке, они служили главным источником для горожан, как продуктов питания, так и изделий деревенских ремесленников.

На XI съезде РКП(б), который проходил с 27 марта по 2 апреля 1922 года, в числе других была принята резолюция «*О работе в деревне*». В ней указывалось, что по вопросу об условиях наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли съезд рекомендовал всем работникам отрасли не стесняться излишними формальностями ни того, ни другого явления. Ограничиться изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях.

Говорилось, что необходима практическая помощь делу немедленного увеличения запашки, расширения посевов, увеличения количества сельскохозяйственных продуктов, уменьшения тяжелой нужды крестьянства. При этом надо всеми силами и средствами поддержать и поощрить помощь беднейшей части крестьянства [164].

ВЦИК РСФСР Декретом от 22 мая 1922 года определил основные имущественные права частных лиц. Всем гражданам было предоставлено право организовывать промышленные и торговые предприятия, заниматься дозволенными профессиями и промыслами.

В Гражданском кодексе РСФСР, введенном в действие с 1 января 1923 года, собственность в РСФСР была поделена на государствен-

ную, кооперативную и частную. Предметами частной собственности могли быть:

- строения, торговые и промышленные предприятия, на которых можно было иметь наемных работников в количестве, не превышающем норм, установленных законами;
- орудия и средства производства;
- деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотые и серебряные монеты и иностранная валюта;
- предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления;
- товары, продажа которых не воспрещалась законом;
- всякое имущество, не изъятое из частного оборота.

Частному собственнику принадлежало в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом. Собственник был вправе отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения и требовать от недобросовестного владельца возвращения или возмещения всех доходов, которые он извлек и должен был извлечь за все время владения. Собственник также был вправе требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы они и не были соединены с лишением владения.

Но бывшие собственники, имущество которых было экспроприровано на основании революционного права и перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 года, не имели никакого права требовать возвращения этого имущества. Гражданский кодекс РСФСР отменял Декрет Совнаркома от 16 марта 1922 года о праве истребования предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев. Бесхозное имущество, оставленное бежавшими за границу или убитыми во время Гражданской войны бывшими владельцами, переходило в собственность государства.

Реквизиция имущества у собственников допускалась в порядке, установленном Декретом о реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ, с вознаграждением собственника по средним рыночным ценам к моменту изъятия имущества. Конфискация имущества у собственников допускалась в виде наказания.

Основной фигурой частного сектора в деревне оставался мелкий ремесленник: сапожник, портной, бондарь, шорник, колесник и другие ремесленники. К частному сектору относились мелкие промышленные предприятия и кустарно-ремесленные мастерские: мельницы, кузницы, толчеи, маслобойни, крупорушки и другие.

До 1924 года к деревенским нэпманам советская власть относила крупных торговцев, арендаторов и кулаков, имевших до 20 наемных работников. С 1927 года к ним стали относить владельцев мелких кустарно-ремесленных мастерских с наемными работниками и мелких торговцев, даже без использования наемного труда. Таким образом, проанализировав нормативные акты того времени, можно уверенно заявить, что с 1927 года **к деревенским нэпманам**, под понятием «кулак», советская власть отнесла следующие категории деревенских жителей:

1. Прежде всего, крестьян-земледельцев, которые продавали на рынке свой личный скот, хлеб, льносемя, холсты, другие продукты и товары, в зависимости от полученного ими годового дохода.
2. Деревенских купцов-торговцев, имевших в деревне свои лавки или торговавших с лотков и даже «из корзинки», в зависимости от их годового дохода.
3. Зажиточных крестьян, которые имели более 3 голов скота или нанимали до трех сезонных наемных работников, допустимых законом о выборах. Хотя наемные работники у нэпманов получали жалованье в разы больше, чем они могли заработать в советских сельскохозяйственных коммунах, там их число не было ограничено.
4. Крестьян, которые имели в собственности сложные машины для уборки урожая, молотилки, веялки, сеялки и другие сельскохозяйственные агрегаты без механических двигателей.
5. Крестьян, которые владели мелкими промышленными предприятиями без механических двигателей – маслобойней, крупорушкой, мельницей, кузницей и другими.
6. Деревенских ремесленников – портных, сапожников, бондарей, шорников, валяльщиков, жестянщиков и других, которые нанимали до трех наемных работников, допустимых законом о выборах.

В 1926 году в Тверской области насчитывали 79,4% середняцких и зажиточных хозяйств, при 15,6% бедняцких хозяйств и 5% хозяйств наемных работников и батраков. Благодаря деревенским нэпманам, постепенно поднималась экономика нашей страны. Крестьяне стали проводить частную коммерческую торговлю, продавая продукты, действительно им принадлежавшие, прежде всего хлеб, скот и ремес-

ленные изделия. Что деревенский частник произвел, то и продавал на рынке, ему не было нужды «накручивать» цену для содержания счетовода, председателя кооператива, заведующего складом, сторожа и других нанятых лиц в кооперативе, артели или сельскохозяйственном товариществе. Поэтому товар и продукты у частника были дешевле и качественнее. Советская власть не помогала зажиточным крестьянам и середнякам, помогая лишь бедноте, но и не мешала им в годы НЭПа развиваться и укрепляться.

При НЭПе по деревням продолжали бродить коробейники с большими коробами за плечами со всякой мелочью. Порою короб заменяли плетеные корзинки, говорили, что человек продает товар «в корзинке» или «из корзинки». Ночевали коробейники в избах, куда впускали, иногда в стоге сена или прямо в поле. Некоторые коробейники со временем становились богатыми людьми, заводили в деревне свои лавки или какое-либо другое дело.

Уровень доходов деревенских нэпманов немногим превышал средний доход остальных крестьян на душу населения. Многие из них кроме земледелия дополнительно занимались ремеслами и промыслами, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Другие из них, заработав деньги, покупали сельскохозяйственные машины, лошадей и коров, так как по-прежнему основным видом деятельности крестьян оставалось земледелие.

До 1925 года разрешалось сдавать в аренду участки земли, как правило, сроком до 3 лет. С 1925 года решениями III съезда Советов СССР крестьяне получили право сдавать участки земли в аренду до 2 севооборотов при многополье, а также на срок до 12 лет при трехполье и четырёхполье. На арендуемых землях, как и на надельных, допускалось применение подсобного наемного труда.

Однако крестьяне по-прежнему предпочитали брать в аренду участок земли лишь на один сезон, реже – на один севооборот сроком в 3 года. И сдатчики, и арендаторы не хотели идти на более длительные сроки аренды, чтобы не регистрировать сделку в сельсовете или волисполкоме и не платить налог за арендуемую землю. Крестьяне, сдававшие участок земли в аренду, рассчитывали, что к следующему году они устранят причину сдачи в аренду – отсутствие семян, лошади, плуга или другую причину, и сами начнут обрабатывать этот участок земли.

Таким образом, в жизни деревни распространялась скрытая форма аренды участков земли без регистрации сделки. Крестьяне, как пра-

вило, сдавали в аренду не весь надел, а его часть или даже отдельную полосу. Частый переход арендуемого участка из рук в руки приводил к истощению земли, так как временщики ее не уваживали и не заботились о ее качестве при обработке.

Больше всего сдавали в аренду сенокосные участки, они составляли 80–85% от всей арендуемой земли. Цены за аренду одной десятины сенокоса и пашни были практически одинаковыми. За аренду чаще платили не деньгами, а другими разными способами, прежде всего, рабочей силой. При этом одна десятина арендуемой земли стоила 3 конских поденщины или 9 людских поденщин. Иногда сдатчик земли договаривался с арендатором, что тот будет обрабатывать за него в течение года общественные повинности по ремонту дорог, мостов, изгородей, выгонов и другими работами. Но чаще всего за аренду участка земли договаривались платить частью урожая с арендуемого участка в пределах от 1/3 до половины урожая.

Свои наделы чаще всего сдавали в аренду бедняки, большинство из них были те крестьяне, которые до революции уходили на промыслы в города и там зарабатывали деньги на пропитание семьи. Октябрьская революция заставила их вернуться обратно в деревню, так как дворян, купцов и других богачей прогнали, в городе работы и продуктов не стало. Вернулись они домой, а в хозяйстве ни лошади, ни сохи, ни бороны. Только надел земли, который надо обрабатывать или сдавать в аренду односельчанину. Некоторые бедняки арендовали у односельчан лошадь, соху, чтобы осенью расплатиться зерном нового урожая. Другую категорию бедняков составляли лодыри, пьяницы и другие асоциальные элементы.

Наемными работниками были батраки из беднейших крестьян, которых советская власть называла *сельским пролетариатом*. Одни из них нанимались на работу к зажиточным крестьянам на год, с ноября по ноябрь, или с мая по май. Другие батрачили в зимний сезон с 4 ноября по 6 мая или в летний сезон с 6 мая по 4 ноября. Некоторых батраков нанимали на отдельные виды работ – вывозку навоза, сенокос, тербление льна, уборку зерновых культур и другие работы.

Таким образом, на практике сложилось так, что зажиточные крестьяне арендовали у бедняков участки земли, а бедняки арендовали у них сельскохозяйственные орудия и машины, лошадей, семена на условиях натуральной оплаты хлебом или отработкой.

В апреле 1925 года на XIV партконференции ВКП(б) единый сельскохозяйственный налог для зажиточных крестьян увеличили на 30% в сравнении с другими жителями деревни. Согласно этому решению, налогом облагались доходы не только от земли и рабочего скота, но и на мелкий скот, отходничество, ремесла и другие заработки, не связанные с землей. В 1924–1925 годах зажиточные крестьяне платили налог в 12% от своего общего дохода.

На XIV партконференции ВКП(б) 27–29 апреля 1925 года был поставлен вопрос о сокращении единого сельскохозяйственного налога и более равномерном распределении его в зависимости от доходности хозяйств. Предлагалось исключить из практики взимания налога наложение штрафов на неплательщиков и применение их ареста. После принятия партконференцией названного решения бедноте снизили налог до 2% от дохода, а тем, кого местная власть считала кулаками, налог увеличили до 20–23% от совокупного дохода.

На пленуме ВКП(б) в апреле 1925 года разрешили значительное расширение применения наемного труда в крестьянских хозяйствах ввиду избытка рабочих рук в деревне. На местах поручалось устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле, к развитию крестьянских промыслов, обеспечив их кредитованием и облегчая налоговое бремя.

7 мая 1925 года было принято Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1925/1926 год, по которому общий объем налога был снижен на 40% в сравнении с предыдущим годом. Это положение действовало до 25 апреля 1926 года, когда оно было заменено новым положением, усиливающим классовое расслоение в деревне. В новом положении установили необлагаемый налогом минимум доходов по 28 рублей на каждую душу. Усилили прогрессивный налог, когда зажиточные крестьяне стали платить от 12 до 22% от совокупного дохода, а бедняки – от 2 до 4% от дохода.

С 1926 года продолжились более активные притеснения зажиточных крестьян, торговцев и ремесленников. Для них вводили прогрессивный единый сельскохозяйственный налог, лишали избирательных прав, не разрешали продавать машины, орудия производства, запчасти к ним, семена. Согласно переписи 1926 года, в СССР было 7% «лишенцев», граждан, лишенных избирательных прав, абсолютное большинство из них были крестьяне. Начали крестьян бить пока не классово, а поодиночке, привлекая к уголовной ответственности за спекуляцию,

неплатеж и уклонение от налогов, в том числе по статьям 79 и 80 Уголовного кодекса РСФСР, но чаще всего – за антисоветскую агитацию.

22 ноября 1926 года была утверждена новая редакция Уголовного Кодекса РСФСР, она вступила в силу с 1 января 1927 года. С 1927 года зажиточных крестьян стали привлекать к уголовной ответственности по статье 79 за неплатеж налогов и натуральных повинностей и другим статьям Уголовного Кодекса.

Но в 1927 году крестьян судили судами за конкретные действия и персонально. В отношении значительной части крестьянства применяли лишение избирательных прав, что являлось ярко выраженной репрессивной кампанией, проводимой большевиками, начиная с 1922 года. Эта была целенаправленная политика советской власти на монополию одной коммунистической партии большевиков.

В разъяснении Верховного суда РСФСР 1924 года было сказано, что при рассмотрении уголовных дел все суды были должны учитывать социальное положение подсудимого как в момент совершения им преступления, так и до революции. Устанавливалась социальная группа подсудимого: помещик, купец, крестьянин-кулак, середняк или бедняк. Создавалась система ухода от наказания политически лояльных к советской власти социальных групп – рабочих и крестьян-бедняков.

У лишенных избирательных прав крестьян отбирались наделенные участки земли, вместо них отводились отдаленные необработанные участки. Им запрещалось выделяться из деревень на хутора и отруба, сдавать свои участки земли в аренду. С 1927 года на деревенские сходы не стали допускать зажиточных крестьян, которые были лишены избирательных прав. Одновременно советская власть создавала условия, чтобы принудительно выкупить у зажиточных крестьян трактора, молотилки, сеялки, веялки, сложные машины по низким ценам. Прекращали кредитование этих семей и снабжение их плугами, боронами и другими сельскохозяйственными орудиями.

С апреля 1927 года налог на зажиточные хозяйства увеличили более чем в 2 раза, в сравнении с 1926 годом. В связи с непосильными налогами весной 1928 года многие из крестьян стали отказываться от своих земельных наделов. В заявлениях на полное или частичное изъятие земли они писали, что налоги невозможно высокие. В тот год остались нераспаханными и незасеянными тысячи десятин земли.

Крестьян, отказавшихся в 1927–1928 годах сдавать государству хлеб по низким государственным ценам и продававших его на база-

рах по рыночным ценам, привлекали к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР за спекуляцию хлебом, хотя признаков спекуляции не было, а была возможность продажи собственного хлеба по нормальным рыночным ценам.

Во время выборов 1927-го и 1929 годов ужесточили критерии лишения избирательных прав, это позволило отсеять от выборов значительную часть самого активного деревенского общества. Кампания по хлебозаготовкам и сбору налогов 1928/1929 годов проводилась с помощью чрезвычайных мер. В связи с этим крестьяне все чаще стали высказываться против политики советской власти. К этому времени крестьянское общество искусственно раскололось, у советской власти появились как активные сторонники, так и убежденные противники. Большинство крестьян относилось к советской власти как к силе, при которой надо было жить и выживать.

Деревенский нэпман оказался в роли изгоя советской власти, в годы НЭПа он выживал сам по себе, вопреки искусственным трудностям, создаваемым государством и стечению обстоятельств. С точки зрения идеологов советской власти – деревенский нэпман или «кулак» – отрицательный тип, ненавистный и презираемый властью, а ей казалось – и общественностью.

Но, как бы, ни искали в деревне «толстопузого кулака», каким его изображали на плакатах, среди крестьян таковых не было. Тут не до жиру, быть бы живу, работая по 14–16 часов в сутки. К сожалению, до сих пор у многих городских жителей действует искаженное представление о зажиточном крестьянине времен НЭПа как «кулаке-мироезде», «вредителе» и «враге народа».

Это абсолютно не так, кому они были враги, если сами крестьяне представляли тогда более 80% всего населения страны? Исходя из вышперечисленных признаков, деревенских нэпманов к 1929 году по Тверской губернии их насчитывалось 14–16% от общего числа крестьянских хозяйств. Половина из них были позднее раскулачены и высланы из своих деревень, остальные вступили в колхозы, отдав туда все свое имущество и скот, или переехали в города и другую местность.

Многие из раскулаченных крестьян были обычными середняками, которые упрямо не хотели вступать в колхоз. Когда их силой загоняли в колхозы, заупрямились, наговорили разный негатив про советскую власть. Им за это приписали антисоветскую агитацию и отправили их с родных мест на 3–5 лет, а то и на большие сроки.

Созданные силой колхозы ликвидировали расслоение в деревне, уравнивали всех деревенских жителей, приведя крестьян к нищете и бесправности. Колхозники стали своего рода бесправными батраками советской власти, работая без денег, за трудовни. Так продолжалось 35 лет, пока в 1966 году не стали платить колхозникам ежемесячную заработную плату, на которую они начали покупать одежду, продукты питания, телевизоры, холодильники и первые стиральные машины.

Прежний уклад жизни при новой власти

*Необходимо проведение
в жизнь резолюции XII съезда
по национальному вопросу.*

Из материалов совещания ЦК РКП(б)
9–12 июня 1923 года

После Октябрьской революции 1917 года и окончания Гражданской войны крестьяне Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии сосредоточились на ведении и укреплении своего ослабленного личного хозяйства. Им было далеко до политических процессов, которые происходили в стране. Они жили вдалеке от больших дорог и городов, большинство из них не знали русского языка и советских законов.

Крестьяне-карелы долго всерьез не воспринимали новые органы советской власти – сельсоветы, куда руководители не избирались, а просто назначались, хотя формально выборы их проводились. В сельсоветы входили немногочисленные в деревне коммунисты, комсомольцы, а также представители бедноты. Но коммунистов до второй половины 1920-х годов в этих карельских деревнях не было, а несколько малолетних комсомольцев авторитетом не пользовались. Работники сельсоветов и волисполкомов видели свою основную задачу в сборе сельскохозяйственного налога и выполнении распоряжений вышестоящих органов.

За карелами Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда сохранялась их усадебная оседлость в деревнях, где они проживали, а также земельные наделы, которые они обрабатывали испокон века со времени переселения с Карельского перешейка и Приладожья.

Карелы считали, что если они пользуются земельными наделами, как и прежде до Октябрьской революции, то это их собственная земля. Им было далеко до понятия, что они только пользуются землей, а владеет и распоряжается землей уже государство. Если даже многие грамотные граждане страны, в том числе и коммунисты, не различали понятий пользования, владения и распоряжения, то что можно было спрашивать с неграмотных крестьян, тем более плохо владеющих русским языком карел?

Чтобы не было несправедливости между ними, карелы категорически отказывались вести переделы пахотной земли. Они пахали и обрабатывали свои участки, передававшиеся из поколения в поколение уже более 250 лет. По-прежнему каждый год делили лишь сенокосы и неудобья.

Семейные разделы в карельских деревнях случались, как обычно, не чаще, чем до революции. Так как делились лишь при крайней необходимости, в карельских деревнях многие семьи сохранялись большими, а дома были пятистенными на две избы. Другие дома тоже были с двумя избами, отделенными сенями. Одна изба смотрела окнами на деревенскую улицу, а другая – в огород. В каждой избе жили женатые братья с детьми, их родители жили у старшего брата, а младшие навещали их каждый день по несколько раз. Так и жили в деревнях три поколения – работоспособные крестьяне, их дети и престарелые родители.

Работали много и нутужно, старики едва доживали до 60–65 лет, надрываясь на тяжелой работе в поле, в лесу и на гумне или риге, страдая от болезней и военных ранений. Редко кто из них перешагивал 70-летний рубеж, но многие карельские женщины доживали до 85–90 лет и больше.

Делились лишь крепкие семьи, имевшие много земли и скота, не случайно через несколько лет, при коллективизации, были раскулачены династии Зайцевых из деревни Байки, Голубевых из Горбовца, Маровых из Шейна. На хутора при советской власти ни из одной деревни, в отличие от других местностей, никто из карел не выехал. В деревнях Байки, Горбовец, Калиниха по 2–3 семьи выделились на отруб без переселения из деревни. Большинство семей продолжали оставаться крепкими и многочисленными, по 9–11 человек, поддерживая вековые семейные традиции.

Семейные устои в карельских деревнях оставались крепкими и незыблемыми. Слава Богу, что до глухих карельских деревень с не-

грамотным населением не доходили первые законодательные акты советской власти, что по мере коммунистического строительства семья отомрет, и что сформируется новый свободный тип отношений между мужчиной и женщиной. Да и сама советская власть в конце 1920-х годов спохватилась, что переборщила со свободой отношений, и возвратилась к традиционной семье как «основной ячейке социалистического общества».

Учитывая, что никаких изменений с приусадебными участками и полевыми наделами не производилось, карелы по-прежнему считали эти участки земли своей собственностью, вплоть до создания колхозов в 1931 году. Они работали на своих полях, порою объединялись с родственниками или соседями для вывозки навоза, строительства дома или выполнения других тяжелых работ.

В карельских деревнях, крестьяне проживали в деревянных домах с одной или двумя избами. Вся обстановка в избе состояла из длинных лавок вдоль стен, стола, русской печки, полатей да полоч для посуды в чулане. В каждом доме в переднем красном углу висели иконы, а по другим углам – сундуки и комоды. У зажиточных крестьян, кроме набора обычного сельскохозяйственного инвентаря – лопат, кос, грабель, плугов, борон – были разные сельскохозяйственные машины.

По воспоминаниям жителей наших карельских деревень, обычно зажиточные хозяйства имели состав семьи в 9–11 человек, если взрослые женатые сыновья не успели отделиться, в том числе по 3–4 работника. В хозяйстве было по 2–3 лошади, 3–5 коров, до 10 голов молодняка – телят, телок, бычков и жеребят, 15–20 овец. Как правило, зажиточное хозяйство что-то имело: мельницу, маслобойку, кузницу или ригу. Имело также сельскохозяйственные машины – молотилку, сеялку, сортировку, веялку, конную косилку или другие. Члены зажиточной семьи хорошо одевались, сытно питались, упряжь для лошадей была добротной.

В 1950-е годы я еще застал ручную молотилку, правда, уже на металлической, а не на деревянной основе. Вместо цепа, бича или другого ударного устройства для молотьбы зерна в ручной молотилке применялся быстро вращающийся барабан с железными зубьями и подбарабанником. На молотилке были установлены решета, при вращении барабана они приходили в движение и трясли солому, очищая ее от оставшихся зерен. К барабану примыкал стол для укладки снопов с зерном и подачи их в барабан. Мужчина вращал ручку вала, от которого через

систему шестеренок вращение передавалось барабану, а возвратно-поступательные движения одновременно передавались решетам. Женщина в это время подавала снопы в барабан, зерно ссыпалось на подбарабаник, далее по лотку в мешок, а солому отбрасывали в сторону.

Во времена НЭПа каждое крестьянское хозяйство в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода имело по 10–12 гектаров наделной земли и полгектара усадебной площади. Основной рабочей силой в деревне оставалась лошадь, а кормилицей – корова. В каждом хозяйстве имелся дом с одной или двумя избами, двор для скота, сарай для сена, житница для зерна.

Основными видами занятий в карельских деревнях были полевые работы, последовательно: подготовка и ремонт сельскохозяйственного инвентаря к весеннему севу, весенний сев, вывоз навоза на поля, сенокос. После этого, с августа по октябрь включительно, начинался своего рода аврал, который заключался в одновременных работах по уборке урожая, молотье, расстилке и подъему льна, проведению озимого сева. Уже поздней осенью и зимой вырабатывали льноволокно на примитивных деревянных мялках.

Зимой портные по-прежнему, как в старину, шили для односельчан рубахи, штаны и сарафаны, сапожники шили кожаные мужские сапоги и женские коты (сапожки). Бондари мастерили бочки, бочонки, жбаны и шайки из тонких еловых досок, надежно стягивая их можжевельными обручами. Шорники обивали кожей деревянные хомуты и седелки. Кузнецы ковали гвозди, зубья для борон, сошники для сох и плугов, петли для ворот и дверей и другие изделия.

Столяры длинными зимними вечерами мастерили оконные рамы, шкафы, столы, табуретки, полки для посуды и другие предметы домашнего обихода.

Не смолкал шелест веретен в руках женщин и девушек, которые при свете керосиновых ламп, а то и сальных свечей пряли пряжу. Вязальщицы вязали из ниток кружевные скатерти на столы, занавески на окна, накидки на подушки, подвески к кроватям, украшали вязью концы полотенец и много еще чего.

Нищих и попрошайек по карельским деревням проходило значительно меньше, чем в военные и первые послевоенные годы.

Бродили мелкие торговцы-коробейники, продававшие «из корзинок» разную мелочь: нитки, иголки, булавки, бусы, ленты, зеркальца, мыло и другие товары.

Заглядывали лудильщики, чтобы лудить прохудившиеся медные самовары и другую медную посуду.

Много забот для крестьянина доставляла лошадь и связанные с нею транспортные средства. В деревне сами крестьяне выполняли работы шорника, который мастерил упряжь для лошади, и тележника, мастерившего телеги, одры, дроги и сани.

До революции в богатых помещичьих имениях вместо тележника было много отдельных ремесленников, о которых можно судить по их названиям: клещевики, которые делали заготовки для хомутов, оглобельщики, осевики, колесники, санники, каретники и другие. В деревне же крестьянин готовил телегу или одер, начиная от осевых подушек, колес и до оглобель и ременной упряжи один самостоятельно.

Для перевозки грузов применялись одры, телеги, дроги, сани, а для поездок некоторые имели повозки-двуколки. В нашей местности основным средством передвижения и перевозки грузов была лошадь, запряженная в одер с одерками (решетками) или без них. Передняя и задняя оси покоились на березовых подушках, которые соединялись между собой березовыми слемами или дрожинами (продольными брусками). Оси долгое время делали из березовых заготовок, позднее они стали металлическими. Оси скреплялись с подушками неподвижно, вращались одни колеса, зафиксированные от падения металлическими стержнями (чеками).

Дно одра сплошь выстилалось строганным тесом, на одре перевозили снопы с зерном, зерно в мешках, сено, солому, льнотресту и другие грузы. Одерки (решетки) устанавливались спереди и сзади при перевозке людей и некоторых грузов. В каждом хозяйстве было по одному или два одра.

Телега деревянная также четырехколесная одноконная предназначалась, в основном, для вывозки навоза на поля. Короб телеги имел только боковые стенки, которые представляли форму в виде буквы V без передней и задней стенок. Навоз в поле выгребали изогнутыми двузубыми вилами. Во время колхозов на телегах возили также силос из силосных ям на фермы.

Обычно в каждом крестьянском хозяйстве достаточно было иметь одну телегу, а также одни дроги для перевозки бревен и дров. Дроги были в 2 раза длиннее телеги, передняя и задняя оси соединялись между собой одной дрожинной (продольным брусом).

На зиму колеса и оглобли с одров, телег и дрог снимали и хранили их под крышей. Сами эти перевозные средства устанавливали для

хранения на толстые чурки. Зимой использовали сани с постельником из черемуховых или ивовых прутьев.

В нашей местности для поездок некоторые зажиточные крестьяне использовали небольшие необычные рессорные выездные двуколки. Они были выполнены наподобие тех, которые применялись карелами в северных краях. Конструкцию такой двуколки на двух колесах зарисовал в 1921 году в карельской деревне Бережки Сабуровской волости Бежецкого уезда прибывший на практику из Москвы курсант А.Н. Алифиренко. Правда, почему-то позднее она была описана в сборнике «Хозяйство и быт русских крестьян», хотя изготавливалась и применялась не в русских, а в карельских деревнях.

Оглобли этой двуколки переходили в основание кузова, в них вдалбливали два бруска, на которых устанавливали щиток от грязи. Необычность двуколки была в том, что сиденье было устроено не на самой оси, а на двух закрепленных к оглоблям дрожинах (слегах или брусках), которые находилось в висячем положении, амортизаторами служили сами дрожины – слеги. Такое оригинальное устройство значительно смягчало тряскость езды.

Еще в 1960–1961 годах на такой двуколке с оригинальным кузовом ездил по полям пяти деревень председатель колхоза «Завет Ильича» Н.С. Богачев. А колхозный ветеринар Н.Н. Борисов ездил на подобной двуколке до своей пенсии в конце 1970-х годов.

В связи с намерением советской власти переселить часть тверских карел в Карелию представители Тверского губисполкома в 1928 году провели исследование карельских хозяйств Бежецкого, Весьегонского, Вышневолоцкого, Новоторжского и Тверского уездов. Общее состояние среднего карельского двора характеризовалось следующими показателями:

- средний полевой надел составлял 10 гектаров, из них площадь посева всех культур на один двор – 2 гектара, в том числе: озимой ржи – 0,6 га, овса – 0,5 га, льна – 0,4 га, многолетних трав – 0,2 га, прочих – 0,3 га;
- наличие скота: лошадей – 1,1; коров – 2,4; овец – 2,8; свиней – 0,1 на один двор;
- процент неграмотных карел в возрасте от 8 лет – 41% к общему числу карельского населения. В докладной записке сообщалось, что в карельской нации своей письменности не имеется. По-

этому какой-либо культурно-просветительской работы среди карельской нации Тверской губернии проводить невозможно.

Недостающий для пропитания семьи хлеб карелы покупали на рынке, зарабатывая на него сохранившимися промыслами и продажей личного скота. Число тверских карел тогда в полтора раза превышало численность карел в Карельской АССР.

* * *

Проблемными для советской власти во время НЭПа были карельские деревни, где жители плохо понимали русский язык, не могли на нем изъясняться, были дерзки и упрямые. Они никогда не знали крепостного права, не страдали рабской психологией, и последующим поколениям ее не передавали. Поэтому карельские деревни Карело-Кошевского прихода Бежецкого уезда Тверской губернии за первые 10 лет советской власти неоднократно перебрасывались из одной волости в другую.

В мае 1918 года из Бокаревской волости была выделена Сабуровская волость из 29 селений и 9 сельсоветов, с центром в деревне Сабурово. В число этих селений вошли село Карело-Кошево и 13 карельских деревень с числом домохозяев 501 и населением 2063 карела, из которых к февралю 1921 года было создано 4 сельсовета: Акинихинский, Душковский, Калининский и Климантинский.

После ликвидации Сабуровской волости постановлением Тверского губернского исполкома от 30 мая 1922 года наши карельские деревни вновь были возвращены в состав Бокаревской волости, где находились менее двух лет.

Постановлением президиума ВЦИК от 20 марта 1924 года было произведено дальнейшее укрупнение волостей, по Бежецкому уезду их стало 11 вместо 21. В числе других была ликвидирована и Бокаревская волость, 6 карельских деревень весной 1924 года перевели в Сулежский сельсовет Сулежской волости, а 7 деревень вместе с селом Карело-Кошево – в Горский сельсовет Бежецкой волости, где они находились до образования Сонковского района в 1929 году. К тому времени все 4 сельсовета в карельских деревнях были ликвидированы.

К Сулежскому сельсовету Сулежской волости отнесли деревни Байки, Душково, Муравьево, Петрайцево, Поцеп и Шейно. К Горскому

сельсовету Бежецкой волости отнесли деревни Акиниха, Бережки, Горбовец, Гремячиха, Калиниха, Климантино, Терехово и село Карело-Кошево.

За период с 1924-го по 1926 годы никаких собраний в связи с пере-выборами, празднованием 1 мая, годовщины Октябрьской революции и другим политическим событиям в карельских деревнях Бежецкой и Сулежской волостей не проводили. В списках женщин-батрачек Бежецкой волости, работавших у нанимателей, карелок не было ни одной. В школьный совет Бережковской школы тогда входили учительницы Петропавловская и Большакова [165].

На секретном совещании ЦК РКП(б) по национальному вопросу, проведенном в Москве 9–12 июня 1923 года, перед коммунистами, работавшими с национальными группами, были поставлены задачи по поднятию культурного состояния местного населения:

- устройство беспартийных клубов и других просветительных учреждений на местных языках;
- привлечение к работе в школе народных учителей местного происхождения;
- создание сети обществ распространения грамотности на местных языках, создание школ политграмоты на родном языке;
- подбор партийных и советских работников с точки зрения проведения в жизнь резолюции XII съезда по национальному вопросу.

Но за все годы нахождения карельских деревень в составе Бежецкой и Сулежской волостей на заседаниях бюро и волостного комитета партии ни разу не поднимали и не обсуждали ни одного вопроса по ситуации в них. На заседаниях Бокаревской партячейки лишь популяризировали Карело-Кошевский торгово-заготовительный кооператив, других вопросов из жизни карельских деревень не рассматривали. Собраний с беднотой, женщинами и по другим вопросам в этих деревнях до апреля 1929 года не проводили.

Определенную роль в отсутствии политической работы в карельских деревнях, думаю, сыграл язык, так как неграмотные карелы плохо говорили по-русски и мало что понимали по-русски. Для работы с ними нужны были коммунисты, знающие карельский язык, но их в деревнях не было. Среди жителей карельских деревень члены сельсоветов и волостных исполкомов проводили одну работу, которую с них активно требовали, – сначала проведение продразверстки, затем сбор

натурального продовольственного налога, позднее – сбор единого сельскохозяйственного налога и недоимок по налогам.

В июне 1927 года всем партийным ячейкам было поручено правильно перейти к новой системе подоходно-имущественного обложения налогом крестьянских хозяйств. В ряде сельсоветов учитывали не фактические доходы крестьянских хозяйств, а доходы по собственному усмотрению учетных сельских комиссий. В одних хозяйствах доходы умышленно занижались, а в других практиковали просто настоящую разверстку, независимо от фактических доходов.

Обложение отдельных групп в деревне было предоставлено на усмотрение сельских комиссий, состав которых не внушал большого доверия. Последующая работа по увеличению доходов вызвала сопротивление не только жителей деревень, но даже председателей некоторых сельсоветов. В связи с этим подпала под необходимый минимум значительная часть зажиточных крестьян.

Волостным партиейкам поручалось создать новые учетные сельские комиссии из числа бедняков. Отдельные коммунисты и комсомольцы не должны отказываться от работы в этих комиссиях. Членом сельсоветов, членам комиссий и всем коммунистам поручалось проработать изменения закона о налоге на 1927/1928 год. Там были предусмотрены льготы, такие как половинное обложение налогом посевов льна, освобождение от обложения коров до 3 лет, лошадей до 4 лет и улучшенных пород скота. Устанавливался необлагаемый минимум на хозяйство, а не на каждого едока, как было ранее.

Местным коммунистам поручалось провести полный учет заработков владельцев кустарных кожевенных и маслобойных заводов, мастерских валяной обуви, кузнецов и мельников. К октябрю 1927 года в Бежецкой волости Бежецкого уезда насчитывалось 1318 кустарей, в том числе: бондарей – 140, кожевников – 80, корзинщиков – 62, сапожников – 74, вязальщиц – 152, валяльщиков обуви – 24 и другие кустари. По Сулежской волости сведений о кустарях нет [166].

В ноябре 1927 года секретарь Бокаревской партиейки Владимир Николаевич Русаков доложил в Бежецкий волостной комитет партии о проведении кампании в связи с 10-летием Октябрьской революции. Доклада и мероприятий в ячейке не было, так как члены ячейки 7 ноября были на торжественном заседании Бежецкого уездного комитета ВКП(б). Доклады и приветствия прошли лишь в школах: Карело-Ковшевской, Хонеевской и Гостиницкой [167].

21 января 1929 года работу Горского сельсовета по организации проведения перевыборов в сельсоветы проверил уполномоченный Тверского губернского исполкома Трошин. В справке он указал, что никакого учета по перевыборной кампании не было ни в сельсовете, ни в партийной и двух комсомольских ячейках. Во время беседы с уполномоченным председателем сельсовета Бажеев и секретарь партийной ячейки Русаков заявили, что ожидают кулацкие выступления, особенно со стороны эсеров в карельской деревне Бережки.

Избирательной комиссией сельсовета были лишены избирательных прав 50 крестьян, из них 3 человека восстановлены в правах по их жалобам. Установлено, что в Карело-Кошевской торгово-закупочной кооперации приказчики (то есть продавцы) торгуют по своему усмотрению. Например, привозную пшеницу в счет льнозаготовок раздали не беднякам, а двум селениям из 14, и то зажиточным крестьянам по 15–20 пудов каждому. Также раздали гарнцевую муку в счет льнозаготовок населению, минуя бедняков.

В помещении Горского сельсовета висят иконы, хотя председатель сельсовета – комсомолец. В результате перевыборов в 1929 году в состав сельсоветов Бежецкой волости из 729 членов был включен лишь один карел в Горском сельсовете [168].

Таким образом, до лета 1928 года какой-либо работы в карельских деревнях Карело-Кошевского прихода работники Горского и Сулежского сельсоветов не проводили. В августе 1928 года они составили списки бедняков, в том числе и среди карельского населения. В Горском сельсовете пропагандировали работу Карело-Кошевской торгово-заготовительной кооперации, а в Сулежском сельсовете включали в отчеты число членов-пайщиков этой кооперации. К 1931 году был создан один колхоз в деревне Климантино, в других деревнях колхозов не было, попытки создать сельскохозяйственные артели провалились.

То, что советская власть не вмешивалась в жизнь карельских деревень, кроме сбора единого сельскохозяйственного налога, было крестьянам во благо. Жизнь в них в годы НЭПа постепенно налаживалась, крестьяне почувствовали свободу. Земли было достаточно, кто не ленился, тот стал жить сытно. Начали строить новые дома, перестраивать старые, заводить улучшенный племенной скот, тщательнее обрабатывать полевые наделы. Дома стали перекрывать вместо соломы дранкой.

В карельских деревнях стали набирать силу активные, самостоятельные крестьяне, поверившие заявлениям советской власти о под-

держке ею *«старательного культурного хозяина»*. Складывались и в складчину покупали сельскохозяйственные машины – молотилки, веялки, сеялки, жнейки, косилки и другие. На огородах, кроме овощей, многие растили табак-махорку, который выгодно продавали на базаре в Бежецке или сдавали государству. Многих зажиточных крестьян карельских деревень к концу НЭПа советская власть стала считать «культурными хозяевами».

В лаптях уже не ходили, мужчины носили кожаные сапоги, а женщины – кóты (кожаные сапожки), зимой все носили валенки. Мужики летом ходили в домотканых штанах и рубахах, женщины – в рубахах и сарафанах. Зимой у большинства крестьян были шубы и полушубки, у мужчин – длиннополые кафтаны (зипуны), у женщин стали появляться плюшевые жакеты.

Только бы жить да радоваться, как с 1926 года стали облагать зажиточных крестьян карельских деревень дополнительным налогом, лишая права голоса на выборах. С 1930 года стали давать невыполнимые твердые задания, а в 1931 году – выселять зажиточных крестьян вместе с семьями, объявляя их «кулаками», а не «культурными хозяевами», как их называли в годы НЭПа.

Глава IV

Курс на колхозное строительство

XV съезд ВКП(б) о коллективизации (декабрь 1927 года)

*НЭП был всерьез, надолго,
но не навсегда.*

И.В. Сталин

Срыв государственных поставок по хлебу в 1927–1929 годах стал поводом для свертывания в СССР новой экономической политики. Зимой 1927/1928 года из-за низких заготовительных цен крестьяне продали государству мало хлеба. Невыполнение плана хлебозаготовок поставило под угрозу снабжение городского населения и армии. Руководство страны прибегло к насильственным методам к изъятию хлеба, применяя ст. 107 УК РСФСР о спекуляции в отношении крестьян, отказавшихся сдавать хлеб государству по низким ценам. При применении уголовного преследования все «излишки» хлеба у крестьян конфисковали без всякой оплаты.

Делегаты XV съезда ВКП(б), проведенного в декабре 1927 года, голосуя за всенародное развертывание коллективизации сельского хозяйства, тем самым отменили НЭП, не заявляя об этом народу. Началась подготовка к одной из самых страшных трагедий крестьянства России – коллективизации и раскулачиванию зажиточных крестьян.

С докладом о работе в деревне на XV съезде ВКП(б), который открылся 2 декабря 1927 года, выступил В.М. Молотов. Из его выступления можно еще раз убедиться, как на самом деле велась политика в отношении крестьян: «Партия за все годы НЭПа проводила политику ограничения роста капиталистических элементов в деревне установлением прогрессивности налога, ограничением аренды, увеличивающимися требованиями в интересах сельскохозяйственного наемного труда, поддержкой маломощных хозяйств путем кредита. Наша задача – идти по пути полного преодоления и ликвидации капиталистических элементов в деревне, как в городе.

Коренной задачей всей политики партии в деревне является переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному общественному хозяйству в деревне. Большая часть снабжения деревни промышленными товарами и большая часть заготовок сельскохозяйственных товаров находится в наших руках. Тем самым у нас имеется огромный рычаг государственного планового воздействия на развитие сельского хозяйства.

У нас примерно 24 млн мелких крестьянских хозяйств, из них 8 млн наиболее слабых хозяйств, баграков в деревне более 3 млн человек, до сих пор в деревне применяется более 5 млн сох вместо плугов. Перед партией стоит задача форсированного наступления на кулака, это и есть то, что именуется строительством социализма в нашей стране. Вопрос стоит в том, как наступать, что взять сейчас за основной рычаг в этом наступлении на капиталистические элементы в деревне. Но чего сейчас у нас не хватает, так это смелости и настойчивости в поддержке коллективного строительства в деревне» [169].

* * *

Решения XV съезда ВКП(б) были посвящены вопросам социалистического переустройства деревни. Одновременно на этом съезде приняли основные директивы пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1928–1932 годы. В основу плана было заложено наступление на частный капитал города и деревни. Оказание помощи деревенским беднякам с одновременным усилением налогового бремени на зажиточных крестьян и ускорение создания колхозов.

На XV съезде ВКП(б) в числе других важных решений была принята резолюция «О работе в деревне», в которой сказано, что диктатура пролетариата в СССР меняет коренным образом ход развития сельского хозяйства. Создается принципиально иной тип развития аграрных отношений, иной тип классовых перегруппировок в деревне и иное направление в развитии хозяйственных форм.

Вся политика пролетарского государства, финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще, направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и – в зависимости от условий – по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии.

Социалистический город может вести за собой деревню, всемерно способствуя постепенному *переходу от индивидуального собственного хозяйства, которое еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства, к его коллективным формам.*

За последнее время нужно констатировать значительное усиление планово-регулирующей роли пролетарского государства на сельское хозяйство и рост влияния социалистических элементов самой деревне. Эти факторы являются орудием борьбы против кулака, занявшего ряд позиций в экономике деревни, и против частного капитала. Необходимо вместе с тем отметить, что в некоторых отраслях, таких как мясозаготовка и заготовка пеньки, частный капитал занимает еще довольно значительное место – заявляли коммунисты в резолюции партийного съезда.

В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне.

Идет развитие таких первичных форм производственного объединения, как артели, различного рода производственные товарищества и сельскохозяйственные коммуны, в подавляющем большинстве объединяющие бедноту и маломощное крестьянство. Эти формы обнаружили свою жизнеспособность и доказали уже во многих случаях свое преимущество перед мелкими крестьянскими хозяйствами. Партия должна обеспечить им полную поддержку и всемерное поощрение.

Таким образом, мы можем констатировать, – говорилось в резолюции, – что в деревне совершенно ясно обозначились и основные противоречия, и рычаги социалистического развития, с одной стороны, некоторый рост кулачества, с другой стороны, усиление середняцкой группы и рост организованности деревенской бедноты, быстрое развитие кооперации. Со времени XIV партконференции (1925 год) и XIV партсъезда в связи с соответствующей политикой партии произошел ряд крупных изменений:

- возросла площадь посевов, и резко уменьшилось количество необработанных земель, что стоит в связи с общим подъемом хозяйства основной массы крестьянства;
- усилился отход середняка от кулачества, укрепился союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства и обнаружился решительный перелом в сторону изоляции кулака.

Необходимо всемерно укреплять основы национализации земли и преследовать как тяжкое уголовное преступление какие бы то ни было попытки подрыва национализации земли, как то купля-продажа и дарение земли.

Предполагалось постепенно сокращать площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов. Ограничивать срок аренды земли не более как сроком одного севооборота, но не свыше 6 лет.

Решительно карать как уголовное преступление виновных в нарушении закона по всем и всяким видам субаренды. Сдавать в аренду государственные фондовые земли, главным образом, хозяйствам трудового типа, ограничив срок аренды шестилетним периодом.

Ограничить практику выделения на отруба и, особенно, хутора, и совершенно прекратив её в тех случаях, где она ведёт к росту кулацких элементов.

Всемерно привлекать демобилизованных красноармейцев и краснофлотцев к советскому и культурному строительству в деревне, для чего в самой общественно-политической подготовке их в рядах Красной Армии и флота следует внести необходимые улучшения в соответствии с настоящими решениями [170].

Если в 1921 году руководитель Советского государства В.И. Ленин заявлял, что НЭП в стране *«всерьез и надолго»*, то другой руководитель страны И.В. Сталин в 1927 году говорил: *«НЭП всерьез, надолго, но не навсегда»*.

Конфискация хлебных запасов в конце 1927 года у зажиточных крестьян с помощью силы означала свергивание НЭПа в деревне. Повторно конфискацию хлеба провели осенью 1928 года. И хотя НЭП официально никто не отменял, но в связи с принятием в октябре 1928 года первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, он был фактически свернут, и страна пошла по пути плановой экономики.

В ответ на конфискацию хлеба и привлечение к уголовной ответственности крестьяне повсеместно сократили посевы зерновых культур, и в следующем 1928/1929 году хлеба было продано государству еще меньше, чем в предыдущем году, кризис обострился. В городах с 1929 года была введена карточная система распределения хлеба и других продуктов питания.

Видные советские и партийные руководители: редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, председатель Советского правительства

А.И. Рыков, руководитель советских профсоюзов М.П. Томский, министр финансов Г.Я. Сокольников и другие предлагали уйти от чрезвычайных мер. По их мнению, нужно повысить закупочные цены на хлеб, направить в деревню необходимые там товары, усилить налоговое обложение зажиточных слоев деревни.

Они убеждали И.В. Сталина и его сторонников, что ни одна хозяйственная единица не будет выполнять на совесть административные команды, если они противоречат ее экономическим интересам. Заставлять можно только экономическими мерами, как в городе, так и в деревне. Закупочные цены на хлеб в то время были в 3 раза ниже рыночных цен, но чтобы их повысить, нужно было отказаться от строительства каких-то объектов индустриализации.

Н.И. Бухарин и его сторонники предлагали экономический путь выхода из кризиса хлебозаготовок:

1. Увеличение выпуска товаров народного потребления и насыщения ими рынка, то есть первоначальное развитие легкой промышленности.
2. Сбалансированность цен на зерно и продукты питания с ценами на промышленные товары.
3. Усиление налогообложения зажиточных крестьян с одновременной закупкой хлеба за границей.
4. Развитие кооперативного движения в деревне.

Но И.В. Сталин и его сторонники объясняли причины продовольственного кризиса саботажем кулаков и неспособностью мелкоотварного крестьянского хозяйства обеспечить хлебом потребности страны. Обеспечить страну хлебом и другими продуктами, по утверждению Сталина, могла только массовая коллективизация крестьянских хозяйств. И.В. Сталин и его сторонники предлагали другой, репрессивный путь выхода из кризиса:

1. Форсирование индустриализации страны.
2. Форсированное создание колхозов как формы насыщения зерном и продуктами питания городских жителей.
3. Ликвидация кулачества как последнего эксплуататорского класса.
4. Осуществление государственного контроля за деятельностью крестьянства.

Победил сталинский план коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачивания зажиточных крестьян. Н.И. Бухарин и его сторон-

ники были объявлены «правым уклоном» в партии, многих из них позднее арестовали и расстреляли.

Аналитики и многие эксперты считают, что 7 лет новой экономической политики, с марта 1921 года по октябрь 1928 года, были одними из самых удачных проектов за все годы советской власти. НЭП в тверской деревне, как и по всей стране, завершился началом коллективизации крестьянских хозяйств. Историки признают 1929 год, указанный в статье И.В. Сталина как «Год великого перелома», отправной точкой начала в СССР сплошной коллективизации и раскулачивания крестьянских хозяйств.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 года принял постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в котором была поставлена задача завершения коллективизации крестьянских хозяйств к концу пятилетки или к концу 1932 года. На пленуме приняли решение о направлении в деревню для организации колхозов и руководства ими 25 тысяч городских рабочих. Документы утверждают, что после 1929 года фактически было направлено в деревню свыше 73 тысяч рабочих. Руководство по проведению сплошной коллективизации было поручено Наркомату земледелия СССР под руководством Я.Л. Яковлева (Эпштейна).

Началось соревнование между районами и областями о повышении процентов коллективизации и раскулачивания. Шло принудительное создание колхозов и ликвидация кулачества как класса, при этом руководители страны активно использовали ОГПУ и другие силовые структуры.

По замыслу политбюро ЦК ВКП(б) коллективизации был придан характер добровольного крестьянского движения. На собраниях жителей деревень местные власти вместе с коммунистами и комсомольцами, при помощи прибывших городских уполномоченных упорно навязывали крестьянам вступление в колхозы. Крестьяне находились перед трудным выбором, так как их возражения и несогласие с установкой партии могли быть расценены как саботаж и вредительство, а выступавших выселяли из своих домов.

Местные власти вместе с партийными ячейками ко времени проведения собраний уже составили списки кулаков, которых на собраниях требовали раскулачить и выселить. Имущество раскулаченных крестьян передавалось колхозам, нередко расхищалось, а раскулаченные семьи высылались на Урал, в Сибирь, Казахстан, многие из них по-

гибли в пути следования. Разрушались вековые традиции, в результате массовых репрессий и высылки самых трудолюбивых крестьян произошло разорение деревни.

Тверская деревня накануне коллективизации (1928–1930 годы)

*Арестовывали
за спекуляцию хлебом
не только кулаков,
но и середняков.*

Из донесений ОГПУ

По данным переписи 1926 года в СССР проживало 147 млн человек населения, из них сельское население составляло 121 млн человек, или 82% от числа всего населения. К этому времени стараниями партийных ячеек, представителей местных органов и советских идеологов в деревне было произведено искусственное расслоение крестьянского общества.

Советская власть считала, что в СССР бедняки составляли около 30–35% деревенских жителей, хозяйство бедняка имело в среднем по 2–4 десятины земли, средний доход семьи – около 300 рублей в год.

Крестьян-середняков насчитывали 60–65%, средний годовой доход такого хозяйства составлял до 600 рублей, оно имело 10–12 десятин земли, лошадь и корову. Питанием крестьянина-середняка в 1928 году были в основном хлеб, картофель и мясо. На одного едока в этих семьях приходилось по 250 кг хлеба и хлебных изделий (15,6 пуда), или по 685 г в день. Картофеля – 141 кг на едока в год, мяса – 40 кг на едока в год, или по 110 г в день.

Кулаки в деревне составляли 3–4%, их годовой доход был в пределах 1,5–2 тысяч рублей, они имели земли до 15 десятин плюс дополнительная аренда земли у односельчан. Основной критерий отнесения к кулачеству по-прежнему – использование труда наемных работников.

До 1924 года к деревенским нэпманам власть относил крупных торговцев, арендаторов и кулаков-ростовщиков. К 1927 году к деревенским нэпманам стали относить владельцев мелких кустарно-ремесленных мастерских с наемными работниками, мелких торговцев,

имевших лавки или продававших товары с лотков без использования наемного труда. Доходы этих ремесленников и мелких торговцев не отличались от доходов земледельцев-середняков, в 1927 году составляли 350–450 рублей [171].

Для того чтобы крестьянская семья удовлетворительно питалась, по данным за 1913 год, необходимо было иметь по 12 пудов ржи на одного едока. При провозглашении НЭП в 1921 году ставилась задача иметь хлеба по 15 пудов на едока, *в 1928 году средняя крестьянская семья имела по 15,6 пуда хлеба на едока.*

Именно едок был критерием для советской власти в годы НЭПа, а не человек в его высшей форме развития, потому что перед крестьянами стояла, как и всегда, их основная задача – накормить себя и страну хлебом и продуктами сельского хозяйства. Тогда в каждой семье рождалось по 10–12 детей, а то и больше, но выживали не все. Редкая крестьянская семья имела возможность отправить своего сына или дочь в город для дальнейшего обучения, им бы прокормить свои семьи. Порою лишний рот в семье – дети, беспомощные больные или старые нетрудоспособные члены семьи – были большой обузой, особенно в бедняцких семьях.

Допустим, что средняя семья состояла из 6 едоков, на питание семьи, по данным советских статистиков, расходовалось 250 кг (15,6 пуда) на одного едока, а на 6 едоков – 93,6 пуда. Дополнительно крестьяне выращивали рожь для продажи, собирая с 2 десятин своего земельного надела не менее 120 пудов ржи, то есть более 25 пудов ржи могли быть проданы на рынке.

Кроме ржи крестьяне сеяли достаточно много овса на корм скоту. На одну лошадь середняк тратил в год 10 пудов овса, на жеребенка – 3 пуда овса, на одного теленка середняк тратил 3 пуда, на птицу – 6 пудов, на одну свинью – 6 пудов. Овес мололи на посыпку для корма коров, телят и свиней, без обмолота овсом кормили лошадей, жеребят и кур. Крестьяне собирали в пределах 80–100 пудов овса, часть его продавая на рынке. Зажиточный крестьянин, имевший 2 лошади, 3 коровы, 3 свиные и птицу, мог дополнительно продать на рынке не менее 25–30 пудов овса.

По Тверской губернии к 1928 году насчитывалось около 65% середняков, 14–16% зажиточных крестьян (деревенских нэпманов), около 1% кулаков-ростовщиков, 17–20% бедняков вместе с батраками и наемными работниками. В наделе крестьянина-середняка по Тверской

губернии к 1928 году было 4–5 десятин пашни, 4–5 десятин сенокосов и 0,33 десятины усадьбы. Урожайность ржи в 1927 году, например, по Бежецкому уезду, составляла 58,8 пуда (9,4 центнера) с десятины, поэтому половину пашни была занята рожью как основным продуктом пропитания. Остальная часть пашни в полевом наделе засеивалась овсом, ячменем и льном. Урожайность овса по Бежецкому уезду в 1927 году составила 65 пудов (10,4 центнера) с десятины, ячменя – 52,8 пуда (8,5 центнера) с десятины.

К 1928 году крестьяне накормили хлебом свои семьи, городских жителей и тех, кто в скором времени начнет их раскулачивать.

* * *

Привожу выдержки из справок о ситуации в Тверской губернии за 1928–1930 годы и докладов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), в которых отдельно сообщалось о настроениях среди рабочих, крестьян, красноармейцев, духовенства, интеллигенции, а также по конкретным территориям.

1928 год. Январь–февраль был отмечен придержанием хлеба крестьянами, которые ждали повышения цен на него весной. Они платили налоги деньгами и отказывались от получения промышленных товаров в обмен на хлеб. В это время проходила активная агитация со стороны коммунистов за создание колхозов и противодействие крестьян коллективизации. Представители советской власти на местах в некоторых случаях вводили подворную разверстку вывоза хлеба, проводили поголовные обыски дворов с целью выявления излишков хлеба. Арестовывали для привлечения к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР не только кулаков, но и середняков.

В редакции 1926 года ст. 107 УК РСФСР означала: злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок – лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой.

Те же действия при установлении наличия сговора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества.

В феврале 1928 года в деревне Бокарево Бежецкого уезда Тверской губернии во время изъятия имущества за неуплату налога у мясоторговца во двор ворвалась толпа местных крестьян числом в 100 человек

и стала угрожать фининспектору и милиционерам. Они были вынуждены уехать, не изъяв у торговца описанного ими имущества.

Весной 1928 года советская власть проводила кампанию по реализации займа восстановления сельского хозяйства. Наблюдались срывы деревенских сходов и собраний по вопросам займа по всей Тверской губернии. В ряде местностей наблюдалось принудительное размещение займа, когда председатели сельсоветов запугивали не подписавшихся на заем крестьян арестами. В других случаях грозили конфискацией имущества, составляли на это протоколы, вызывали неоднократно в сельсоветы, где предлагали им приобретать облигации займа согласно раскладке, которую сельсоветы делали по деревням. Местами крестьяне являлись в сельсоветы с заготовленными сухарями, уверенные, что будут арестованы.

Были многократные случаи продажи скота, как бедняками, так и середняками, для уплаты насильно навязанных облигаций займа. Широко применялся способ вручения облигаций займа при выдаче крестьянам разных справок, удостоверений на помол зерна, на приобретение леса, ссуд для покупки скота или сельхозинвентаря. Кооперация повсеместно отпускала крестьянам мануфактуру, спички, керосин, соль, одежду, обувь и другие товары только лицам, покупавшим облигации займа. После опубликования в печати письма председателя Совнаркома А.И. Рыкова о добровольном распределении займа крестьяне пытались возвращать облигации сельсоветам, требуя возврата денег, но всем им было в этом отказано.

В марте-апреле 1928 года продолжалась активная агитация советской власти по созданию колхозов, но крестьяне откликнулись на это неохотно. Бедняки, порою желавшие создать колхоз, не знали, как это сделать из-за отсутствия у них скота, сельхозинвентаря и помещений для обобществления.

Летом 1928 года был введен новый единый сельхозналог, по которому волостям Тверской губернии он был увеличен в 2 раза в сравнении с 1927 годом. В Тверской губернии, как и по всей стране, были обложены по некоторым волостям до 100% бедняков, имевших льготы в 1927 году и ранее. При этом резко повысили налог крестьянам-кустарям, они, платившие в 1927 году 9 рублей сельхозналога, при неизменившейся доходности в 1928 году были обложены налогом в 80 рублей. Крестьяне-кустари, платившие ранее 22 рубля, были обложены налогом в 205 рублей. По всей стране в советские и пар-

тийные органы массово поступали жалобы и заявления на высокий налог.

Новым явлением для Тверской губернии в 1928 году стало противодействие мельников сдаче гарнцевого сбора, их отказ от заключения договоров с советскими и кооперативными органами на помол зерна вплоть до того, что сами закрывали свои мельницы.

В 1928 году участились случаи восстановления лишенцев в избирательных правах. В них восстанавливали служителей религиозных культов, участники борьбы против советской власти в белых армиях, бывшие помещики, бывшие полицейские, а также кулаки, пользовавшиеся постоянной наемной силой и занимавшиеся торговлей. Особенно многочисленны были случаи восстановления в избирательных правах членов семей лишенцев.

Предвыборная кампания в советы показала обострение обстановки в деревне между зажиточными крестьянами и бедняками, которых поддерживала советская власть. При обсуждении вопроса об участии бедноты в предвыборной кампании председатель Чамеровской волостного Крестьянского комитета общественной взаимопомощи Вельегонского уезда Тверской губернии, который занимался оказанием помощи в кооперировании крестьянских хозяйств, заявил: «У нас нет бедноты, а есть лодыри, пьяницы, которым советская власть оказывает поддержку льготами и кредитами, а тут еще хотят их выделить в сельсоветы, чтобы они там деньги пропивали».

Большую активность во время выборов проявляли лишенцы, массово подавая заявления о восстановлении в избирательных правах, заявляя о своей активной общественной позиции и поддержке советских мероприятий. Они подвозили дрова к школам, активно участвовали в работе изб-читален, становились застрельщиками проводимых в деревне кампаний по покупке облигаций займов, внесению взносов по самообложению. Они давали бесплатно бедноте для молотбы, очистки зерна, помола муки свои сельхозмашины и мельницы.

Основным и наиболее распространенным лозунгом крестьян во время выборов было требование о прекращении расслоения крестьянства на бедняков, середняков и кулаков. Они заявляли: *«Зачем вы устроили какое-то расслоение, где вы тут кулака нашли, все село перепутали. Там актив, там группа бедноты, там середняк – мы все одинаковы».*

1929 год. В том году по всей стране губернии были заменены областями, а уезды и волости – районами. Бывшая Тверская губерния

была разделена на округа, в том числе Бежецкий и Тверской, которые вошли в состав Московской области.

14 января 1929 года была образована Московская Центрально-Промышленная область, а с 3 июня 1929 года она переименована в Московскую область.

Летом 1929 года в Тверском округе Московской области наблюдалась нехватка хлеба, нормы отпуска муки кооперацией, ведающей снабжением сельского населения, были сокращены. Также сократился подвоз муки на рынки всего округа, цены на хлеб поднялись с 7–8 рублей за пуд, достигнув в некоторых районах округа 14 рублей. Население компенсировало проблемы с хлебом и голодом появлением съедобной зелени и увеличением надоев молока.

Осенью 1929 года отмечалось слабое поступление хлеба от вновь созданных колхозов. Колхозы, с целью сокрытия своих хлебных запасов, преуменьшали хлебофуражные балансы, произвольно увеличивали потребительские нормы на свои нужды и задерживали обмолот хлеба, одновременно продавая его на частных рынках. Зачастую задержка обмолота хлеба происходила из-за распоряжения местных властей об обмолоте хлеба в первую очередь индивидуальным хозяйствам. Сентябрьское задание по сдаче хлеба бежецкими и тверскими колхозами было выполнено на 7–14%, в зависимости от района. В результате нажима на них по хлебозаготовкам некоторые колхозы распались.

В связи с широко распространенными слухами о предстоящем насильственном изъятии скота и передачи его в колхозы, по всей стране с декабря 1929 года началась массовая распродажа и убой скота. Создалась реальная угроза проведению весной 1930 года посевной кампании из-за резкого сокращения поголовья лошадей. Многие крестьяне вступали под нажимом во вновь организуемые колхозы, предварительно распродав свой скот.

Представители ОГПУ в своих справках руководству страны объясняли задержку хлеба колхозами их засоренностью кулаками, зажиточными крестьянами и антисоветскими элементами, которые вступали в колхозы, по мнению чекистов, исключительно для личного обогащения и укрытия от налогового пресса [172].

1930 год. Год начался с продолжения убоя скота перед вступлением в колхозы, а также совершенными терактами. За период с 1 января по 17 февраля по Московской области было совершено 47 терактов в отношении имущества, жизни и здоровья руководителей колхозов,

работников низового аппарата советских органов, общественников и колхозников. Из них в Бежецком округе было совершено 4 теракта, в Тверском округе – 2 теракта. Из 47 терактов совершено 24 поджога, 7 повреждений имущества и 3 убийства.

В деревне Нестерово Весьегонского района 10 января 1930 года двое крестьян убили активиста Шабанова.

В деревне Барановка Лихославльского района 6 февраля сожгли мельницу, перешедшую коллективу «Заря коммунизма».

В колхозе «Верный путь» Толмачевского района 15 января двое напали на агронома Князева, один из них нанес ему удар камнем по голове.

Органы ОГПУ расценивали эти и другие факты, как противодействие антисоветских элементов деревни проводимым мероприятиям по коллективизации и раскулачиванию.

В помощь советским органам деревни для создания колхозов были направлены 25 тысяч рабочих. Основную массу добровольцев составляли малоквалифицированные рабочие с небольшим производственным стажем. Нередко эти малообразованные рабочие допускали факты присвоения конфискованного у кулаков имущества. Занимали дома кулаков, предназначенные под общественные и социальные организации, под собственное жилье. Допускали грубые отношения с колхозниками и единоличниками.

В феврале 1930 года в селе Золотино Лихославльского района Тверского округа при изъятии имущества у попа Виноградова и дьякона Кавского, часть его была расхищена членами комиссии во главе с председателем сельсовета Кокоревым. Выселение дьякона из своего дома комиссия завершила трехдневной пьянкой в его же доме, за это дьякону было разрешено взять обратно часть своего имущества. Председатель сельсовета, будучи в состоянии сильного опьянения, ходил по улице и бесцельно стрелял в воздух.

Продолжались выступления крестьян против вступления в колхозы, против закрытия церквей и обложения их высокими налогами. В селе Буйлово Рамешковского района Тверского округа поп церкви, которой были предъявлены страховые платежи на сумму свыше 2 тысяч рублей, назначил службу на 7 ноября 1930 года. Когда в церкви собрался народ, поп заявил, что сельсовет церковь закрывает, и он служит последний раз. Возбужденная толпа, свыше 300 человек, направилась в Алешинской сельсовет с выкриками: «Долой коммунистов, не дадим церковь, все расходы берем на себя, окажем помощь попу». По дороге

толпа увеличилась до 1000 человек и всю ночь ходила с антисоветскими выкриками.

В селе Хабоцкое одна пришедшая нищенка рассказала о том, что она недавно была членом колхоза. У нее все отобрали, и она вынуждена нищенствовать. Под влиянием ее рассказа на следующий день из колхоза вышли 50 хозяев.

В селе Завидово Завидовского сельсовета Тверского округа 10 февраля 1930 года в колхоз вступили около 500 хозяйств. Организацию колхоза предполагалось ознаменовать массовой демонстрацией, выехав на 400 подводах в соседние селения. Накануне, 9 февраля, поп села Завидово Дмитриев распустил слух, что 10 февраля он совершает последнюю, особо торжественную службу. На службу пришло около 400 местных крестьян, в связи с чем, намеченная демонстрация колхозников была сорвана.

Эти и другие факты были отмечены в справках сотрудников ОГПУ, направленных руководству страны, эти справки сейчас рассекречены [173].

Колхозное строительство в Бежецком округе

*Чего сейчас у нас
не хватает, так это
смелости и настойчивости
в коллективизации.*

В.М. Молотов

В ходе административно-территориальной реформы на основании постановления ВЦИК СССР от 14 января 1929 года на территории РСФСР губернии, уезды и волости заменили областями, округами, районами и сельсоветами. Бежецкий округ с 10 районами вошел в состав Московской области, он, как и прежний Бежецкий уезд, оставался сельскохозяйственным. Многие образованные тогда округа, в том числе и Бежецкий, просуществовали чуть больше года и были ликвидированы.

Коллективизация в СССР проходила в два этапа, первый этап в 1929–1930 годах, второй – в 1931–1932 годах. *Бежецкий округ пережил первый этап коллективизации, так как во время второго этапа его уже не существовало.* В 1930 году по округу насчитывалось 127 тысяч крестьянских хозяйств.

По плану, утвержденному Московским областным исполкомом, по Бежецкому округу предполагалась коллективизация к весеннему севу 1930 года – 50,8 тысячи крестьянских хозяйств, или 40% к общему их числу, а за 1930 год – 63,5 тысячи крестьянских хозяйств, или 50% к общему числу [174].

Одновременно с коллективизацией поручалось провести раскулачивание зажиточных хозяйств согласно постановлению Совнаркома СССР от 21 мая 1929 года «О признании кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». Кроме хозяйств, применявших наемный труд, к ним отнесли хозяйства, которые имели мелкие промышленные предприятия с механическим двигателем, занимались торговлей, ростовщичеством или коммерческим посредничеством.

Многие председатели сельсоветов и другие местные руководители не соглашались с признаками «кулака», обозначенные в этом постановлении. Они считали кулаком лишь ростовщика или торговца, одновременно имевшего сельское хозяйство с наемной рабочей силой. Они заявляли, что до революции можно было легко определить, кто буржуй. Он имел лавку, имел собственность, эксплуатировал чужой труд. После революции у буржуя забрали все, и как теперь его отличить от бедняка?

Другим малограмотным председателям сельсоветов и коммунистам было без разницы, было в хозяйстве до трех или более наемных работников, и были ли малые промышленные предприятия с механическими двигателями, с ручной или лошадиной тягой. Революционно настроенные бедняки и коммунисты в ответ говорили, что, может, быть у крестьянина мало скота и хозяйство небольшое. Но он – раскулаченный кулак, у которого революция взяла все, что можно. Поэтому в политике он даже более свирепый враг революции, чем современный буржуй, который нажил богатство сейчас и пользуется нажитым. Поэтому тех, кого раскулачили после революции, заявляли эти коммунисты, надо раскулачивать снова.

Таким образом, в 1929–1930 годах все категории деревенских «нэпманов» свели в один класс – кулачество и объявили его врагом пролетариата и деревенской бедноты. Нагнетание борьбы с кулачеством как классом резко возросло после принятия 18 июля 1929 года постановления ВЦИК и Совнаркома «О целесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов». Самые трудолюбивые крестьяне, более зажиточные семьи, объявленные советской властью «кулаками»

и «классовыми врагами пролетариата», были отданы на растерзание государственной машины под названием «диктатура пролетариата».

Осенью 1929 года по Бежецкому округу началась сплошная коллективизация крестьян, которую обязали провести в кратчайшие сроки, при этом зажиточных крестьян, отнесенных к кулакам, в колхозы не принимать. Советская власть повела решительную борьбу с кулаками, требуя от них в кратчайшие сроки продать по низким государственным ценам в колхоз землю, постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь, а самим добровольно покинуть родную деревню, в которой исстари проживали все их предки.

Некоторые зажиточные крестьяне от безысходности за бесценок продавали свое нажитое упорным трудом имущество и всей семьей уезжали в города, на стройки народного хозяйства, в другую местность. Они понимали, что лучше самому собраться и тихо покинуть свои родные места, чем ждать, когда тебя насильно отправят в неизвестные края. Используя свое должностное положение, некоторые представители советской власти предлагали зажиточным крестьянам, чтобы они продали лично им или их родственникам дом с постройками и земельный надел за бесценок.

По всему Бежецкому округу проводились собрания с жителями селений и группами бедноты в целях агитации вступления в колхозы и одновременно в целях чистки партии. На этих собраниях жители деревень, в том числе и беднота, требовала силой не расслаивать деревенское общество, заявляя: «Кулака у нас нет, а вы относите к кулакам всех трудовиков крестьян. Кто лучше знает политику – М.И. Калинин или партийная ячейка? Калинин прав, когда предлагал проводить землеустройство, не выделяя бедноту. Нас разъединяют, делят на три группы, раскалывают деревню и вносят вражду внутри нас» [175].

«Налог не дает развиваться сельскому хозяйству, как заведешь вторую корову – попал в середняки, и налог увеличивают. Не могу понять, почему беднота не уменьшается, ведь им власть помогает и помогает, а толку мало. Надо делать снисхождение и льготы тем, кто больше заводит скота, тогда лучше будут и землю удобрять и будет больше пользы власти. А то сами не работают и другим не дают» [176].

В справках о ходе проведения собраний в деревнях указывалось, что деревенские коммунисты и бедняцкий актив давали слабый отпор подобным выступлениям. Они не могли подобрать весомые аргументы в ответ на выступления основной массы крестьян.

В целях взыскания недоимок по налогам в Бежецком округе Московской области в декабре 1929 года был образован штаб из представителей рабочих, прокуратуры и окружного финансового отдела. На местах создавали тройки из представителей прокуратуры, райисполкомов и окружного штаба. В обязанность троек вменили проведение обысков, прежде всего, среди нетрудовых элементов, а также отдельных категорий плательщиков – торговцев, служителей религиозных культов, кустарей и ремесленников, которые имели по 3 и более наемных работников. Обыски также проводились и среди лиц, привлеченных к уплате единого сельхозналога в индивидуальном порядке [177].

В результате угроз, шантажа, повышения налогов и других репрессивных мер в начале 1930 года в Бежецком округе Московской области уполномоченные из городов, местные коммунисты и представители советской власти активно организовывали колхозы. К 10 января 1930 года в округе было создано 320 колхозов с числом крестьянских дворов 7,8 тысячи, а уже через месяц к 10 февраля было создано 1048 колхозов с числом крестьянских дворов 58,5 тысячи, или 55,7% от всех крестьянских дворов округа [178].

31 января 1930 года Бежецкий окружной комитет партии направил письма секретарям райкомов партии 10 районов, входящих в состав округа, «О практических мероприятиях против кулачества, как класса в деревне». В письме было указано, что исходя из общей установки ВКП(б) необходим переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса.

Этот поворот, сказано в письме, требует немедленных и решительных действий во всей практической работе партийных организаций. Стоит задача – ликвидировать кулачество как класс, для чего требуются смелые и решительные действия.

Бежецкий окружной комитет партии в своем письме требовал от секретарей райкомов, что «раскулачивание должно стать составной частью развертывания колхозного строительства, и идти неотрывно от работы по организации колхозов. В районах сплошной коллективизации сами бедняцко-средняцкие массы должны выносить решения о раскулачивании. В районах, где коллективизация охватывает незначительный процент бедняцко-средняцкий хозяйств, раскулачивание должно явиться толчком, стимулом к организации колхозов.

Раскулачивание, то есть ликвидация кулака как класса, должно вести к ликвидации его собственности на средства и орудия произ-

водства. При раскулачивании в кулацких хозяйствах подлежат конфискации:

- все сложные машины сельскохозяйственного производства;
- молотилки, сеялки, веялки и другие агрегаты;
- промышленные и перерабатывающие предприятия – крупорушки, маслобойни, мельницы и другие;
- весь продуктивный скот – коровы, лошади, овцы, свиньи и другой;
- жилые и нежилые хозяйственные строения, могущие быть использованы для нужд колхоза;
- валюта, золото и ценности.

Домашние вещи конфискации не подлежат, за исключением случаев нахождения запасов явно спекулятивного характера – избыточные запасы мануфактуры, одежды и других товаров. Все конфискованное имущество должно быть немедленно обобществлено в колхозах и зачислено полностью в их неделимые фонды по оценке.

При оказании сопротивления раскулачиванию либо антисоветской агитации кулак подлежит немедленному аресту, преданию суду и строгому наказанию. То же самое при попытке к вредительству, поломке инвентаря, агитации за убой скота.

Вместе с этим в отношении раскулаченных хозяйств, подавленных до степени невозможности их активного сопротивления коллективизации, им могут быть выделены земли на неусвоенных или неудобных участках – песок, кочки, заболоченность и другие, оставляя им минимум орудий и средств производства.

Во всех видах кооперации исключить из членов все кулацкие хозяйства, при этом переданные ими основные капиталы кооперации возврату не подлежат. Не включать кулаков в договоры контрактации, но при этом установить для кулацких хозяйств обязательство о сдаче всех его товарных излишков по твердой цене.

Не снабжать их сельскохозяйственными машинами, запчастями и другим. Раскулачиванию подлежат только кулаки – хозяйства с индивидуально облагаемым налогом, лишенцы, спекулянты и торговцы, середняцкий слой деревни раскулачиванию не подлежит.

Ввиду имеющихся случаев административного подхода к полному закрытию церквей в районах сплошной коллективизации, что приводит к обратному выходу целых сел из колхозов, необходимо категорически запретить огульное закрытие церквей без предварительного решения об их закрытии крестьянскими сходами» [179].

10 марта 1930 года ЦК ВКП(б) направил всем партийным комитетам под грифом «секретно» постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении».

Постановлением поручалось:

- устранить все ошибки при обобществлении птицы, коров, мелкого скота, приусадебной земли, вернуть все это колхозникам в единоличное пользование;
- восстановить базары, рынки и не стеснять крестьян, в том числе и колхозников, продавать свои продукты на рынках;
- немедленно прекратить в какой бы то ни было форме насильственную коллективизацию. Решительно бороться с применением каких бы то ни было репрессий по отношению к крестьянам, не идущим пока в колхоз;
- немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семей красноармейцев и краснофлотцев, вернув им отобранное имущество;
- предложить ОГПУ не принимать кулаков к отправке без одежды и продовольствия и принять все необходимые меры к исправлению ранее допущенных ошибок;
- решительно пресекать практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемом общественно добровольным желанием населения;
- обязать редакцию газеты «Правда», исходя из настоящего постановления, усвоить соответствующий тон, освещать задачи партии в колхозном движении в соответствии с настоящими директивами [180].

Этот документ Центрального комитета партии продублировал во все районы округа Бежецкий окружной комитет партии, признав свои ошибки. В письме от 14 марта 1930 года резюмировали, что исполняя решения партии при раскулачивании, в округе допускали нарушения прав середняка и других групп деревни. Раскулачивались семьи красноармейцев, краснофлотцев, красных партизан, рабочих и трудящейся интеллигенции, которые раскулачиванию не подлежали.

Практиковалась «голое» раскулачивание, когда у крестьянина отбиралось все, в том числе предметы домашнего обихода, одежда, обувь, кухонный инвентарь. Все эти действия ставят под угрозу срыва

выполнение плана коллективизации и проведения весенней посевной кампании по Бежецкому округу.

Райкомам партии было поручено категорически прекратить всякое закрытие церквей административным или финансово-налоговым способом. Немедленно пересмотреть списки лишенных избирательных прав и индивидуально обложенных крестьян сельхозналогом. Рассмотреть списки всех раскулаченных, исправить их, исправленные списки срочно направить в Бежецкий окружной исполком [181].

Но уже к весне 1930 года колхозы стали быстро распадаться, несмотря на проведение репрессивных мер. Так, например, 6 января 1930 года представители власти закрыли церковь в селе Ключевая Максатихинского района, не поставив в известность крестьян окружающих деревень. На Крещение, 7 января, к церкви съехался народ, начал возмущаться закрытием церкви, но был разогнан милицией. Несколько активистов защиты церкви, большинство из них – женщины, были арестованы. В ответ на следующий день, 8 января, около 100 крестьянских дворов вышли из колхоза.

При выходе из колхозов крестьяне разбирали сданные туда сельскохозяйственные орудия, скот и семена. За уклонение от проведения весеннего сева 1930 года по Бежецкому округу Московской области были арестованы 30 крестьян [182].

25–30 мая 1930 года в Бежецке прошла II окружная партийная конференция, от Сонковского района в числе других коммунистов делегатом с решающим голосом был Ракитин Петр Иванович, 38 лет, член партии с 1918 года, председатель коммуны «Красный Октябрь». На конференции отмечалось, что по состоянию на 1 мая в округе действуют 279 колхозов, в которые входят около 5 тысяч крестьянских хозяйств, или 4% от всех хозяйств округа. План коллективизации на 1930 год был сорван.

После значительного отлива из колхозов крестьян и распада колхозов в работе местных парторганизаций появились растерянность, паника, колебания, сомнения и пассивность в подготовке весеннего сева 1930 года и создании новых колхозов.

К 1930 году увеличилось число крестьян, привлеченных к индивидуальному обложению по налогам с 0,9% от всего крестьянского населения округа в 1929 году до 2,7%. Число хозяйств, освобожденных от налога, за этот период увеличилось с 29 до 32,5% от общего числа крестьянских хозяйств.

В связи с этой и другими причинами общая сумма единого сельхозналога уменьшилась в сравнении с 1929 годом с 2,6 млн рублей до 1,6 млн рублей, или на 38%.

По-прежнему шло вытеснение частника с рынка товаров и услуг, его доля товаров и услуг за один год уменьшилась с 7 до 1% от общей суммы проданных товаров и предоставленных услуг.

Снижение удельного веса частника произошло за счет увеличения товарооборота в потребкооперации с 89 до 92% и в государственной торговле с 4 до 7%. Число членов-пайщиков кооперации по округу увеличилось за полгода со 106 тысяч до 147 тысяч человек. На партийной конференции в Бежецке отмечалось, что в обстановке решительной борьбы с кулаком со стороны власти и партии коммунистов в округе не было активной борьбы с ним со стороны бедноты. В момент массовых выступлений в деревне было выявлено много случаев открытого проявления сочувствия к раскулаченным крестьянам со стороны бедноты и составление одобрительных приговоров на деревенских собраниях в отношении их. В ряде мест кулаки влияли на работу в деревне больше, чем коммунисты [183].

Бежецкий округ был ликвидирован наравне с большинством других округов 23 июля 1930 года, все районы округа перешли к Московской области.

Первые попытки коллективизации в Сонковском районе Московской области

*Некоторые товарищи стали
проявлять чрезмерную
торопливость, стали
насаждать колхозы
в принудительном порядке.*

И.В. Сталин

Сонковский район в составе Бежецкого округа Московской области в числе других был образован 12 июня 1929 года. К 1930 году район имел население 53 166 жителей, из них 52 тысячи были крестьянами. Районный центр поселок Сонково с числом жителей 1078 человек расположен на узловой станции Октябрьской и Северной железных

дорог. В 1929 году район объединял 17 сельсоветов, в 1930 году в результате их разукрупнения в районе было 33 сельсовета. Населенных пунктов в районе – 348, крестьянских дворов – 11 738, на десять дворов в среднем приходилось по 45 человек. Среди сельского населения было много отходников и сезонных рабочих, которые тяготели в большей части к Ленинграду.

До образования района в 1929 году коллективизация сельского хозяйства здесь имела весьма слабое отражение. На 1 октября 1929 года на территории только что образованного Сонковского района имелись:

- 3 коммуны с общим числом членов 80 человек;
- 5 товариществ по совместной обработке земли с числом членов 109 человек;
- 11 сельскохозяйственных артелей с общим числом членов 245 человек.

В январе-феврале 1930 года была взята установка на сплошную коллективизацию района. На 1 марта 1930 года в районе имелось 12 коммун и 114 сельскохозяйственных артелей, которые объединяли 7729 крестьянских хозяйств или 66,6% от общего числа дворов. Но с 1 марта начался массовый выход из колхозов, по заявлению советских и партийных органов, по следующим причинам:

1. Установка на сплошную коллективизацию всего района была взята при неподготовленности деревенских общественных организаций.
2. Акцент был сделан на крупные коммуны-комбинаты, а не на сельскохозяйственные артели.
3. Имели место перегибы при обобществлении в форме приказов и администрирования.
4. Была ожесточенная агитация классового врага – кулачества среди крестьян, направленная на срыв коллективизации.

В связи с этим к маю 1930 года в районе осталось 9 коммун и 15 сельхозартелей с общим числом 1043 крестьянских двора, в которых проживало 1510 человек, из них 740 трудоспособных крестьян. В среднем на каждое крестьянское хозяйство, вступившее в колхоз, приходилось по 1,44 человека, в то время как в среднем по району в каждом крестьянском хозяйстве было по 4,5 человека. (Для меня непонятно, с какой целью приняли в эти коллективные хозяйства 303 двора без трудоспособных крестьян, возможно, для отчета. – А.Г.).

К 1 октября 1930 года в районе было создано 23 колхоза, из них 10 колхозов состояли из 5–10 крестьянских дворов. В 17 колхозах председателями были коммунисты, в 6 колхозах – беспартийные руководители. *К тому времени на территории района насчитывалось 11 758 крестьянских хозяйств, из которых 33,9% бедняков, 65,9% середняков и 0,2% кулаков [184].*

3 марта 1930 года состоялось собрание бедноты и батрачества Сонковского района. На собрании бедняки задавали много вопросов представителям власти: «Можно ли раскулачивать тех, кто вступил в колхоз, если беднота считает их вредными?» «Чем объясняется медленный темп раскулачивания?» «Как строится колхоз – добровольно или под нажимом, и почему колхозы быстро распадаются?» «Что будет бедняку, если он не идет в колхоз, где ему будет нарезан надел земли?»

В выступлениях бедняков и представителей власти говорилось, что причина развала колхозов – кулацкая агитация, она обоснована тем, что нет достаточной подготовки к севу, не работают отобранные у частных кузницы, нет удобрений. Плохо, что кулаки хотя и раскулачены, но остаются жить на прежних местах. Они распускают слухи, что будут раскулачивать и бедноту, но у нее нечего взять, подшитые сапоги не возьмут. Нужно усвоить всем беднякам, что мирным путем колхозов не создать.

В постановлении собрания бедноты Сонковского района от 3 марта 1930 года записали, чтобы не останавливали темпов коллективизации по району с таким расчетом, что к весенней посевной кампании 1930 года коллективизировать Сонковский район на 100%. Произвести чистку руководящих составов колхозов. Беднота обязалась принять самое горячее участие в строительстве колхозов и раскулачивании кулаков [185].

В документах Бежецкого окружного комитета партии отмечалось, что коллективизация идет быстрыми темпами. На 1 февраля 1930 года по округу создано 643 колхоза с охватом 27,6 тысячи крестьянских хозяйств, или 22,4% от общего числа крестьянских хозяйств. В том числе по Сонковскому району создано 59 колхозов с 2,8 тысячи дворов, или 23%. Получалось, что по округу в каждом колхозе в среднем по 43 хозяйства, по Сонковскому району – 47 хозяйств.

5 марта 1930 года состоялся пленум Сонковского райкома ВКП(б), в работе которого приняли участие 22 коммуниста. На пленуме было принято решение по сплошной коллективизации батрацко-бедняцкой

и середняцкой массы деревни. Говорилось о необходимости создания батрацко-бедняцких групп во всех создаваемых колхозах и выборных органах. Оставлять в индивидуальном пользовании члена артели одну корову, мелкий скот и огород. Там, где приспособлены артельные дворы и организован уход, перевести обобществленный скот с частных дворов, в которых он по-прежнему находился.

8 марта 1930 года на общем собрании членов и кандидатов в члены ВКП(б) Сонковской организации с участием 88 человек отмечалось, что в вопросах коллективизации в районе были допущены ошибки и промахи. Увлечлись созданием высшей формы колхозов – коммунами, в сельскохозяйственных артелях обобществляли весь молочный и другой скот, а также птицу. При этом в сельхозартелях вовлекали путем административного подхода, что вызывает законное недовольство бедняцко-средняцких масс крестьянства.

Собрание отмечало, что распад колхозов, и особенно недовольство женщин, использовалось кулачеством против колхозного движения. Из сельсоветов района сообщали, что колхозов фактически нет, назначенные правления колхозов никакого влияния не имеют. Ответственные работники потеряли доверие масс ввиду самоликвидации колхозов [186].

На собрании подтвердили правильность принятого ранее решения об обобществлении скота и семян, оставляя в индивидуальной собственности колхозников лишь по одной корове. Обобществленный скот размещать в колхозных скотных дворах, где они есть, а не оставлять на дворах у колхозников.

Во всех организуемых колхозах создать батрацко-бедняцкие группы, ни одного мероприятия не проводить без предварительной проработки на бедняцких собраниях, при этом не игнорировать работу и с середняком. Принять все меры к недопущению раздела обобществленных семян зерновых культур и льна [187].

Протестуя против вступления в колхозы, крестьяне массово забивали личный скот, чтобы не передавать его в общественное стадо. В советских агитационных плакатах того времени, призывая вступать в колхозы, писали: «Со всем инвентарем в колхоз вступай, не режь свой скот, не продавай».

На второй Сонковской районной партийной конференции 20–21 мая 1930 года коммунисты заявляли о том, что они свои ошибки чувствовали раньше. «Но работу по коллективизации иначе построить

было нельзя. В район приезжал начальник Бежецкого окружного административного отделения Лузин, который командовал, приказывал, учащая аресты середняков. А окружная контрольная комиссия в срок каких-либо мер не принимала. Представители профсоюзов в районе зачастую выступали против директив партии и против коллективизации (коммунист Калнин)».

«Много говорят об укреплении колхозов, но мало что делают. Коммуна «Красный Октябрь» существует третий год, но до этого времени в ней нет детских яслей, детской площадки, общественной столовой (коммунист Ракина В.Н.)».

«Представитель окружного комитета партии Лузин нас брал за шиворот и издевался, как уполномоченный, над теми крестьянами, которые ему возражали (коммунист Куликов)».

«Было неправильное руководство окружным комитетом партии в части проведения коллективизации. Говорили «лучше перегнуть, чем недогнуть», так и получалось. В районе административным путем церкви не закрывались, церковные советы сами приносили ключи (коммунист Журавлев)».

В резолюции было указано, что вторая партийная конференция коммунистов Сонковского района отметила ошибки Бежецкого окружного комитета партии в проведении политики в деревне, объявившего сплошную коллективизацию в округе весной 1930 года.

«Были допущены ошибки при раскулачивании, при установлении индивидуального налога, проявлении грубого администрирования при создании колхозов. Окружной комитет партии допустил неправильный подход в деле закрытия церквей, базаров, рынков, запрещении торговли частниками и другие подобные ошибки. Все эти перегибы привели к срыву плана коллективизации в Бежецком округе и затормозили дальнейший ход коллективизации» [188].

В Сонковском районе за допущенные перегибы при проведении коллективизации председатель Кузнецовской сельхозартели, член партии с 1924 года И.И. Мельников был приговорен к полутора годам лишения свободы. В приговоре деревенских жителей, которые просили отменить решение суда, указывалось, что Мельников из зажиточной семьи, которая арендовала землю, но суд не учел, что он с 11 лет порвал с семьей, работая булочником в Петрограде [189].

На бюро Сонковского райкома партии 17 декабря 1930 года снова рассмотрели вопрос о положении в колхозах района. В поста-

новлении отметили бесплановое ведение коллективных хозяйств, бесхозяйственность, позднюю уборку и обмолот урожая. Отмечалось, что в колхозах низкая производительность труда и трудовая дисциплина.

На заседании бюро райкома партии коммунисты заявляли, что нехватка лошадей в колхозах для перевозки сельскохозяйственной продукции на заготовительные пункты привела к отсутствию денег в колхозах. Колхозники не могут купить себе необходимые товары, они оказались в худшем положении, чем единоличники. Они нуждаются в теплой одежде, обуви и рукавицах. У них нет необходимых продуктов – крупы, подсолнечного масла, рыбных и других продуктов.

На подвозку одной льнопродукции требовалось около тысячи подвод, поэтому ситуация может быть изменена не ранее месячного срока. До этого поручалось райисполкому добиться ввоза для колхозников 500 пар валяной обуви и рукавиц. Поручить райпо выдать в колхозы 10 мешков крупы в счет последующей сдачи колхозами молока. Разрешить колхозам оставлять по 10 килограммов на едока льносемян для переработки их в льняное масло.

Коммунисты заявляли, что все недостатки привели к шатаниям и колебаниям колхозников, их выходу из колхозов. Поручено партячейкам проверить социальный состав колхозников, изгоняя из них примазавшихся чуждых элементов. Добиваться на место изгнанных из колхозов кулаков принятия бедняков, батраков и середняков [190].

Советское государство в числе других мер по проведению коллективизации пошло на изменение торгово-снабженческой политики. Промышленные товары начали отпускать только колхозникам, ставя единоличника в сложное положение. Он не мог на свои заработанные деньги купить в сельском кооперативе керосин, мыло, спички, гвозди, ситец и другие товары, необходимые в крестьянском хозяйстве.

Вторая и окончательная попытка колхозного строительства в Сонковском районе началась во второй половине 1930 года, к 1 января 1931 года в колхозы вступили треть всех крестьянских хозяйств. В карельских деревнях Сонковского района колхозы организовали в феврале-марте 1931 года.

Первые итоги колхозного строительства (1928–1930 годы)

*Нарушили принцип добровольности
при построении колхозов.*

И.В. Сталин

В своей статье «*Год Великого перелома*», опубликованной 7 ноября 1929 года в газете «Правда», руководитель коммунистической партии И.В. Сталин назвал таковым год, прошедший с одиннадцатой до двенадцатой годовщины Октябрьской революции, то есть с 7 ноября 1928 года по 7 ноября 1929 года. Сталин писал, что год прошел под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни.

В деревне речь шла о коренном переломе в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства, – по словам Сталина – к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям и колхозам, опирающимся на новую технику.

В статье указано, что в 1928 году посевная площадь колхозов составляла 1 млн 390 тысяч гектаров, с товарной продукцией зерновых около 20 млн пудов, или 3,2 млн центнеров (выходит, что при урожайности в 2,3 ц/га. – А.Г.). В 1929 году посевная площадь колхозов составляла 4 млн 262 тысячи гектаров, с товарной продукцией зерновых около 78 млн пудов, то есть 12,28 млн центнеров (при урожайности в 2,9 ц/га. – А.Г.). На 1930 год посевная площадь колхозов была намечена в 15 млн гектаров с товарной продукцией около 300 млн пудов, или 48 млн центнеров, то есть в 3,5 раза больше в сравнении с предыдущим годом.

Как указывалось в статье И.В. Сталина, урожайность зерновых в 1928–1929 годы на колхозных полях составляла всего от 2,3 до 3,2 центнеров с гектара, в то время как индивидуальные крестьянские хозяйства получали урожай в среднем 9–12 центнеров с гектара, или в 3,5–4 раза больше колхозов.

В то же время И.В. Сталин считал успехами положение дел в коллективизации, что этот небывалый успех в области колхозного строительства объясняется рядом причин, в том числе:

- партия проводила политику подведения крестьянства к колхозам через насаждение кооперативной общественности;

- советская власть правильно учла безвыходность положения крестьянства при старых формах обработки земли и организовала помощь в виде насаждения колхозов;
- небывалый успех в деле колхозного строительства объясняется, наконец, тем, что это дело взяли в свои руки передовые рабочие страны. Рабочие пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс.

И.В. Сталин писал, что рухнули и рассеялись в прах утверждения правых оппортунистов, группы Н.И. Бухарина, что крестьяне не пойдут в колхоз, что усиленные темпы развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство, что развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба.

По утверждению Сталина, все это рухнуло и рассеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам. Теперь даже слепые видят, что если и есть какое-либо недовольство у основных масс крестьянства, то оно касается не колхозной политики советской власти, а того, что советская власть не может угнаться за ростом колхозного движения в деле снабжения крестьян машинами и тракторами.

Можно с уверенностью сказать, писал Сталин, что благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса.

Но спустя всего четыре месяца после этой победной статьи И.В. Сталин обратил внимание на допущенные ошибки, на силовое давление власти в отношении крестьянства с требованиями о вступлении в колхозы. В газете «Правда» от 2 марта 1930 года была напечатана его статья *«Головокружение от успехов»*.

В ней Сталин писал, что на 20 февраля 1930 года по стране коллективизировано 50% крестьянских хозяйств. У крестьян было собрано для весеннего сева 220 млн пудов зерна.

Политика колхозного движения, по словам Сталина, опирается на добровольность и учет разнообразных условий в различных районах СССР. «Нельзя насаждать колхозы силой, – заявлял он в статье. – А что происходит на деле? Нельзя сказать, что принцип добровольности и учета местных особенностей не нарушается. В ряде северных районов стараются нередко подменить подготовительную работу по организации колхозов чиновничьим декретированием колхозного движения, организацией бумажных колхозов, которых еще нет в действительности.»

«Основное звено колхозного движения в данный момент – сельскохозяйственная артель. В ряде районов артель еще не создана, а там обобществляют жилье, постройки, скот, в том числе и мелкий, домашнюю птицу. Дразнить крестьянина-колхозника обобществлением жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы – такая политика может быть выгодной лишь нашим заклятым врагам», – писал Сталин в статье «Головокружение от успехов».

«Другие руководители дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов. Все эти головотяпские действия могли возникнуть лишь в атмосфере легких и неожиданных успехов на фронте колхозного строительства. Они могли возникнуть лишь в результате головотяпских настроений в рядах партии, что мы все можем и нам все нипочем. Чтобы выправить линию нашей работы в области колхозного строительства, надо положить конец этим настроениям», – заключил И.В. Сталин.

В ответ на статью Сталина «Головокружение от успехов» в газету «Правда» начали поступать с мест письма крестьян, многие из них были без указаний имен авторов. В письмах крестьяне высказывали свою боль и обиду: «Насилие, которое произвели бригадники (уполномоченные организаторы колхозов. – А.Г.), привели к полному недоверию к ЦК партии, особенно к товарищу Сталину. Его называют «зимогором», «прохвостом», говорят, что это у него самого закружилась голова. Если в районе 10 кулаков, то раскулачивали 500 дворов».

«Мы, все низы, проморгали вопрос о руководстве колхозами, а товарищ Сталин, наверное, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел ошибок. А теперь товарищ Сталин сваливает всю вину на места, а себя и верхушку защищает».

«Лозунг ликвидации кулачества сам по себе является загибом влево. Правильно «правые» указывали на трудности. Нельзя согласиться с тем, какую линию проводили после XV партсъезда. Много погибло человеческих душ во время выселения кулаков. При морозе в 40 градусов везли семьи на лошадях в Тюмень, в Тобольск. В одном Тобольске похоронено около 3 тысяч людей, это совершенно невинные жертвы.

Пусть меня считают кулаком за то, что я не желаю пойти в колхоз, но причем же тут дети виновны? Правы товарищи Бухарин, Рыков, Томский и Фрумкин, они лучше Вас знают крестьянский быт и крестьянскую идеологию».

На имя И.В. Сталина, а также в центральные советские и партийные органы поступали тысячи подобных жалоб от раскулаченных крестьян. Некоторые из них писали, что до революции были бедняками, после революции служили в Красной Армии или ВЧК. После службы, получив наделы земли, они стали обзаводиться хозяйством. К 1930 году имели свой дом, двор, амбары для сена, житницы, по 2–3 лошади, 2–3 коровы, их хозяйства стали считать кулацкими и обложили индивидуальными твердыми заданиями.

В жалобах эти крестьяне писали, что если он кулак, то все в деревне кулаки, они живут так же. Батраков они не имеют, мелких промышленных предприятий у них нет. Предупреждали, что если их запишут в «кулаки», они наполовину сократят посевы.

Газета «Правда» 8 апреля 1930 года опубликовала «*Ответ товарищам колхозникам*», где И.В. Сталин ответил на несколько вопросов в связи с опубликованием статьи «Головокружение от успехов».

Отвечая на вопросы, Сталин писал, что корень ошибок в крестьянском вопросе состоит в неправильном подходе к середняку, и допущении насилия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того, что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком, на основе союза с середняком. В забвении того, что основой колхозного движения в данный момент является союз рабочего класса и бедняка с середняком против кулачества в особенности.

Когда некоторые товарищи, опьяненные успехами, стали сползать с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком, когда они, в погоне за высокими процентами коллективизации, стали применять к середняку насилие, лишая его избирательного права, раскулачивая и экспроприруя его – наступление стало искривляться, кулак получил возможность попытаться вновь стать на ноги.

В колхозном движении, по крайней мере, было совершено три ошибки.

1. Нарушили принцип добровольности при построении колхозов. Нарушили примерный устав сельскохозяйственной артели о добровольности колхозного строительства. Некоторые товарищи стали проявлять чрезмерную торопливость, стали насаждать колхозы в принудительном порядке. Наскоро возникшие колхозы стали так же быстро таять, как быстро они возникли, а часть крестьянства, вчера

еще относившаяся к колхозам с громадным доверием, стала отворачиваться от них. В этом первая и главная ошибка в колхозном движении.

2. Нарушен принцип учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству. Забыли, что темпы колхозного движения и методы колхозного строительства не могут быть одинаковыми для далеко не одинаковых областей. ЦК партии в своем постановлении «О темпе коллективизации» в январе 1930 года разбил области СССР на три группы. Одна группа может закончить коллективизацию весной 1931 года, вторая – весной 1932 года, третья – в 1933 году.

На деле Московская область, например, стала ориентировать своих работников на окончание коллективизации весной 1930 года, хотя она имела в своем распоряжении не менее трех лет до конца 1932 года. Такие случаи имели место и в других районах. Понятно, что при таком скоропалительном темпе коллективизации районы оказались вынужденными пустить в ход усиленный административный нажим. В этом вторая ошибка в колхозном движении.

3. Нарушили принцип последовательности. Главной формой колхозного движения в данный момент является сельскохозяйственная артель. Это значит, что сейчас мы должны держать курс не на коммуну, а на сельскохозяйственную артель. Нельзя допускать перескакивания через артель к коммуне и нельзя подменять массовое движение крестьян к колхозам декретированием колхозов и игрой в колхозы.

Из-за того, что некоторые товарищи стали применять устав коммуны, принудительно обобществлять жилье, постройки и живность, устойчивых коммун не создали, а ряд сельскохозяйственных артелей выпустили из рук. В этом третья ошибка в колхозном движении. Отлив части крестьян из колхозов означает, что колхозы очищаются от неустойчивых элементов. Дутые колхозы исчезнут, прочные останутся и будут крепнуть.

Мы выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса, как главный лозунг нашей практической работы в деревне в данный момент. *Кулак есть враг советской власти, с ним у нас нет и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса.* Политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую только способны большевики.

На XVI съезде ВКП(б), открывшемся 26 июня 1930 года, были подведены первые итоги колхозного движения в стране и определены более конкретные сроки и задачи по колхозному строительству. Была принята резолюция «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства», в котором указывалось, что истекшие со времени XV съезда партии 2,5 года были периодом величайшего перелома в развитии сельского хозяйства СССР.

Этот перелом характеризуется тем, что на 1 мая 1930 г. в основных зерновых районах производящих областей коллективизация охватила 40–50% крестьянских хозяйств. Посевная площадь колхозов по СССР с 1,5 млн га весной 1928 г. поднялась примерно до 30–35 млн га весной 1930 г., не считая озимого клина. В результате этого колхозы вместе с совхозами уже в настоящем 1930 году дадут основную часть товарной зерновой продукции, в отличие от периода между XV съездом и XVI партийной конференцией, когда подавляющая часть товарной зерновой продукции производилась индивидуальным крестьянским, в том числе и кулацким, хозяйством. Таким образом, партия разрешает на деле основную и труднейшую проблему сельского хозяйства – зерновую проблему.

Всемирно-историческое значение происшедшего перелома в развитии СССР заключается в том, – указывалось в резолюции съезда, – что значительная часть середняцкой массы в важнейших зерновых районах вслед за бедняками поняла преимущества крупного общественного хозяйства, объединившись добровольно в колхозы и проведя сев на коллективных полях, и повернула на социалистический путь.

Тем самым не только теоретически доказана, но и проверена на опыте миллионов людей возможность при диктатуре пролетариата непосредственного перехода от отсталого, малопроизводительного мелкого и мельчайшего индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному высокопроизводительному хозяйству.

На основе развертывания сплошной коллективизации ряда районов СССР партия перешла от прежней политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов в деревне к новой политике – **политике ликвидации кулачества как класса**, осуществляя эту политику как неразрывную составную часть сплошной коллективизации, проводимой самими бедняцкими и середняцкими массами.

В результате массового развития колхозов и совхозов и начавшейся ликвидации кулачества меняется самое соотношение различных экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический уклад в сельском хозяйстве СССР, вытесняющий капиталистический уклад.

Социалистические отношения в СССР, опиравшиеся до сих пор почти исключительно на социалистическую промышленность, отныне начинают опираться также и на быстрорастущий социалистический сектор в сельском хозяйстве. В соответствии со всем этим по-новому ставится теперь вопрос об опоре советской власти в деревне. Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части:

- на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти,
- на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации.

Съезд считает нужным отметить, что партии удалось достигнуть этого перелома в развитии сельского хозяйства СССР в результате быстрого темпа развития индустрии, являющейся ключом реконструкции сельского хозяйства на коллективных началах:

- наступления на капиталистические элементы деревни (кулачество) на базе союза с середняком, представляющего основу колхозного строительства в данный момент;
- развертывания работы по организации деревенской бедноты и батрачества;
- разгрома контрреволюционного троцкизма и правого уклона.

Колхозы могут быть построены только на основе добровольности – отмечалось в резолюции съезда. Всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении бедняцко-середняцких масс в целях их присоединения к коллективам является грубым нарушением линии партии и злоупотреблением властью.

Основной формой колхоза на данной стадии является сельскохозяйственная артель. Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно отказались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от возможности вести личное хозяйство (корова, овцы,

птица, приусадебный огород), от возможности использования для себя зарботков на стороне – значит забывать азбуку марксизма-ленинизма.

Колхозное движение со временем может подниматься к высшей форме – к коммуне.

Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному может осуществиться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняков к колхозному руководству. Исходя из всего этого, съезд считает особо важным уяснение каждым членом партии характера тех ошибок и извращений линии партии, которые имели место весной этого (1930) года в практике проведения коллективизации.

Эти ошибки и извращения выражались в применении мер принуждения и насилия в отношении середняков и бедняков при построении колхозов:

- в обобществлении у членов артели мелкого скота и коров, имеющих потребительское значение;
- в перенесении на незерновые районы темпов коллективизации, оправдавших себя на опыте и предусмотренных решениями ЦК только в отношении зерновых районов;
- в скороспелом создании коммун без соответствующей материальной и организационной подготовки;
- в создании под видом колхозов-гигантов безжизненно бюрократических организаций, построенных на началах командования;
- в задержке предназначенных правительством для колхозов кредитов и лишении колхозников предоставленных правительством льгот;
- в грубом администрировании по отношению к колхозам и колхозникам и замене выборности назначением, командованием сверху;
- в затирании середняка и неиспользовании его хозяйственного опыта;
- в перенесении на середняка мер борьбы, направленных против кулака (раскулачивание, лишение избирательных прав).

Эти ошибки вызвали в ряде районов не только антиколхозные выступления, но и в отдельных случаях перерастание их под воздействием кулачества в антисоветские выступления. Причем наиболее

тревожным был тот факт, что со стороны партийных организаций нередки попытки «замазать» создавшееся положение, и вместо признания и исправления своих ошибок и недочетов в работе все валить на колебания середняка.

Если бы эти ошибки не были своевременно исправлены Центральным комитетом партии, статьями товарища Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», это грозило бы срывом дела коллективизации сельского хозяйства, подрывом самой основы Советского государства – союза рабочего класса с крестьянством.

В резолюции съезда коммунисты заявляли, что все меры, принятые Центральным комитетом партии для исправления ошибок, допущенных в практике коллективизации, в конечном счете сводились к восстановлению правильного ленинского отношения к середняку, нарушенного в ряде районов, к закреплению достижений колхозного движения и к осуществлению политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и в союзе с середняком.

Ход развертывания весеннего сева 1930 года показывает, что на основе коллективизации и насаждения совхозов партии удастся добиться разрешения труднейшей зерновой проблемы. Решение зерновой проблемы в свою очередь не только облегчает в дальнейшем развитие технических культур и животноводства, но и решает вопрос о возможности путем развития коллективного и государственного хозяйства вывода остальных отраслей сельского хозяйства из трудностей, непреодолимых для малопроизводительного мелкого и мельчайшего хозяйства.

Уже этой весной не только старые колхозы, но и новые колхозы, не имеющие еще достаточного организационного и хозяйственного опыта, сумели значительно расширить свои посевные площади и пустить в ход заброшенные земли и целину.

Имея в виду, что сочетание трактора с лошадьёю на полевых работах будет иметь место еще ряд лет, необходимо добиться бережного отношения к лошади и создания в соответствующих районах специальных совхозов и товариществ коневодческого направления.

Съезд обращает внимание всех партийных организаций незерновых районов на необходимость развертывания в этих районах большой подготовительной работы к массовому колхозному движению. Эта подготовительная работа, прежде всего, должна слагаться:

- из развития кооперативной организации бедняцкого и середняцкого крестьянства;

- массового распространения товариществ по общественной обработке земли как первоначальной формы колхоза, переходной к артели;
- всемерного укрепления существующих колхозов и развертывания сети машинотракторных станций;
- усиленного наступления на кулака в смысле дальнейшего ограничения его эксплуататорских тенденций и его роста при всемерном развитии организации бедноты и батрачества.

Особое внимание обращает съезд на недопустимость недооценки существующих в этих районах колхозов только потому, что их имеется весной этого года 7–8% вместо числившихся ранее на бумаге десятков процентов. Съезд считает недопустимым игнорирование этих колхозов, когда это небольшое число колхозов сыграло важнейшую роль в дальнейшем развертывании всего колхозного движения, поскольку в лице колхозов создавались образцы и примеры для всей остальной крестьянской массы и в них выковывались кадры, ставшие при дальнейшем развертывании колхозного движения организаторами массовой коллективизации.

Учитывая всю сложность предстоящего в ближайшие годы полного перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному, съезд предостерегает партийные организации от какого бы то ни было игнорирования единоличного хозяйства, которое в ряде районов страны будет существовать еще относительно долго.

Установление правильного отношения к единоличному хозяйству, которое бы в дальнейшем облегчало коллективизацию, становится в значительной мере вопросом о взаимоотношениях колхозников и единоличников.

Возникшие весной этого (1930) года в ряде мест в результате отходов из колхозов и борьбы наиболее активных и преданных делу коллективизации колхозников за сохранение колхозов обостренные отношения между колхозниками и единоличниками являются тормозом дальнейшей коллективизации. Поэтому съезд вменяет в обязанность всем партийным организациям добиться того, чтобы во взаимоотношениях колхозников с единоличниками установилось правило: *не травить единоличников, а оказывать им помощь и всячески привлекать к колхозу.*

Съезд категорически осуждает имеющее нередко место игнорирование кооперативной формы организации единоличных бедняков и

средняков крестьян, развитие которой является одним из важнейших условий постепенного перехода к колхозам.

Съезд считает грубо неправильной имевшую место в ряде районов слабого колхозного движения фактическую ликвидацию низовых форм простейшей кооперативной организации и предлагает всем партийным организациям немедленно обеспечить восстановление и дальнейший рост кооперативной организации, оказывая ей соответствующую организационную и финансовую поддержку.

Создание колхозных кадров является одним из важнейших условий укрепления коллективизации. В основу работы над созданием колхозных кадров должно быть положено выдвижение новых кадров из массы самих колхозников. Это же является важнейшей задачей направленных на работу в колхозы 25 тыс. рабочих, из которых многие уже успели проявить себя превосходными организаторами колхозного хозяйства и завоевали авторитет среди колхозников.

Партия исходит из того, что в ближайшие год-два из массы колхозников, безусловно, выделятся под воздействием передовых рабочих десятки тысяч подлинных организаторских талантов, которые станут настоящими строителями социализма в сельском хозяйстве.

Работа групп бедноты в первичных формах коллективных хозяйств должна быть улучшена и усилена, поскольку только опираясь на бедноту можно обеспечить переход простейших объединений на высшую ступень коллективизации. Партийные организации в колхозах должны обеспечить такую постановку работы групп бедноты, чтобы они не только защищали непосредственные интересы бедноты, но и содействовали укреплению союза рабочего класса и деревенской бедноты с середняками.

Разработать примерный устав товарищества обработки земли (ТОЗ) и коммуны. В основу примерного устава ТОЗ положить объединение труда членов ТОЗ во время посева и уборки, и приобретение за счет доходов товарищества сложных машин и других средств производства общего владения и пользования.

В основу примерного устава коммуны положить полное обобществление всех без исключения средств производства, а также постепенное создание учреждений и предприятий по обслуживанию нужд колхозников, ни в коем случае не подменяя этих задач ненужным и вредным мелочным обобществлением быта.

Понятно, что такой величайший переворот в жизни десятков миллионов людей, как переход от индивидуального мелкого крестьянско-

го хозяйства к крупному общественному хозяйству, неизбежно связан с рядом огромных трудностей, вызываемых обострением сопротивления классовых врагов внутри страны и наличием капиталистического окружения вовне.

Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению коллективизации. Ликвидация кулачества как класса потребует длительной упорной борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации и должна развертываться в полном соответствии с осуществлением сплошной коллективизации и как ее неразрывная часть – писали в резолюции.

В колхозах крестьяне окончательно изживут мелкособственническую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унаследованную от поколений мелких частных собственников, лишь в результате годов упорной работы над подведением под колхозы базы крупного, механизированного хозяйства, упорной работы над созданием кадров из среды колхозников и культурного подъема всей колхозной массы.

Партия добилась решающего перелома в деле коллективизации, неуклонно осуществляя политику индустриализации страны, тем самым создавая условия для развития производственных форм смычки с крестьянством и укрепляя союз рабочего класса и деревенской бедноты с середняком. Только таким путем партия могла создать необходимые условия для колхозного строительства. Только таким путем партия добьется не только закрепления достигнутых успехов, но и завершить дело коллективизации, заложив тем самым фундамент социалистического общества [191].

Голод начала 1930-х годов, массовое выселение «кулаков» из своих деревень, силовое и экономическое давление по вступлению в колхозы в марте 1931 года подтвердили, что Николай Иванович Бухарин не ошибался. Крестьяне отреагировали на статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» повальным выходом из колхозов, куда их загоняли силой. Местные советско-партийные активы были в полной растерянности, они плохо представляли себе, как вести себя и работать дальше.

Из спецпереселенцев, отправленных в ссылку из родных мест до появления статьи Сталина, обратно вернулись немногие, при этом имущество им никто не возвратил. Против колхозов как символов разорения и нищеты после статьи выступали не только середняки, но и бедняки.

Коллективизация и раскулачивание в карельской деревне (1930–1931 годы)

*Кулацким является любое хозяйство,
имеющее свыше 10 десятин земли.*

Л.Б. Каменев (Л. Розенфельд)

Активность по проведению коллективизации и борьбе с кулачеством как классом, стала проявляться после проведения административно-территориальной реформы и создания на территории РСФСР районов. На заседании пленума Сонковского райкома ВКП(б) Бежецкого округа Московской области в ноябре 1929 года определили два района (сельсовета. – А.Г.) сплошной коллективизации – Горский и Григоровский сельсоветы, заселенные как русским населением, так и карелами [192].

По состоянию на 1 сентября 1929 года жители карельских деревень Карело-Кошевского прихода вновь образованного Сонковского района не входили ни в колхозы, ни в коммуны, ни в льноводческие и молочные кооперации. Они являлись лишь членами-пайщиками потребительской кооперации, в том числе:

По Горскому сельсовету

Деревня	Дворов	Коров	Членов-пайщиков	Взнос пая
Акиниха	30	43	26	25 руб. 24 коп.
Бережки	40	55	32	145 руб. 61 коп.
Горбовец	44	50	38	58 руб. 12 коп.
Гремячиха	27	22	21	57 руб. 90 коп.
Калиниха	33	50	6	30 руб.
Климантино	40	57	28	67 руб. 88 коп.
Терехово	27	44	26	76 руб. 09 коп.

По Сулежскому сельсовету

Байки	60	81	45	47 руб. 15 коп.
Душково	40	44	31	49 руб. 20 коп.
Муравьево	48	58	37	75 руб. 90 коп.
Петрайцево	53	58	45	123 руб. 53 коп.
Поцеп	40	39	33	71 руб. 70 коп.
Шейно	19	24	18	69 руб. 25 коп.
Всего:	501	625	386	

В результате полученного хорошего урожая в 1929 году, по сообщению первого председателя Сонковского райисполкома М.К. Брудис, на 14 ноября в районе был перевыполнен государственный план по заготовке ржи в 2 раза, овса – в 2,1 раза, ячменя – в 1,2 раза, сена – в 1,3 раза. План по льноволокну к тому времени выполнили на 28,2%, так как основная его поставка производилась позднее – зимой.

Теперь, по истечении времени, можно понять, что план выполнялся в результате применения жестких административных мер, прежде всего, установлением твердого индивидуального задания по сдаче продукции государству зажиточным хозяйствам.

Число кулацких хозяйств, привлеченных к индивидуальному обложению, по сообщению председателя райисполкома Брудис, в 8 сельсоветах района – 137 дворов. По некоторым сельсоветам были установлены сроки сдачи ржи, овса и ячменя по установленным твердым заданиям в течение 24 часов с момента объявления постановления. К 11 ноября 1929 года полностью выполнили обязательства 104 хозяйства, частично выполнили 19 хозяйств, совершенно не приступали к выполнению 14 хозяйств, имевших твердые индивидуальные задания.

Кулацкие хозяйства должны были сдать по установленным индивидуальным заданиям 480,5 тонны зерна, к 11 ноября сдали 359,3 тонны. В суд было передано дело на одного кулака, на него наложили штраф в сумме 1662 рубля 70 копеек [193].

28 февраля 1929 года состоялась конференция женщин-делегаток Горского сельсовета, в ней приняли участие 69 женщин. Основной доклад, как тогда практиковалось на всех собраниях и совещаниях, был о международном положении. Заслушав доклад, женщины-делегатки передали горячий привет зарубежным сестрам и пожелали им успешной борьбы в освобождении от гнета капитала.

Женщины-делегатки проголосовали за протокол, где было записано, что они считают коллективную жизнь единственным средством освобождения женщин от тяжелого труда для правильного воспитания детей. Председателем конференции была Варвара Николаевна Ракитина из коммуны «Красный Октябрь». Четыре делегатки: Румянцева из Терехова, Голубева из Горбовца, Белоусова из Гремячихи и Соколова из Поцепа, представляли интересы карельских женщин 13 деревень. Сведений о проведении собраний женщин в этих карельских деревнях и направления делегаток на конференцию не имеется [194].

Первый в карельских деревнях колхоз «Новый Путь» был создан в деревне Климантино в начале 1930 года, создавался он с большим трудом. Активно ратовал за коллективизацию карельских деревень секретарь Карело-Кошевской комсомольской организации Михаил Петрович Лежушкин, 1907 г. р., уроженец и житель деревни Байки, член ВЛКСМ с 1925 года. В то время он был холостым, проживал с родителями и занимался вместе с ними сельским хозяйством.

Лежушкин сообщил в милицию, что 30 октября 1929 года около 10 часов вечера он возвращался из села Корельское Кошево домой в деревню Байки. Между деревнями Климантино и Байки возле него грянул выстрел, он от испуга упал. Стреляли с близкого расстояния, поэтому он на некоторое время оглох. Кто стрелял, он не видел, вреда выстрелом ему не причинено, подозрений ни на кого он не имеет. По этому факту его допросил агент уголовного розыска Дмитриев [195].

4 января 1930 года в Сонковский райком партии пришла докладная записка от коммуниста А.М. Волкова, который в то время проживал на станции Брусово. О себе он сообщал, что родился в деревне Климантино, потом с 1910-го по 1914 год жил в Петербурге. В 1914 году призван на службу, в 1916 году был тяжело ранен. После выздоровления в 1918 году пошел добровольцем в Красную Армию, там служил продовольственным агентом. В 1922 году вернулся в деревню Климантино, где произвел раздел хозяйства с отцом. В 1928 году выехал на станцию Брусово, где создал сельскохозяйственную артель и продолжал работать ее председателем.

Суть докладной записки заключалась в том, что его родной брат комсомолец Николай Михайлович Волков хочет организовать колхоз в родной деревне Климантино. Но жители деревни не хотят вступать в колхоз, заявляя, что они не желают быть в одном колхозе с бывшим торговцем. Волков в письме не отрицал, что их отец до революции торговал лоскутом и горшками, так как имел всего 3 десятины земли, а семья состояла из 10 человек. Поэтому двух дочерей приходилось отправлять в няньки, а одного сына отправили в Петербург по найму.

На его брата, как на бывшего торговца, показывают жители деревни Климантино: Ф.А. Сидоров, сын Андрея Васильевича, имеет трепалки, льномялки, имел по 15–20 работников по найму. На него 2 года работал и сам автор письма со своей сестрой.

Федор Васильевич Войлоков, известный крупный подрядчик, имел по 30–40 работников по найму, которых беспощадно эксплуатировал.

М.А. Сабуров, сын бывшего старосты, который служил старостой Корельского Кошевского сельского общества более 30 лет, сват Войлокова, а также П.И. Белов – подкулачник [196].

В помощь местным коммунистам в проведении сплошной коллективизации в Горский сельсовет были направлены рабочие-коммунисты, прибывшие из Москвы – И.П. Разумнов, В.П. Павлусь и В.П. Михайлов. В результате активных действий к апрелю 1930 года в Сонковском районе было организовано 25 колхозов, куда вошли 68 батраков, 243 бедняка и 198 середняков. Среди них был создан колхоз «Новый Путь» в деревне Климантино из четырех бедняцких хозяйств, четырех середняцких и одного батрака, а всего из 9 хозяйств.

Николая Михайловича Волкова приняли кандидатом в члены партии 4 мая 1929 года на собрании коммунистов партячейки при коммуне «Красный Октябрь» [197].

Нужно сказать, что хозяйствам жителей деревни Климантино Ф.А. Сидорова и Ф.В. Войлокова в 1930 году было дано твердое индивидуальное задание по сдаче государству сельхозпродукции, а в 1931 году они были выселены вместе с семьями Сибирь.

В феврале 1930 года формально был создан колхоз в другой карельской деревне Поцеп еще Сулежского сельсовета Сонковского района, куда записали 16 крестьянских хозяйств. Но уже в марте жители деревни, не успевшие еще обобществить скот и орудия производства, разобрали по своим хозяйствам сданные ранее льносемена и вышли из колхоза [198].

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Так как Горский и Григоровский сельсоветы Сонковского района были объявлены районами сплошной коллективизации, в них начали активно ликвидировать все крепкие хозяйства, признанные «кулацкими». В результате разукрупнения к октябрю 1930 года от Горского сельсовета отошли Бережковский и Душковский сельсоветы, полностью заселенные карелами, где также начали ликвидировать крепкие крестьянские хозяйства.

Массовый выход из колхозов весной и летом 1930 года не поколебал уверенности советского руководства в достижении поставленной цели – коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачивании зажиточных крестьян. Как только с осени 1930 года наметилось принудительное создание колхозов, в том числе путем непосильного

индивидуального обложения налогами, крестьяне начали массово забивать скот. Почти прекратились поставки мясомолочных продуктов из деревни в город, где большим дефицитом стали молоко, сметана, творог, масло, мясо и колбаса.

Перед каждым крестьянином был поставлен выбор: или в колхоз, или полное разорение индивидуального крестьянского хозяйства непосильными налогами. С учетом всех видов налогов с февраля 1931 года единоличные крестьянские хозяйства платили при совокупности годового дохода:

- при годовом доходе до 370 рублей налог составлял 18 рублей;
- до 400 рублей налог – 37 рублей;
- до 700 рублей налог составлял уже 630 рублей;
- до 1000 рублей налог – 840 рублей;
- до 2 тысяч рублей налог – 2340 рублей;
- до 3 тысяч рублей налог – 3840 рублей;
- при годовом доходе до 5 тысяч рублей налог составлял 7440 рублей.

Это было изуверство и издевательство над крестьянами, когда сумма налога значительно превышала сумму дохода крестьянского хозяйства. В карельских деревнях Карело-Кошевского прихода Сонковского района колхозы организовали в феврале-марте 1931 года. К тому времени власть насчитала в них 16 бедняков, да 50 кулаков на 501 крестьянское хозяйство, остальных карел отнесли к середнякам.

Как происходили коллективизация и раскулачивание, можно узнать на примерах крестьян Бережковского, Григорковского и Душковского сельсоветов, заселенных карелами, которые были объявлены районами сплошной коллективизации.

3 февраля 1931 года президиум Московского облисполкома направил письмо в Сонковский райисполком. Поручалось до 20 февраля составить списки всех зажиточных крестьян, так как в районе процент зажиточных крестьян указан ниже, чем в среднем по области. Те председатели и члены сельсоветов, которые этого не сделают, будут привлечены к ответственности.

Бережковский и Душковский сельсоветы, в числе других, были образованы к октябрю 1930 года на основании решения пленума Сонковского райкома партии от 2 июня 1930 года, который поручил райисполкому разукрупнение сельсоветов [199].

Вместе с представителями административных органов – прокурора, уполномоченного райисполкома и других, активную роль в проведении коллективизации играли местные комсомольцы. В их числе Костров, 24 года, Волков, 23 года, Лежушкин, 23 года, Пекин 22 года, Кренделев, 23 года.

По Душковскому сельсовету списки составлял его президиум в составе председателя П.П. Кострова из Поцепа, секретаря И.Д. Баруздина из Душкова, членов Быстрова и Морева, уполномоченного прокурора М. Голубева, уполномоченного Сонковского райисполкома Тараканова, учителей Карело-Кошевской школы В.А. Лебедевой и Ивановой.

По Бережковскому сельсовету списки составлял президиум в составе председателя сельсовета Н.М. Волкова, бывшего первого председателя колхоза в деревне Климантино «Новый Путь», секретаря Б.Ф. Кренделева, члена сельсовета В. Пекина, секретаря комсомольской организации М.П. Лежушкина, уполномоченного прокурора М. Голубева и бригадира Миронова. Потом с этими списками члены президиума выходили в деревни и там проводили собрания с беднотой и середняками. Уполномоченным от Сонковского райкома партии по коллективизации и раскулачиванию крестьян в деревнях Бережковского и Душковского сельсоветов был прокурор района М. Голубев.

Каждому уполномоченному от райкома ВКП(б), как руководителю «тройки» по развертыванию массовой работы на селе и выселению кулаков в феврале-марте 1931 года, была дана совершенно секретная памятка, не подлежащая оглашению. В ней был подробно расписан порядок проведения коллективизации и раскулачивания по дням.

«Первый день. Прибыв в сельсовет, уполномоченный райкома партии окончательно знакомится с крестьянскими хозяйствами, указанными в списках, переданными ему в райкоме партии. Он уточняет, действительно ли являются кулаками лица, указанные в переданных ему списках. Есть ли в этих хозяйствах трудоспособный мужчина в возрасте 18–50 лет. При этом о своей цели прибытия уполномоченный ни с кем не разговаривает и никому не сообщает, зачем он приехал. Заявляет, что это обычный приезд в сельсовет по подготовке к весеннему севу, коллективизации и другим проводимым кампаниям.

Второй день. Утром уполномоченный говорит секретарю местной партийчейки, а где ее нет – комсомольской ячейки, чтобы срочно собирали собрание коммунистов или комсомольцев. К обеду проведение

собрания должно быть окончено. На собрании уполномоченный доклад доклад о подготовке к весеннему севу, о коллективизации, связав ее с примерами вредительства на территории сельсовета. Требуется включить в резолюцию собрания необходимость выселения кулаков из своего сельсовета, как срывающих мероприятия советской власти.

После обеда уполномоченный срочно собирает пленум сельсовета вместе со всеми колхозниками, группами бедноты и активом середняков. При этом обязывает всех коммунистов и комсомольцев присутствовать на пленуме сельсовета. Снова выступает с повесткой дня о весеннем севе, коллективизации, выполнении других политических кампаний и вредительстве на территории сельсовета. Добивается принятия на пленуме политической резолюции с требованием немедленного выселения кулаков и вредителей из сельсовета, которые мешают коллективизации. Уполномоченный должен добиваться такого положения, чтобы на пленуме персонально указали, кого надо выселять.

Третий день. Целый день уполномоченный ходит по деревням и проводит индивидуальные беседы с колхозниками, беднотой, женщинами, середняцким активом. Выясняет у них, как они смотрят на коллективизацию, выявляет их настроение к принятым решениям о выселении кулаков. Наблюдает, как реагируют на происходящее сами кулаки, но так, чтобы не расшифровать свою конечную цель.

Четвертый день. Уполномоченный утром собирает президиум сельсовета вместе с партийной и комсомольской ячейкой, активом колхозников, бедняков, чтобы на президиуме присутствовало 15–23 человека. Он объявляет о том, что, согласно принятому решению на общем собрании сельсовета, ему дана санкция выселить таких-то кулаков, и объявляет их список. А за 15 минут до заседания расширенного президиума уполномоченный знакомит со списком секретаря партиячейки, председателя сельсовета и председателя колхоза. Требуется от них, чтобы они на этом расширенном президиуме поддержали предложенный список кулаков, для выселения их с территории сельсовета.

На заседании расширенного президиума сельсовета избираются «тройки» на каждое крестьянское хозяйство, подлежащее раскулачиванию, во главе с уполномоченным райкома партии. «Тройка» через час после собрания должна отправиться во двор кулака для описи всего имущества. По пути связаться с милиционером, которого уполномоченный уже знает. В состав «тройки» должны входить: член сель-

совета – бедняк, один колхозник, один представитель от партийной или комсомольской ячейки, желательны, чтобы все они были коммунистами или комсомольцами.

После описи имущества у кулака оно сдается под охрану сельсовета и под личную ответственность его председателя до утверждения решения президиума сельсовета районным исполнительным комитетом. Кулацкую же семью после описи сейчас же выселяют и препровождают ее до сборного пункта (в данном случае до станции Сонково. – А.Г.).

Выселяемые, как глава, так и члены семьи, должны быть одеты в теплую одежду, и с собой обязаны забрать следующее имущество:

- пилу, топор, лопату, кирку;
- упряжь – хомут, седелку, шлею, вожжи, уздечку и другие;
- белье и одежда, какие есть в семье, полностью остаются в их распоряжении;
- на семью, из описанных у них же продуктов, выдается питание из расчета на 2 месяца, примерно по 16 кг ржаной муки на одного человека и другие продукты, но не более 25–30 пудов всего имущества на семью;
- до 500 рублей денег оставляется в семье.

Вечером того же дня уполномоченный собирает партийную и комсомольскую ячейки, группу бедноты и колхозников. Он ставит перед участниками собрания доклад с разъяснением о принятых мерах по выселению кулаков, согласно требованиям самих же бедняков и колхозников. Говорит о дальнейших задачах колхозного строительства, разъясняет, как будет передана земля и имущество кулаков в колхозы. Где еще нет колхозов, уполномоченный тут же добивается их создания. Он заостряет внимание на вопросе о бдительности партийцев, комсомольцев, колхозников и бедноты к террору, поджогам и другим возможным эксцессам со стороны кулаков.

Пятый день. Утром уполномоченный является в райком партии с докладной запиской, в которой подробно освещает информацию о проделанной им работе. В этой записке ему нужно было осветить следующие вопросы:

1. Как реагировали ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ, помогли ли они в подготовке к этим мероприятиям.
2. Как отнеслись колхозники, бедняки и помогли ли они в этом деле, их активность, выступления на собраниях, разговоры.

3. Какое настроение у населения, колхозников, бедноты, учительства, середняка. Как они реагировали на принятые решения о выселении кулаков и в день проведения мероприятий по их выселению. Примерные выступления, разговоры, суждения, возгласы.
4. Как кулаки и их семьи реагировали на принятые решения об их выселении, как они поняли эти решения. Были ли факты побегов, попыток к побегу, как они реагировали в момент описи имущества и выселения. Какие были крики, вызовы, попытки к террору и провокациям.
5. Как в особенности реагировали на это женщины, примеры их выступлений и разговоров.

Все это описать в докладной записке конкретно, на примерах, переименовав, как правило, фамилии выступающих, разговаривающих, кто, как и где реагировал на эти мероприятия, как в хорошую сторону, так и в плохую» [200].

Как происходило раскулачивание, можно проследить на примере собрания жителей деревни Акиниха Душковского сельсовета. Собрание в марте 1931 года проводили коммунисты Харчиков и Мальков с членами созданного колхоза «Новая Деревня». Обсуждали представленный президиумом Душковского сельсовета список зажиточных крестьян деревни для признания их кулаками и выселения за пределы Московской области.

Василий Кузьмин Мельников, имел в городе Бежецке собственный дом, в деревне имел мельницу. До революции был старостой сельской общины, а также – волостным старшиной. Приняли решение о выселении вместе с семьей за пределы Московской области.

Иван Андреевич Мельников, имел в деревне мельницу, получил индивидуальное твердое задание. Жители деревни посчитали, что твердое задание ему выдано неправильно, так как Мельников не кулак, а середняк, и просили не выселять его с семьей из деревни. (Но его все равно раскулачили и выселили из деревни вместе с семьей. – А.Г.).

Арсений Васильевич Маслов, отец его до революции купил землю, которую советская власть у него отобрала. После революции Маслов продолжал иметь толчею, поэтому ему дали твердое задание, но толчея уже два года назад пришла в негодность. Деревенское общество считало, что Маслов за собой толчею не имел, выселять его с семьей не надо. (Семью А.В. Маслова раскулачили и выслали из деревни. – А.Г.).

Николай Федорович Мельников, в 1929 году был лишен избирательных прав за спекуляцию. Жители деревни просили сельсовет расследовать все его проступки, о которых они не знают. (Семью Н.Ф. Мельникова раскулачили и выслали из деревни. – А.Г.).

Иван Дмитриевич Сапожков, которому Душковский сельсовет дал твердое задание по передаче государству сельскохозяйственной продукции. Жители деревни считали, что это задание ему дано неправильно, и просили сельсовет это задание с него снять. (Семью И.Д. Сапожкова раскулачили и выслали из деревни. – А.Г.) [201].

Таким образом, вступая в колхоз «Новая Деревня», жители деревни Акиниха согласились на выселение всего одной семьи В.К. Мельникова, однако в 1931 году из деревни были выселены 6 зажиточных крестьян вместе с семьями: В.К. Мельников, И.А. Мельников, Н.Ф. Мельников, А.В. Маслов, И.И. Иванов и И.Д. Сапожков.

Рассматривая решения президиумов сельских советов, президиум исполкома Сонковского районного совета, как правило, оставлял эти решения без изменений. *Из 6 деревень Душковского сельсовета было выселено 22 зажиточных хозяйства вместе с семьями.* Например, житель деревни Душково *Иван Петрович Шукин* был раскулачен и выслан с семьей из деревни за то, что до 1931 года имел собственную мельницу и «кулацкий авторитет среди местного населения» [202].

В карельских деревнях Душковского сельсовета иногда удавалось защитить того или иного крестьянина, признанного властями кулаком. Жители деревни Поцеп защитили Н.Д. Соколова, имевшего молотилку, а жители деревни Петряйцево – Д.И. Иванова. Но при этом все крестьяне, присутствовавшие на собраниях, писали заявления о вступлении в колхоз.

В марте 1931 года президиум исполкома Сонковского райсовета, в числе других, слушал постановление пленума Бережковского сельсовета о выселении кулацкой семьи *Василия Ивановича Волкова* из деревни Климантино за то, что Волков до 1917 года торговал мясом, до 1925 года имел сепаратор, подоходный налог платил по 500 рублей в квартал.

Семья его брата *Дмитрия Ивановича Волкова* из деревни Климантино была выселена за то, что хозяин семьи до 1927 года торговал мясом.

Вместе с семьей был выселен другой житель деревни Климантино *Войлоков Федор Васильевич* за то, что являлся крупным подрядчиком,

имел от 10 до 50 человек наемных работников, до 1927 года имел собственную кузницу. Категорически отказывается выполнять индивидуальное государственное задание. Всего из деревни Климантино было выселено 5 семей зажиточных крестьян [203].

Из деревни Горбовец Бережковского сельсовета было выселено 5 семей, в том числе, семья из 6 человек *Михаила Алексеевича Рудова*, 48 лет, который до революции имел торговлю, скупал и продавал лен. Из этой же деревни выселена семья из 6 человек *Василия Евграфовича Голубева*, 50 лет, за то, что до революции имел торговлю в деревне, скупал молочные продукты, льноволокно и хлеб, продавал их на рынке, применял наемный труд до 4 работников.

По Бережковскому сельсовету из 7 деревень выселено 28 семей, по 6–8 человек в каждой семье. По двум карельским сельсоветам Карело-Кошевского прихода были выселены 50 семей, или не менее 300 жителей.

Основания для выселения записывали разные:

- «Занимался выделкой кожи, злостно тормозит колхозному движению»;
- «Кулак, ранее имел до 20 коров, открыто ведет агитацию против всех мероприятий советской власти»;
- «До 1927 года имел сепаратор, продавал масло и сыр»;
- «Имел 20 десятин земли, 3 лошади и 6 коров» и другие подобные основания для выселения [204].

Например, крестьянское хозяйство *Василия Васильевича Паскина* из деревни *Петрайцево* по индивидуальному заданию, установленному в 1930 году президиумом Душковского сельсовета, должно было сдать государству в виде налога: одну корову, одного теленка, один центнер льносемян, десять центнеров клевера на сено, десять центнеров соломы, по два центнера ржи, овса и картофеля, один центнер льноволокна, полтысячи яиц.

Тем самым зажиточную семью *В.В. Паскина* в 1930 году раскулачили, хозяйство пришло в упадок. 8 февраля 1931 года этому хозяйству Душковский сельсовет снова установил твердое задание, но оно не имело никакой возможности с ним справиться. Семью из 8 человек, в которой было шестеро детей и жена-инвалид, выслали из деревни в Сибирь. Кто был *В.В. Паскин* – кулак, эксплуататор или враг советской власти?

Это был обычный крестьянин, сначала зажиточный, потом волею власти ставший нищим, над которым власть просто-напросто

глумилась и издевалась. Таких в 13 карельских деревнях Карело-Кошевского прихода насчитали 50 крестьянских хозяйств. Председатель Душковского сельсовета И.Д. Баруздин, вынужденный исполнять волю государства, в отношении подобных хозяйств говорил уполномоченному райкома партии М. Голубеву: *«Как считать эту семью кулаками? У нас такие кулаки подряд найдутся. Эксплуатации не было, значит – кулаков нет. Кулаков уже раскулачили и выселили, и искать я их не знаю как».*

Прокурор Сонковского района Голубев, который по должности был обязан стоять на страже законов, являлся одним из основных нарушителей закона, без суда и следствия отбирая имущество и дома у зажиточных крестьян, и направляя их семьи на высылку. Председателю Душковского сельсовета Баруздину как-то повезло, за свои слова о кулаках его не наказали, оставили на должности. Многих председателей сельсоветов и колхозов, например П.П. Кострова, П.В. Харчикова и других, которые «не вели работы по очищению колхозов от кулацких вредительских элементов», снимали с должности и привлекали к партийной ответственности, вплоть до исключения из рядов ВКП(б).

Из 13 карельских деревень Карело-Кошевского прихода только из одной деревни Поцеп не выселили ни одной семьи, хотя пытались выселить Соколовых и Костровых. Обошлось тем, что П.П. Кострова сняли с должности председателя Душковского сельсовета и исключили из партии. У Соколовых отобрали в колхоз злосчастную молотилку вместе со скотом и хозяйственными постройками. Одновременно все жители деревни были вынуждены записаться в колхоз «За Новый Быт».

Зажиточным крестьянам запрещали вступать в колхозы, чтобы оставаться жить в деревне. В оперативной сводке за 1930 год по Сонковскому району, в числе других фактов, было указано, что в деревне Сносы Григоровского сельсовета в члены сельхозартели была принята семья крупного скупщика Гудина. Он, с целью сохранения своего хозяйства, сделал фиктивный раздел, сам выделился без хозяйства, а семья его из-за боязни быть раскулаченной подала заявление о вступлении в члены колхоза и была принята.

Президиум исполкома Сонковского райсовета рассмотрел постановление пленума Григоровского сельсовета о выселении кулацкой семьи Ивана Алексеевича Гудина из деревни Сносы за то, что он был мясником, занимался скупкой и перепродажей скота до 1929 года,

лишен избирательных прав, и принял решение о выселении этой семьи [205].

Во время погрузки выселяемых семей в вагоны на станции Сонково в начале апреля 1931 года сотрудники ОГПУ записывали высказывания присутствовавших женщин.

«Вот взяли у нас Крутикова, как семью кулака, а для чего взяли? Для того чтобы всех загнать в колхозы, так как мужики не хотят в колхозы, вот и берут кулаков, а за ними могут взять и других мужиков».

«Смотрите, как власть страшит мужиков, если будет война, то уж не один мужик не посмеет слова сказать. Смотрите, сколько невинных людей угоняют неизвестно куда. Не обращают внимания ни на стариков, ни на детей. По наружному виду ГПУ вежливо с ними обращается, а по внутреннему состоянию, дали бы им плетку, то, пожалуй, они бы стали всех пороть, как раньше пороли жандармы».

«Смотрите, сколько ликвидировано хозяйств, сколько хозяйств пойдет к низу, их земли так и останутся незасаженными. И в лавках уже ничего не стало».

«Не хочешь, да пойдешь в колхозы теперь, когда тысячу человек из одного Сонковского района выселяют. Уж потерпим и в колхозе, не все же будет эта власть, когда-нибудь же переменится» [206].

В сводке по Сонковскому району отмечалось, что без высылки кулаков за 6 дней в марте 1931 года было зарегистрировано 12 колхозов с 48 крестьянскими хозяйствами. А за 5 дней периода проведения кампании по выселению кулаков с 27 марта по 1 апреля 1931 года, было зарегистрировано 30 колхозов с 433 хозяйствами [207].

Из Московской области всех раскулаченных крестьян направляли в качестве спецпереселенцев на Урал, в Сибирь и Казахстан. По установленным в постановлении от 30 января 1930 года нормам, число раскулаченных крестьянских хозяйств должно быть в пределах 3–5% от их общего числа. По Бережковскому и Душковскому сельсоветам было раскулачено 50 хозяйств из 501, или 10% от общего числа крестьянских хозяйств.

Никто и никогда не ответит на вопрос: в чем провинились крестьяне перед советской властью? Почему деревенских нэпманов объявляли «врагами народа», раскулачивали и направляли на Урал, в Сибирь, Казахстан, на Север без суда – созданными «тройками»?

В результате коллективизации крестьяне в СССР были поставлены в полную зависимость от государства. Ввели паспортную систему,

которая препятствовала уходу крестьян из колхоза в город. Создали систему принудительного труда в колхозах с большим бременем непосильных налогов и мизерной оплатой лишь по итогам года. Победил путь развития деревни с применением чрезвычайных, насильственных мер, который предлагал фактический руководитель Советского государства И.В. Сталин.

Крестьяне – заложники политики

*В СССР проведена страшная
борьба с 10 миллионами кулаков.*

И.В. Сталин

За все годы советской власти в деревне действовало право силы, а не сила права. Сразу после Октябрьской революции 1917 года стали проводить продразверстку, порою забирая у семьи весь хлеб, оставляя крестьян на голодное существование. Те, кто не отдавал свой хлеб, кто не пускал продармейцев в свои амбары, становились для Советского государства контрреволюционерами и нарушителями законов. Те же продармейцы, которые с оружием в руках силой врываются в дома и амбары крестьян, грабили чужой хлеб, по утверждению советской власти, действовали законно. С точки зрения законности и справедливости, все перевернулось наоборот.

В 1921 году продразверстку заменили неподъемным для крестьян натуральным продовольственным налогом, при котором порою силой забирали половину урожая и половину доходов с личного хозяйства. В 1924 году его заменили единым сельскохозяйственным денежным налогом и многими местными налогами и сборами.

Крестьяне поверили лозунгу «Обогащайтесь!», который выдвинул «любимец партии» Н.И. Бухарин. На собрании актива Московской парторганизации 17 апреля 1925 года он заявил, что всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: *«обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство»*. Крестьяне поверили одному из видных партийных руководителей, стали увеличивать посевы и поголовье скота, активно занялись ремеслами и торговлей. В результате самые крепкие деревенские хозяйственники были объявлены кулаками и выселены с родных мест.

Советская власть обманула крестьян с государственными займами, насаждая их угрозами и административными путями. После революции у крестьян не было денег, поэтому в годы НЭПа выпускались продуктовые займы. В 1922 году выпустили хлебный заем на 10 млн пудов ржи, в 1923 году – сахарный заем, с 1924 года стали выпускать облигации денежных займов. Крестьяне не верили советской власти, что надо покупать облигации государственного займа, что со временем им вернут вложенные средства, и даже с процентами. Поэтому облигации государственных займов давали в счет погашения налогов, заработной платы советским служащим при получении справок из сельсоветов. Многие из крестьян понимали государственный заем как очередную принудительную меру, к которым их советская власть приучала. Покупка облигаций государственного займа засчитывалась в счет уплаты единого сельскохозяйственного налога.

К моменту коллективизации и раскулачивания долг государства перед крестьянами по государственным займам составлял 2 млн рублей, которые никогда никому не вернули, ни самим крестьянам, ни их наследникам.

НЭП – это короткий промежуток времени, когда советская власть делала попытки проведения политики, хоть как-то отвечающей интересам крестьянства. Крестьяне поверили, что власть прислушивается к ним и выполняет некоторые их требования. Аналитики и многие эксперты считают, что 7 лет новой экономической политики, с марта 1921 года по октябрь 1928 года, были одними из самых удачных проектов за все годы советской власти. НЭП привел к восстановлению разрушенное в годы Первой мировой и Гражданской войн сельское хозяйство.

Но руководство страны не пошло на дальнейшее расширение демократии в обществе, в результате уже к осени 1923 года в экономике наступил кризис, так как искусственное завышение цен на промышленные товары привело к недовольству крестьян, которые не могли покупать товары из-за отсутствия денег. В дальнейшем кризисы разразились в 1925/1926 году и в 1927/1928 году из-за провала хлебозаготовительных кампаний.

Вместо решения экономических проблем в годы НЭПа вся страна была втянута во внутривластные бурные баталии в борьбе за власть. Личные амбиции руководителей коммунистической партии, их соперничество, непримиримость привели к трагедиям. И.В. Сталин, исполь-

зую свой пост генерального секретаря Центрального комитета партии, постепенно шел к лидирующему положению в партии и государстве.

Сначала он, при помощи привлеченных на свою сторону авторитетных коммунистов Бухарина, Зиновьева и Каменева смог нанести поражение сторонникам Л.Д. Троцкого. Затем расправился и со своими сторонниками, назвав их «новой оппозицией» во главе с Зиновьевым и Каменевым.

В 1929 году И.В. Сталин вступил в борьбу с оппозицией «правых уклонистов», которыми считал любимца партии редактора газеты «Правда» Н.И. Бухарина, председателя Советского правительства А.И. Рыкова, руководителя профсоюзов М.П. Томского.

Русский фабрикант В.П. Рябушинский в своей книге «Русский хозяин» ошибся, что народ больше никогда не отдаст свою собственность. На объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) в январе 1933 года было заявлено о достижении цели партии и государства по ликвидации кулачества как класса и победе социалистических отношений в деревне.

Частной собственности на средства производства в деревне не стало, земля принадлежала государству, а все остальное – колхозам. В частной собственности у деревенского жителя оставался лишь дом с двором, домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь. У него отобрали и передали в колхоз даже все сараи, житницы и амбары, стоящие на его усадьбе, земля которой тоже стала государственной. Во время сенокоса некоторые усадьбы колхозников превращались в дороги, по которым возили сено в колхозные сараи, особенно в дождливое лето.

В 1942 году во время беседы с премьер-министром Англии У. Черчиллем И.В. Сталин заявил: «В СССР проведена страшная борьба с 10 миллионами кулаков. Это было что-то страшное, это длилось 4 года. Но основная их часть была весьма непопулярна, и была уничтожена самими батраками» [208].

Таким образом И.В. Сталин подтвердил тот факт, что 10 миллионов наиболее трудолюбивых крестьян были сосланы на Урал, в Сибирь, Казахстан, на Север, часть из них погибла в дороге и холодных бараках от стужи и голода.

Привожу выдержку из письма одного раскулаченного крестьянина, направленного в адрес председателя ВЦИК М.И. Калинина: «Находясь в ссылке, я посмотрелся на весь ужас этого массового выселения целых

семейств. Пусть это кулаки, хотя многие из них имели совершенно ничтожное, ниже середняцкого, состояние, пусть вредные элементы, хотя, правду сказать, многие попали сюда только из-за злых языков своих соседей. Но все же это люди, а не скотина, и жить им приходится гораздо хуже, чем живет скотина у культурного хозяина».

Кроме раскулаченных и высланных крестьянских хозяйств, десятки тысяч крестьян умерли от голода в своих домах. Здесь уместно привести слова одного поэта, что хотели сравнить деревню с городом, а сравнивали ее с землей. В годы коллективизации, как и позднее, в послевоенное время, просто выжить в бедной голодной деревне, в лагере или на спецпоселении, было сродни подвигу.

18 октября 1991 года был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». По этому закону, в числе других репрессированных категорий граждан, подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограниченной свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод.

Но ко времени выхода этого закона в живых оставались немногие из раскулаченных крестьян, в основном их несовершеннолетние дети.

Советская власть признавала кулаков в деревне отдельным контрреволюционным классом, так ли это, были ли зажиточные крестьяне отдельным классом? Споры о делении общества на классы и группы не утихали длительное время, вспыхивают и сейчас. Сторонники теории К. Маркса и В.И. Ленина в основу деления отнесли отношения к собственности и формы владения средствами производства. В своей работе «Великий почин» В.И. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающихся... по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда. Классы – это такие группы людей, из которых может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Другие теоретики делили общество на классы в зависимости от профессиональной деятельности людей и их вклада в развитие общества. Третьи – в зависимости от уровня доходов, авторитета и влияния.

Зажиточные крестьяне, имевшие наемную рабочую силу, и даже середняки, стали заложниками классовой теории Маркса-Ленина, интерпретированной И.В. Сталиным. Большевики вдалбливали крестьянам, что кулацкое хозяйство само по себе является антагонистическим социалистическому хозяйству. Что кулацкое хозяйство остается таковым до тех пор, пока основано на эксплуатации чужого труда.

Но до 1928 года почему-то единоличное кулацкое хозяйство уживалось с социалистическим (коллективным) ведением хозяйства, то есть большого антагонизма в самой деревне не было. Наоборот, бедняки нередко защищали зажиточные хозяйства от нападков коммунистов и рабочих-уполномоченных.

Экономические ошибки, допущенные руководством страны, и трудности по хлебозаготовкам коммунисты превратили в антагонистические отношения между крестьянством и пролетариатом. Но до 1928 года пролетариат мирился и сохранял капиталистические элементы в деревне. Вслед за своим вождем коммунисты на местах голословно повторяли, что *сопротивление умирающих классов, к которому они относили кулаков, в дальнейшем будет возрастать, и классовая борьба будет обостряться.*

Но примеров обострения борьбы умирающего класса с властью в истории никогда не было. Да и были ли зажиточные крестьяне, названные «кулаками», отдельным деревенским классом? Многие из них выступали против коллективизации, против мероприятий советской власти, но из-за малочисленности – до 1% кулаков-ростовщиков и до 14–16% зажиточных крестьян (деревенских нэпманов. – А.Г.) от деревенского населения, – несплоченности в отдельную партию или союз, экономического ослабления они, конечно, не составляли отдельного контрреволюционного класса. Многие из них воевали за советскую власть в годы Гражданской войны, другие состояли в первых сельских и волостных советах, третьи вступали в колхозы, отдавая туда все, что имели.

В связи с повышением достатка середняцких хозяйств, уменьшением числа бедняков, влияние кулаков на крестьян в деревне резко ослабло. Но это серьезно противоречило сталинской теории обострения классовой борьбы. Поэтому при претворении в жизнь лозунга «ликвидации кулачества как класса», его объектом стали в основном зажиточные крестьяне, середняки и даже бывшие бедняки.

Например, к 1930 году по Сонковскому району Московской области из 52 тысяч крестьян и 8728 крестьянских хозяйств насчитали

всего 0,26%, или 137 чисто кулацких хозяйств, в них около 800 человек. Однако из одних только 13 деревень Карело-Кошевского прихода Сонковского района было раскулачено и выселено 50 единоличных хозяйств, или не менее 300 жителей, что составило 10% от 501 карельского крестьянского хозяйства.

Если из каждого из 33 имевшихся тогда в Сонковском районе сельсоветов выселили по 20–25 семей, то всего было выселено не менее 660–825 семей, или 3–4 тысячи крестьян, что составляло 6–7,5% от всех крестьян района. На территории бывшей Тверской губернии раскулачили и выселили из родных деревень не менее 150 тысяч человек, или 30 тысяч крепких крестьянских хозяйств.

Выселяя их из своих деревень, советская власть забирала дома, постройки, скот, сельскохозяйственные машины и другое имущество. Одновременно она получала бесплатную рабочую силу для освоения необжитых местностей, на строительство каналов, заводов и других объектов. Случалось, что некоторым деревенским нэпманам, которые под давлением силы «добровольно» вступали в колхозы и передавали туда мельницы, кузницы, сельскохозяйственные машины и другое имущество, советская власть прощала их «кулацкое» прошлое. Если они при этом не высказывали ничего против коллективизации и советской власти.

Подрыв крестьянства означало подрыв экономики всей страны, прежде всего в сельском хозяйстве, что привело к массовому голоду. Результатом коллективизации и раскулачивания стал голод 1931–1933 годов, который охватил несколько территории СССР. Крестьяне массово забивали скот, в том числе и рабочих лошадей, чтобы не сдавать их в колхозы. В колхозах происходил значительный падеж обобществленных лошадей и коров из-за некачественного ухода за ними и нехватки кормов, в результате в колхозах не хватало рабочих лошадей. Если в 1928 году в СССР было 33,5 млн лошадей и 70,5 млн голов крупного рогатого скота, то в 1932 году осталось 19,6 млн лошадей и 40,6 млн голов крупного рогатого скота.

Резко сократился валовой сбор зерна, хотя по отчетам показывали, что площадь посевов была увеличена. В деревне не стало хватать рабочих рук, так как самая активная часть крестьян была выселена из родных деревень, а другие уходили в города и промышленные районы в результате проведения индустриализации страны. Планы советского руководства по скорой механизации сельского хозяйства провали-

лись. Поля плохо обрабатывались, удобрения не вносились, урожай был низким. Основные показатели в СССР по зерновым культурам:

	1928 год	1930 год	1931 год
Валовой сбор зерна	733,2 млн ц	835,4 млн ц	694,8 млн ц
Посевные площади	92,2 млн га	101,8 млн га	104,4 млн га
Урожайность	7,95 ц/га	8,2 ц/га	6,7 ц/га

Хотя В.П. Рябушинский в 1928 году и ошибался, *что выстраданную идею собственности русский человек больше никогда не отдаст*, но через 60 лет после ликвидации и уничтожения основ новой экономической политики в России в 1990-х годах снова вернулись к частной собственности...

Заключение

...Эстафету от деревенских нэпманов 1920-х годов подхватили фермеры в конце XX – начале XXI веков. НЭП в 1921–1928 годах был успешным потому, что крестьяне-землепашцы и мастеровые люди умели много и хорошо работать, трудолюбие им прививалось из поколения в поколение. Но беда насильственной коллективизации заключалась в том, что колхозы постепенно отучили крестьян от повседневной добросовестной работы.

Да, их заставляли работать за трудодни и мизерную оплату в конце отчетного года. Но это был уже не добросовестный свободный, а принудительный труд, приведший к краху многих колхозов сразу после того, как ушли на пенсию поколения, начинавшие свою жизнь при единоличных крестьянских хозяйствах. Последующие поколения так много работать на колхозы не хотели, несмотря на применение метода кнута и пряника.

Когда попробовали ввести что-то, наподобие НЭПа в 1990-е годы, долгое время ничего не получалось, так как люди, привыкшие к разрушению, лени, праздному образу жизни, работать уже разучились. Они хотели получить все и сразу, чтобы мало работать, но много получать без напряжения физических сил, но так не бывает, пришлось брать у других, которые в одночасье стали бедными.

На примере Тверской области можно убедиться, как органы власти могут регулировать число бедных в регионе. В 2009 году здесь бедными считали жителей, которые имели доход ниже одного прожиточного минимума. Прожиточный минимум в 1-м квартале 2009 года был установлен в 4 тысячи рублей, при нем число бедных составляло 19% от жителей области. В следующем квартале установили прожиточный минимум 3940 рублей, бедных стало меньше – 17,6%. Для власти произошло улучшение этого показателя, поэтому в дальнейшем установили прожиточный минимум 3860 рублей – бедных уже 16,5%. Вот такими способами боролись с бедностью.

Можно посмотреть минимальный дневной рацион на человека. Хлеб, 250 г, стоил тогда 5 руб., пакет молока – 35 руб., 100 г мяса – 20 руб., 0,5 кг картофеля – 10 руб., всего в день без чая и сахара – 70 руб. В месяц – 2100 руб. Тарифы на ЖКХ – 2800–3000 руб., даже без лекарств получается 4900–5100 руб.

К 1 апреля 2010 года в Тверской области было 37 тысяч человек, которые имели доход меньше прожиточного минимума. С 1 апреля повысили пенсию на 6,5%, а федеральные субсидии стали меньше, чем ранее, бедные получали по 1222 рубля. И снова эти 37 тысяч человек стали нищими, получая пенсии и пособия ниже прожиточного минимума. Как тут жить?

Многие ученые-экономисты считают бедными семьи, если доход на каждого члена семьи менее двух прожиточных минимумов. На 1 января 2018 года численность сельского населения Тверской области составляла 311 014 человек, или 24,2% от общего населения области, которое составляло 1 283 873 человека. Большинство сельского населения области – пенсионеры при средней пенсии в 13–14 тысяч рублей.

В 2018 году средний прожиточный минимум в Тверской области составил 10,5 тысяч рублей. *Таким образом, на одного члена семьи должно приходиться не менее 21 тысячи рублей.* По данным Тверского статистического управления, средняя зарплата в сельском хозяйстве по области за 2018 год составила 22,7 тысячи рублей. При условии, что в семье сельского жителя 4 человека, из них 2 работающих, на человека приходилось всего по 11,35 тысячи рублей. *Выходит, что, по критериям ученых-экономистов, все деревенские жители Тверской области, не относящиеся к фермерам и предпринимателям, в 2018 году жили за чертой бедности.* Если говорить о демографии, то в начале XXI века каждый рожденный ребенок являлся движением к дальнейшей бедности в крестьянской семье.

Богатых жителей в Тверской области, согласно декларационной кампании 2018 года, было всего 3162 человека, или 0,25% от общей численности жителей области. Кроме предпринимателей к ним относилось большинство депутатов Законодательного собрания области, некоторые заместители губернатора, при этом богатые жители:

- имели годовой доход от 1 до 10 млн рублей – 3036 человек;
- имели годовой доход от 10 до 100 млн рублей – 98 человек;
- имели годовой доход от 100 до 500 млн рублей и более – 28 человек.

В результате принятия неординарных законов, а также криминальным путем, в постсоветской России произошло более значительное расслоение общества, чем было во времена НЭПа. Опыт НЭПа должен чему-то научить власть, предпринимателей и рядовых граждан в современной России, где за последнюю треть века, начиная с 1985 года, проводилась беспомощная экономическая политика.

Как и 100 лет назад «кулаки-ростовщики», так и нынешние мошенники дают в долг деньги под неподъемные губительные проценты, скупают по дешевке акции, спекулируют, обманывают, обсчитывают, обвешивают. Заключают мошеннические договоры, особенно с доверчивыми престарелыми людьми, которых легко обмануть. Создают фирмы микрозаймов при наличии множества банков, долги выбивают так называемые «коллекторы», когда существуют целые государственные структуры правоохранительных органов.

Спекуляция, мошенничество, обман стали в стране обыденным делом, никто не закрывает жульнические фирмы, не сажает в тюрьму мошенников и воров до тех пор, пока те не убегут за границу вместе с наворованными деньгами.

Как и 100 лет назад, не устранены «ножницы цен», прежде всего между стоимостью бензина и продукции сельского хозяйства. Если, например, в СССР закупочная цена одного литра молока была в 4 раза выше стоимости одного литра бензина, то в начале XXI века стоимость бензина в 2 раза выше закупочной цены молока. Это происходит в нашей стране, богатой нефтью. Сейчас народными природными ресурсами: нефтью, газом, морепродуктами, полезными ископаемыми владеют и наживаются единицы лиц, а не все население страны.

Жители российской деревни, как и 100 лет назад, живут за чертой бедности, но правительство страны не делает никаких конкретных шагов для выравнивания доходов между богатыми и бедными слоями населения путем введения разумного прогрессивного налога, ограничения уровня богатых какими-то пределами. Случилось так, что по распределению доходов в России есть Москва и остальная страна, никаких мер по перераспределению средств из Москвы для остальных территорий не проводится. Почему же учителя, врачи, другие бюджетники и работники предприятий разных территорий за одинаковую работу должны получать в 2 раза меньше, чем получают в Москве? В чем причины такой дискриминации?

В связи с этой дискриминацией и другими причинами беспомощной экономической политики в XXI веке вымирают не только деревни в центре России, но и районные города, в которых нет никакой работы. В годы СССР в районных городах, кроме промышленных предприятий союзного и республиканского значения, находились производства местной промышленности: молокозавод, льнозавод, кондитерский цех, мясокомбинат, комбинат бытового обслуживания,

а также дорожные, строительные, мелиоративные и другие организации. Работали разные кооперативные и заготовительные структуры: райпотребсоюз, заготскот, заготзерно, заготконтора и другие. Но со временем к местным предприятиям и каким-то видам кооперации все равно придется вернуться.

Чтобы отвлечь внимание жителей страны от безработицы, низкого уровня жизни и других экономических проблем, правительство страны и средства массовой информации снова, как и 100 лет назад, делают акцент на международных вопросах. В центре их внимания являются события в странах Прибалтики, Великобритании, Сирии, США, на Украине, во Франции и других странах, но не экономические проблемы своей страны.

100 лет назад точно так же, на первое место во время разных собраний, конференций и партийных съездов ставили вопросы международного положения. Тогда подобным образом, как и сейчас, пытались отвлечь внимание населения от насущных проблем его жизни. Игнорирование экономических проблем страны, решение их политическими методами, привели страну к бедности, культу личности одного человека и репрессиям в отношении советских граждан. Не повторить бы подобных ошибок в первой половине XXI века!

Но какой бы ни была власть в стране, крестьянина никто никогда не освободит от природной зависимости. Весной ему надо сеять хлеб, сажать овощи, а осенью убирать урожай, и корову надо доить три раза в день. Так было, есть и будет всегда.

Город Тверь – Крым, Колоски, ноябрь 2018 года – июнь 2019 года.

Список источников

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 30.
2. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1957. Т. I.
3. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1964. Т. III. С. 78.
4. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 9, л.д. 3–4, 9–10.
5. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1964. Т. III. С. 142.
6. Съезды советов в постановлениях и резолюциях. М.: Власть Советов, 1935. С. 118.
7. Статистический ежегодник. М., 1921. Вып. второй. С. 226–230.
8. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 9, л.д. 20, 32.
9. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 32, л.д. 27; д. 81, л.д. 10.
10. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 36, л.д. 14.
11. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 167, л.д.46.
12. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1971. Т. V. С. 51.
13. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1971. Т. V. С. 105.
14. Обзор Тверской губернии за 1913 год. Тверь, 1914. С. 7.
15. Бюллетень Тверского губернского статистического бюро № 1 от 25 июня 1920 года. С. 11.
16. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 575, л.д. 8, 41.
17. Протоколы X съезда РКП(б). Партийное издательство. М., 1933. С. 28–29, 39.
18. Там же. С. 410–411, 415–416, 418.
19. Там же. С. 419–421, 428.
20. Там же. С. 439.
21. Там же. С. 564–566.
22. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1957. Т. I.
23. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 717–723.
24. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 688–691.

25. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1975. Т. VII. С. 298.
26. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1957. Т. I. С. 17.
27. Там же. С. 18–19.
28. Первое советское правительство. Сборник статей. М., 1991. С. 81–82.
29. Там же. С. 445.
30. Там же. С. 284–285.
31. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1976. Т. VIII. С. 127.
32. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1986. Т. XII. С. 127.
33. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 451-а, л.д. 41–47.
34. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 451-а, л.д. 1, 16–17.
35. ТЦДНИ, ф. 60, оп. 1, д. 9, л.д. 15–17, 74–78, 83–88, 100–107.
36. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполкома с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года. Бежецк, 1925. С. 25–27.
37. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1922–1923 годы. Т. I, ч. 1. М., 2001.
38. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1922–1923 годы. Т. I, ч. 2. М., 2001.
39. XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы, 1963. С. 633, 637, 679.
40. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1924 год. Т. II, ч. 1, 2. М., 2001.
41. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1925 год. Т. III. М., 2002.
42. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. С. 46–47.
43. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1926 год. Т. IV. М., 2002.
44. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1927 год. Т. V. М., 2003.
45. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1131, л.д. 86.
46. ТЦДНИ, ф. 60, оп. 1, д. 9, л.д. 7.
47. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 77.
48. ТЦДНИ, ф.1, оп. 3, д. 277, л.д. 101–102.

49. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 4–7.
50. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 1.
51. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 1, л.д. 41.
52. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 54–55.
53. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 7, л.д. 53.
54. Там же. Л.д. 42–43.
55. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 16, л.д. 17–19.
56. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 85, л.д. 5.
57. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1131, л.д. 104.
58. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 24, л.д. 11–12; д. 26, л.д. 79.
59. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 2.
60. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 75.
61. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполнительного комитета Тверской губернии за 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
62. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполнительного комитета с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года. Бежецк, 1925. С. 14.
63. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 1, л.д. 46, 49; ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 22.
64. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполнительного комитета Тверской губернии с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года. Бежецк, 1925. С. 15.
65. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 44, л.д. 8, 14–16.
66. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 38–40.
67. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 17, л.д. 15–17; д. 29, л.д. 5.
68. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 4–7.
69. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 368–369, 380–381, 498.
70. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 10.
71. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполнительного комитета Тверской губернии за 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
72. ТЦДНИ, ф. 5259, оп. 1, д. 4, л.д. 12–13; д. 5, л.д. 1.
73. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 1–2.
74. ТЦДНИ, ф. 5259, оп. 1, д. 5, л.д. 79.

75. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 8, л.д. 87.
76. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1128, л.д. 1–2, 5–6.
77. Там же. Л.д. 21–23, 50, 73.
78. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 8, л.д. 1, ф. 5, оп. 1; д. 298, л.д. 45.
79. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 82–83, 110, 128.
80. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 298, л.д. 3.
81. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 298, л.д. 24.
82. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 1, л.д. 3.
83. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 50, л.д. 3.
84. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 665, л.д. 12, 122.
85. Там же. Д. 6, л.д. 229.
86. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 86, л.д. 5.
87. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 27, л.д. 78.
88. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 81, л.д. 2–7; д. 85, л.д. 13–14.
89. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 85, л.д. 7.
90. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 45, л.д. 1; д. 46, л.д. 1–4.
91. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 82, 109.
92. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 46, л.д. 55.
93. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 15, л.д. 47.
94. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 26, л.д. 1.
95. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 23, л.д. 1–2.
96. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 48.
97. ТЦДНИ, ф. 346, оп. 1, д. 31, л.д. 1–5.
98. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 12, л.д. 19; д. 14.
99. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 20, л.д. 10; д. 27, л.д. 28.
100. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 20, л.д. 46; д. 31, л.д. 7.
101. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 44, л.д. 6; ф. 5, оп. 2, д. 39, л.д. 2; ф. 1124, оп. 1, д. 15, л.д. 5, 29.
102. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 140, л.д. 68–72.
103. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 8, л.д. 82.
104. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 861, л.д. 44–45.
105. ТЦДНИ, ф. 13, оп. 1, д. 861, л.д. 47–48, 193.
106. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 23, л.д. 82.
107. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 23, л.д. 312–316.
108. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. СПб.: Паллада, 1908.
109. ГАТО, Сборник материалов по статистике. Тверская Губерния, выпуск 2–4. Тверь, 1874. С. 53.

110. Обзор Тверской губернии за 1913 год. Тверь, 1914. С. 8–9. Сиверцев П.А. Крещенская ярмарка. Краеведческий альманах «Весьегонск», вып. 1. М.–Весьегонск, 2006. С. 295–296.
111. Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь, 1929. С. 178–179, 202–203.
112. Там же. С. 476–477, 480–481.
113. Там же. С. 210–217.
114. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1968. Т. IV. С. 371.
115. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 462, л.д. 8.
116. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1129, л.д. 1.
117. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 23, л.д. 87, 116, 120.
118. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 4, л.д. 24, 56, д. 11, л.д. 45.
119. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 462, л.д. 8.
120. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 39, л.д. 9.
121. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 121.
122. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л.д. 168–169.
123. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 444, л.д. 73–74.
124. Отчет о деятельности Бежецкого уездного исполнительного комитета Тверской губернии. За 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
125. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1129, л.д. 80, 88–89.
126. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 12, л.д. 37, д. 55, л.д. 1, 52–55.
127. Декреты советской власти. М.: Политическая литература, 1968. Т. IV. С. 371.
128. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 19–20.
129. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 2, д. 737, л.д. 30–34, 46.
130. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, л.д. 466, л.д. 1–3.
131. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 2, л.д. 1–2.
132. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 48.
133. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 17, л.д. 15–17.
134. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 49, л.д. 26, 94–95.
135. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, 30, л.д. 4; д. 50, л.д. 26–27.
136. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1129, л.д. 75–76.
137. ТЦДНИ, ф. 4202, оп. 1, д. 6, л.д. 24.
138. Права и обязанности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. Госиздат, Тверское отделение, 1921. С. 3–6, 11–14.

139. ТЦДНИ, ф. 5259, оп. 1, д. 5, л.д. 41.
140. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 9, л.д. 41–42.
141. Отчет о деятельности Бежецкого Уездного Исполнительного Комитета Тверской губернии. За 1926–27 и 1927–28 гг. Бежецк: Типография «Труженик», 1929.
142. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 1128, л.д. 35.
143. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 48, л.д. 2–3.
144. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 51, л.д. 191–192.
145. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 39, л.д. 7.
146. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 27, л.д. 22.
147. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д.31, л.д. 1–2.
148. Там же. Л.д. 7.
149. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 35, л.д. 1–13.
150. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 31, л.д. 80.
151. ТЦДНИ, ф. 5242, оп. 1, д. 1, л.д. 1–2, 26.
152. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 51, л.д. 9, 42–43.
153. Там же. Л.д. 46.
154. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 73–74.
155. ТЦДНИ, ф. 1, оп. 3, д. 277, л.д. 48.
156. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д.53, л.д. 14, 23.
157. Там же. Л.д. 37–38.
158. ТЦДНИ, ф. 1197, оп. 1, д. 53, л.д. 51–52.
159. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 30, л.д. 27.
160. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 23, л.д. 42.
161. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 39, л.д. 1, 13.
162. ТЦДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 85, л.д. 38–39.
163. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 22, л.д. 161–171.
164. Протоколы XI съезда РКП(б). Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. С. 572–573.
165. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 14; д. 27, л.д. 4, 41–43.
166. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 26, л.д. 102–103; д. 24, л.д. 33.
167. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 33, л.д. 32.
168. ТЦДНИ, ф. 1124, оп. 1, д. 44, л.д. 4–6, 169.
169. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л.: Государственное издательство, 1928. С. 1062–1079.
170. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л.: Государственное издательство, 1928. С. 1304–1317.

171. Муравьева Л.А. НЭП: результаты, противоречия и тупики развития // Финансы и кредит. 2002. № 21 (111).
172. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1928 год. Т. VI; 1929 год. Т. VII. М., 2003.
173. Совершенно секретно. Лубянка Сталину о положении в стране в 1922–1934 годах, 1930 год. Т. VIII, ч. 1. М., 2008.
174. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 59.
175. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 4, л.д. 3–4.
176. Там же.
177. ТЦДНИ, ф. 690, оп. 1, д. 24, л.д. 175.
178. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 29.
179. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 55, л.д. 50–51.
180. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 55, л.д. 102–103.
181. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 2, д. 55, л.д. 71–72.
182. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 32.
183. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 9, л.д. 20–23, 34–35.
184. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 20, л.д. 1–5.
185. ТЦДНИ, ф. 4202, оп. 1, д. 6, л.д. 7–8.
186. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 54, л.д. 1, 8, 11.
187. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 1, л.д. 7–8.
188. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 54, л.д. 12–16.
189. Там же. Л.д. 20.
190. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 16, л.д. 123–125.
191. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Государственное издательство, 1930. С. 730–735.
192. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 2, л.д. 39.
193. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 9, л.д. 25, 43, 46.
194. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 11, л.д. 97.
195. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 5, л.д. 13.
196. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 9, л.д. 85–87.
197. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 7, л.д. 11; д. 9, л.д. 91, 162.
198. ТЦДНИ, ф. 251, оп. 1, д. 38, л.д. 57.
199. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 14, л.д. 1.
200. ТЦДНИ, ф. 136, оп. 1, д. 60, л.д. 1–3.
201. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 30, л.д. 7.
202. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 17, л.д. 15.
203. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 17, л.д. 14–15.

204. Там же.
205. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 17, л.д. 14; д. 29, л.д. 9.
206. ТЦДНИ, ф. 113, оп. 1, д. 29, л.д. 16–17.
207. Там же. Л.д. 16.
208. Журнал «Октябрь». М., 1988. № 11. С. 101.

Оглавление

Введение	3
Глава I. От продразверстки к единому сельхозналогу	10
Продразверстка (1918–1921 годы)	10
Проведение продразверстки в тверской деревне	21
Провозглашение новой экономической политики (1921 год).....	28
Виды натурального продовольственного налога	36
О работе коммунистов в деревне в условиях НЭПа (1923 год).....	41
Переход от натурального налога к денежному налогу (1923 год).....	47
Введение в действие единого сельхозналога (1924 год)	56
Конфискация земли и имущества	61
Глава II. Тверская деревня в годы НЭПа	73
Положение тверской деревни в 1922–1923 годах	73
Тверская деревня в сводках ОГПУ (1924–1927 годы).....	81
Бежецкий уезд Тверской губернии в годы НЭПа	91
Сулежская волость Бежецкого уезда	105
Укрепление партийных организаций в деревне	110
Чистки рядов партии	125
Глава III. Расслоение крестьянского общества	132
Ремесла и промыслы в деревне	132
Наемные работники.....	143
Сельскохозяйственная кооперация	147

Потребительская кооперация	155
Опора советской власти на бедноту	162
Работа коммунистов с беднотой на местах	169
Кулаки в деревне	176
Деревенские нэпманы.....	186
Прежний уклад жизни при новой власти	197
Глава IV. Курс на колхозное строительство	208
XV съезд ВКП(б) о коллективизации (декабрь 1927 года)	208
Тверская деревня накануне коллективизации (1928–1930 годы).....	214
Колхозное строительство в Бежецком округе.....	221
Первые попытки коллективизации в Сонковском районе Московской области.....	228
Первые итоги колхозного строительства (1928–1930 годы).....	234
Коллективизация и раскулачивание в карельской деревне (1930–1931 годы)	246
Крестьяне – заложники политики	259
Заключение	266
Список источников.....	270

Анатолий Головкин

Деревенские нэпманы

ООО «Издательство «Триада». ИД № 06059 от 16.10.01 г.
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, 9, оф. 504, тел./факс: (4822) 42-90-22, 35-41-30
E-mail: triadatver@yandex.ru <http://www.triada.tver.ru>

Подписано к печати 30.09.19. Формат 62×94 1/16, обрезной.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5. Тираж 200 экз. 12+.

Заказ № 479

Головкин Анатолий Николаевич родился 13 мая 1949 года в деревне Петряйцево Сонковского района Калининской (Тверской) области в карельской семье.

Представлял тверских карел с 1995-го по 2005 год в Ассоциации финно-угорских народов России, с 1996-го по 2009 год в Международном консультативном комитете финно-угорских народов.

Возглавлял делегации тверских карел на II (Будапешт, 1996 год), III (Хельсинки, 2000 год), IV (Таллинн, 2004 год) и V (Ханты-Мансийск, 2008 год) Всемирных конгрессах финно-угорских народов.

Написал книги по истории тверских карел, в том числе: «История Тверской Карелии» (1999, 2001, 2008 гг.), «Карелы: от язычества к православию» (2003, 2008 гг.), «В краю двух культур» (2005 г.), «Помнят стены монастыря» (2016 год), «Прошедшие через века» (2017 год), «Жернова. Книга памяти тверских карел» (2017 год), «Владельцы мызы Подобино» (2018 год) и другие.

Книга «В краю двух культур» стала призером I Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие» в номинации «Малые народы» в 2007 году.

9 785947 899009